

Я РАСТУ

Я РАСТУ

А я не знал, что я расту

Всё время, каждый час.

Я сел на стул —

Но я расту,

Расту, шагая в класс.

Расту,

Когда гляжу в окно,

Расту,

Когда сижу в кино,

Когда светло,

Когда темно,

Расту,

Расту я всё равно.

Идёт борьба

За чистоту,

Я подметаю

И расту.

Сажусь я с книжкой

На тахту,

Читаю книжку

И расту.

Стоим мы с папой

На мосту,

Он не растёт,

А я расту.

Отметку ставят мне

Не ту,

Я чуть не плачу,

Но расту.

Расту и в дождик,

И в мороз,

Уже я маму

Перерос!

1967

Я БЫЛА В СТРАНЕ СУОМИ

1

Я была в стране Суоми,

Там, где лыжи в каждом доме,

Где стремглав слетают с вышки

Шестилетние мальчишки.

Мчится лыжник лет шести —

Коренастый Т

о йво,

Не успел он подрасти,

Но пока ещё в пути

Не догнал никто его.

Прыгнул раз,

Потом второй.

Не сробел

Перед горой.

Снова лыжник лет шести —

Синеглазый М

а тти...

Словно ласточка летит,

Попробуйте поймайте!

А кругом громады снега,

Серебром сверкает лёд,

Прямо с неба, прямо с неба

Начинается полёт.

Город солнцем переполнен,
Белизна глаза слепит.
Я смотрю — в морозный полдень
Под горой девчонка спит.

Спит на санках
Чья-то дочка,
Чья-то дочка
Одиночка...

Почему тут мамы нет?
Только длинный лыжный след.

Мама прыгает с трамплина,
И бежит за мамой вслед
Длинный, длинный
Лыжный след.

А девчонке горя мало,
Спит спокойно на спине,
Под пушистым одеялом
Закаляется во сне.

3

Я была в стране Суоми...
Вспоминаю часто:

Снежный лес,
И низкий домик,
И девчонка — Аста.

Она была глазаста,
Ходила в тёплой блузке
И только слово «Здрасте»
Могла сказать по-русски.

Всего одно словечко,
А как нас выручало!
Потрескивала печка,
Девчонка не молчала,

Пирог со свежей рыбой
Разрезала на части
И на моё «спасибо»,
Смеясь, сказала: — Здрасте!

Я улыбнулась Асте,
Она мне снова: — Здрасте...

Всего одно словечко,
А как нас выручало!
Мы вышли на крылечко.

Девчонка не молчала.

И на прощанье снова
Как пожеланье счастья
Звучало это слово:
— Здравствуйте...

1967

ГОЛОС АРТЕКА

На юге, на юге,
В республике горной,
С утра распевают
Горластые горны.

На каждую гору,
На берег скалистый
Выходят горнисты,
Горнисты, горнисты.

На каждую гору,
На каждый пригорок
Выходят горнисты —
Не тридцать, не сорок,

А двести и триста,
А двести и триста...
Выходят горнисты,
Горнисты, горнисты...

У этих горнистов
Особые горны,
Они запевают
Над морем
Над Чёрным.

Ведут перекличку,
Несут эстафету
От Чёрного моря
По белому свету.

1967

ГАЗОН

Сад городской —
Пионерская зона.
Мне поручили
Охрану газона.

Целое утро
Стою я на страже.

Жду я: когда же,
Когда же, когда же
Кто-то пройдёт
По весеннему восходу?

Если мальчишка
Затокает с ходу,
Крикну ему:
— Осторожно, приятель!
Это газон,
Он для глаза приятен.

Если с портфелем
Какой-нибудь дядя
Вдруг по траве
Зашагает не глядя,
Остановлю
Гражданина такого
И разъясню ему
Скромно, толково:
Мол, по газону
Ходить не резонно,—
Каждый пройдёт,
И не будет газона.

Мог бы пугнуть я
Отсюда девчонку,—

Нет ни одной,
Все отходят в сторонку,
Все, как нарочно,
Идут по дороге.

Вдруг чей-то голос
Послышался строгий.
Кто-то кричит:
— Осторожно, приятель,
Это газон!
Он для глаза
Приятен.

Кто же нарушил
Запретную зону?
Я, зазевавшись,
Иду по газону,
И, на меня
Укоризненно глядя,
Мне разъясняет
Разгневанный дядя:
Мол, по газону
Ходить не резонно,—
Каждый пройдёт,
И не будет газона.

1966

Я ЗНАЮ, ГДЕ ЖИВУТ МОРЖИ

Я знаю, где живут моржи,—

Не только на воде.

Я знаю, где живут моржи,—

Они живут везде.

Есть архитекторы-моржи,

Сидят, уткнувшись в чертежи,

И есть водители-моржи,

И есть родители-моржи.

И я знаком с одним моржом.

Где он живёт?

На суше,

Над нами, выше этажом,

Его зовут Андрюшей.

Он взрослый, ходит в институт,

И у него усы растут.

Бегут прохожие дрожа,

Подняв воротники,

А для Андрюши, для моржа,

Всё это пустяки.

Не зря зовут его моржом:
В мороз, в любую пору,
Толпой мальчишек окружён,
Он — раз! — с разбега
В прорубь!

А мы любимся моржом,
Его одежду стережём.

Он вылезать не хочет, нет!
Не холодно Андрюше,
А я стоял, тепло одет,
И отморозил уши.

1967

ГОРЕ-СЛЕДОПЫТЫ

Прямо в школу следопыты
Ветерана привезли.
Ветеран полузабытый
Жил от города вдали.

Вдруг, нежданно-нежданно,
В тихом доме у реки
Разыскали ветерана

Следопыты-пареньки.

Был старик слегка простужен,
Был в постели обнаружен.
Но, увидев деток милых,
Ветеран сказал: — Ну что ж,
Отказать я вам не в силах,
Дорогая молодёжь!

Говорят, что после сбора
Он опомнился не скоро,
Долго кашлял ветеран
И вздыхал по вечерам.

А ребята-следопыты
Сразу стали знамениты
И о трудностях похода
Разнесли повсюду весть.
(Был для них автобус подан,
Оставалось — только сесть.)

Сам вожатый утром рано
Ездил поездом в совхоз,
Точный адрес ветерана
Он готовенький привёз.

Но они, по крайней мере,
Колотили сами в двери,
Ветерана снаряжали,
Сами под руки держали.

Говорят, что после сбора
Он опомнился не скоро.

1967

КУДА ВЕСНА ПРОПАЛА?

Не знаю, почему же
Весна всё не идёт?
Опять замёрзли лужи,
Похрустывает лёд.

А мы плащи надели
Ещё на той неделе.

Куда весна пропала?
Куда девалась вдруг?
А вдруг она попала
Куда-нибудь на юг
И там осталась где-то?..
Но там всё время лето,

Там нет морозных дней,
А нам весна нужней!

У нас замёрзли лужи,
Похрустывает лёд,
Не знаю, почему же
Она к нам не идёт?

1967

ЕСЛИ ВЫ ЕМУ НУЖНЫ

Он знает, что такое лезть,
Умеет к деду в душу влезть.

Вот он вздыхает у дверей:
— Ты самый добрый, всех добрей...
Пойдём со мной смотреть зверей!

Растрогал бабушку вчера,
Сказал: — Ты вовсе не стара,
Другие бабушки старей...
Пойдём в кино со мной скорей!

Твердил соседке он не раз:

— Ваш младший сын похож на вас...

У вас копеек десять есть?—

Он знает, что такое лезть.

И, если вы ему нужны,

Его улыбки так нежны...

1967

ВАЖНЫЙ ПЛЕННИК

Была весенняя пора,

Была военная игра,

И нам попался пленный.

Пленный! Пленный!

Какой почтенный пленный!

Хотя он ростом не высок,

Но у него седой висок,

Он очень важное лицо —

Директор школы

Взят в кольцо.

Пленный! Пленный!

Такой почтенный пленный!

Он был участником игры,

Он жёг сигнальные костры
И оказался пленным.
Пленным! Пленным!
Таким почтенным пленным!

Поставил двойку не одну
Он в наших дневниках,
И вот сегодня он в плену,
У школьников в руках.
Пленный! Пленный!
Такой бесценный пленный!

Приятно, что ни говори,
Дела идут на лад...
К нему бегут секретари:
— Директор! Ваш доклад!

А он вздыхает: — Ну и ну!
Предупредите: я в плену,
Я, к сожаленью, пленный,
Обыкновенный пленный.

Такое важное лицо —
Директор школы
Взят в кольцо!
Такой бесценный пленный

Один во всей вселенной!

1967

В ДОЖДЬ!

Своих цыплят вела наседка,
Вдруг где-то грохнуло вдали,
Блестит дождя косая сетка,
И сразу реки потекли.

Дорога мокрая, сырая,
Наседка мечется: как быть?
Не добежать ей до сарая,
Цыплят от ливня не укрыть...

Их под дождём попробуй спрячь-ка!

Вдруг люди видят из окна:
— Какая курица чудачка,
Сидит под дождиком она!

Она сидит, раскинув крылья,
Решила — дождик переждём...
Цыплят под крыльями укрыла
И смело мокнет под дождём.

1970

ПРИЗНАНИЕ

Поди узнай,
Поди пойми,
Что стало с парнем
Лет восьми?

Он всех в один несчастный день
Чуть не довёл до слёз.
Его зовут — стоит как пень,
Как будто в землю врос.

— Смотри не пей воды сырой!—
Советует сосед.
Один стакан, потом второй
Андрюша пьёт в ответ.

Поди узнай,
Поди пойми,
Что стало с парнем
Лет восьми?

— Придёшь обедать к трём часам,
Ему сказала мать.
Он пробурчал: — Я знаю сам...—

А сам явился в пять.

— Ну что с тобой, Андрюшенька?

И сын признался ей:

— Когда я вас не слушаюсь,

Я выгляжу взрослей!

1967

РИСУНОК

Это — город. Как высок он!

Сколько крыш! И сколько окон

Смотрит голубь сверху вниз,

Он уселся на карниз.

А на самом первом плане

Нарисован человек.

Выше всех высотных зданий

Получился человек.

Он стоит, такой красавец

В рыжей шубе меховой,

Голубых небес касаясь

Непокрытой головой.

Почему он выше крыши?

Он высокой башни выше,

Возвышается над ней!

Он зачем такого роста?

Всё понятно, очень просто:

Человек-то всех главней!

1970

СЛАДКАЯ ТЕМНОТА

Если вам уже лет двадцать,

Всё равно вы помните —

Очень трудно оставаться

Детям в тёмной комнате.

Окна стали чёрными,

Шорохи за шторами...

Так и чудится ребятам,

Что за шторой

Кто-то спрятан.

И случается на свете,

Даже школьники и те —

Храбрецы при ярком свете,

Но трусливы в темноте.

И Серёжа, наш Серёжа,
Самый младший член семьи,
Темноты боялся тоже
Лет, пожалуй, до семи.

Прочь выскакивал со стоном,
В темноте его трясло,
Но Серёжа был сластёной...
Это парня и спасло.

В зимний вечер дело было.
Мама вспомнила: — Постой,
Я пакет один забыла
В тёмной комнате пустой!

Мармелад лежит в пакете,
Это сыну моему...—
И, слова услышав эти,
Парень бросился во тьму.

Сразу,
Страх
Преодолев,
В темень

Кинулся

Как лев.

Он теперь из светлых комнат

Смело входит в темноту:

Мармелад Серёжа помнит

И приятный вкус во рту.

1967

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

Нет, Наташин старший брат

Не бывает виноват.

Он в сестру стрельнул мячом,

Говорит: — Не плачь!—

Говорит: — А я при чём?

Слишком жёсткий мяч.

Он щенка толкнул ногой,

Виноват щенок:

— Ты зачем, мой дорогой,

Скачешь возле ног?

Он из сумки свой пенал

Потерял вчера.

Говорит: — Я так и знал —

В ней давно дыра.

Опоздал сегодня в класс:

— В мастерской часы у нас.

И вот беда какая —

Закрыта мастерская!

Нет, Наташин старший брат

Не бывает виноват.

1968

ЕСЛИ Б Я БЫЛА ДЕЛЬФИНОМ

Если б я была дельфином

И людей спасать могла!..

Ветер лодку опрокинул:

Нет ни лодки, ни весла,

Волны, волны без числа...

Всё сильнее бушует ветер,

Налетает на причал,

Он сорвал рыбачьи сети,

Он всё море раскачал...

Если б я была дельфином,
Я была бы гибкой, длинной,
Я бы мчалась как стрела,
Рыбака бы я спасла.

В грозном море чёрно-синем
Гибель ждёт его вот-вот,
Но раздался свист дельфиний
Друг на выручку плывёт.

Рыбаку подставлю спину —
Пусть доверится дельфину!

Не надолго, хоть на месяц,
Я дельфином стать хочу.
Всё узнаю, всё замечу,
Их повадки изучу.

У дельфина тайн немало:
Как он слышит без ушей?
Как сзывает по сигналам
Годовалых малышей?

Он от всей души резвится,

Ловко скачет по волнам.
Как сумел он так развиться,
Непонятно это нам.

Не надолго, хоть на месяц,
Я хочу дельфином стать.
Всё увижу, всё замечу,
Стану школьницей опять.

1968

ПОСТОРОННЯЯ КОШКА

Мы до сих пор не поняли,
О чём же вышел спор?
К нам кошка посторонняя
Вчера пришла во двор.

А мамы из окошек
Бранят нас из-за кошек:

— Не подходи к ней близко,
Тебя царапнет киска!

Тут ходят кошки разные,
А вдруг они заразные?

И пошло, как говорится,
Расшумелся весь подъезд,
А у мам такие лица,
Будто к нам пришла тигрица
И вот-вот кого-то съест!

Кричит с балкона бабушка,
Старушка в тёмной шали:
— Ну чем, скажи пожалуйста,
Вам кошки помешали?

— Но мы её не гоним прочь!—
Тут все затараторили.—
Пускай сидит хоть день и ночь
На нашей территории.

Вы нас неверно поняли,
Ей не желаем зла...

Но кошка посторонняя
Обиделась, ушла.

1967

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПТИЦА

На горе стоит лесок,
Он не низок, не высок,
Удивительная птица
Подаёт там голосок.

Удивительная птица —
Засвистит и притаится.

По тропинке два туриста
Шли домой издалека,
Говорят: — Такого свиста
Не слышали мы пока.

Говорит один: — Постой-ка!
Неужели это сойка?
Если это коростель,
Как же он выводит трель?

Говорит другой: — Ну что ты!
Он берёт такие ноты,
Будто это соловей
Засвистел среди ветвей.

Не соловушка,
Не сойка —
Я насвистываю бойко,
Я сижу под ёлкою
И свищу
И щёлкаю.

1966

ИСТОРИЯ НА ПРОСЕКЕ

Если вы попросите,
Я вам расскажу,
Как гулял по просеке
Жук. Рогатый жук.

Он топорщил усики:
— Дайте мне пройти!—
Ои жуков малюсеньких
Сталкивал с пути.

А жучиха-бабушка
В нём души не чаяла,
Заступалась бабушка:
— Это он нечаянно.

Если вы попросите,

Я вам расскажу:
Шёл Сергей по просеке,
А навстречу — жук.

Что случилось далее?
Сбил Сергей жука.
Он носком сандалии
Дал ему пинка.

Если вы попросите,
Я вам расскажу,
Как лежал на просеке
Жук, убитый жук,

Как была встревожена
Бабушка Серёжина.

Между прочим, бабушка
В нём души не чаяла.
— Ах, — вздохнула бабушка,—
Это он нечаянно.

1967

НАШ КОРМИЛЕЦ

Поселился в нашем доме
Человек лет сорока.
Все мальчишки удивились:
— Не похож на старика!

Коренастый, невысокий,
Он сидит на солнцепёке,
На жаре, без козырька.

Он взбирается без лифта
На двенадцатый этаж.
Говорят ему соседи:
— Как дела, кормилец наш?

Почему его кормильцем
Называет весь подъезд?
Никого же он не кормит,
Сам мороженое ест.

Почему же он кормилец?
Все мальчишки удивились.

— Почему вы на припёке,
На жаре, без картуза?
— Молодой вы или старый?—

Задают вопрос в глаза.

Непонятен был ответ:

— Я не очень юных лет,

Но до старости далёко.

Что касается припёка,

То, как старый хлебопёк,

Уважаю я припёк.

Нам на солнышке не жарко,

У печей погорячей.—

Тут мальчишки закричали:

— Хлеб печёт для москвичей!

1970

БЫЛО У БАБУШКИ СОРОК ВНУЧАТ

В огороде, в огороде —

Вот беда!—

Появилась, поселилась

Лебеда.

Бабка ахнула:

— Поди-ка,

И не видно,

Где клубника!

Я повыдергаю тр
а ву,
Уничтожу лебеду,
На неё найду управу —
Сорок внуков приведу!

Сорок внуков, ровно сорок,
Засучили рукава:
— С ней расправишься не скоро —
Ох и цепкая трава!

Но повыдергали
Тр
а ву,
Поработали
На славу.

Бабка ахнула:
— Поди-ка!
Ишь какая благодать!

Только где
Моя клубника?
Что-то ягод

Не видать!

1967

СТАРЫЙ ВЕЛИКАН

Старый дуб-великан,
Чуть не в три обхвата,
Ты тянулся к облакам,
Зеленел когда-то.

Старый дуб-великан,
Ты бедняга просто!
Нет веток по бокам,
Только чёрный остов.

Ураган тебя не снёс,
Буря не свалила,
Может быть, в одну из гроз
Молния спалила?

Нет, взобравшись на откос,
Ты, могуч и строен,
Боевую службу нёс
И погиб, как воин.

Партизаны на привал
Шли к тебе с разведки,
Ты собой их прикрывал,
Наклоняя ветки.

Зеленеть бы до сих пор,
Зеленеть тебе бы,
Но в ветвях скрывал дозор
Ты под самым небом.

И глядел дозорный
Будто с вышки горной.

Старый дуб-великан,
Чуть не в три обхвата,
Ты, спасая партизан,
Ранен был когда-то.

Летним утром ранним
Был смертельно ранен.

1967

СПА-А-АТЬ, СПА-А-АТЬ, ПО ПАЛАТКАМ...

Из серебряного горла

Раздавались звуки горна.

И гимнасты на лугу

Гнулись в лёгкую дугу.

Тут купались и плескались

И в далёкий путь пускались.

День прошёл своим порядком,

Затихает птичий свист.

— Спа-а-ать, спа-а-ать, по палаткам.

Под луной поёт горнист.

Спать девчонкам неохота,

И мальчишкам не до сна.

— Ну когда ж, — вздыхает кто-то, —

Будет ночь отменена?

Принимаются подружки

Перекладывать подушки,

Начинают их трясти,

Чтобы время провести.

Футболисты-непоседы
Еле движутся и те,
Расшнуровывают кеды
Долго-долго в темноте.

Разговор идёт в потёмках
О футболе и о том, как
Хорошо гулять в лесу
На заре, в шестом часу...

Но уже, зевнув украдкой,
Кто-то шепчет: — Замолчи...—
Спят, спят, по палаткам...
И по чьим-то голым пяткам
Ходят лунные лучи.

1967

СИЛЬНОЕ КИНО

Заранее, заранее
Всё было решено:
У школьников собрание,
Потом у них кино.
Домой придёт
Мой старший брат,
Он мне расскажет

Всё подряд,
Он объяснит мне,
Что к чему,
А я большая!
Я пойму.

И вот он начал
Свой рассказ:
— Они ползут,
А он им — раз!
А тут как раз
Она ползла,
А он как даст ему
Со зла!
Она им — раз!
Они ей — раз!
Но тут как раз
Её он спас,
Он был с ней
Заодно.
Ух, сильное кино!

Нет, видно, я ещё мала,
Я ничего не поняла.

1968

СЛОН И ВЕРЁВОЧКА

Кинокомедия

Высокий дом где-то на окраине Москвы. Балконы освещены солнцем, на них сушится бельё, проветриваются зимние вещи.

Две мамы одновременно появляются на соседних балконах. В руках у одной из них таз с мокрым бельём.

— Ну вот... А верёвка где? — удивлённо говорит одна мама.

— Так, опять верёвки нет! — возмущается другая на своём балконе.

— Катя! — кричит она вниз, во двор.

— Наташа! — с негодованием кричит другая, перегнувшись через перила.

Во дворе, во всех углах, взлетая, вертятся верёвочки. Девочки скачут на все лады с таким видом, как будто делают важное дело.

Я по улице скачу,

Я верёвочку верчу.

Сорок раз без остановки

Прыгну, если захочу... —

распеваает Катя, девочка лет восьми, с длинными косами, в клетчатом платье. Она скачет особенно ловко и легко.

Все поют в такт своим прыжкам:

Я и прямо, я и боком,

С поворотом, и с прискоком,

И с разбега, и на месте,

И двумя ногами вместе.

Около дома, у стены, стоит Лидочка. Ей шесть лет, у неё очень короткие, торчащие в разные стороны косички. В руках у неё верёвочка, но Лидочка не прыгает, только поёт негромко:

Я и прямо, я и боком,

С поворотом, и с прискоком...

Во двор входит высокий человек. В руках у него книга, которую он держит перед собой и читает на ходу. Девочки стоят в очереди перед вертящейся верёвочкой. Высокий человек, продолжая читать, невольно перепрыгивает через верёвочку и только тогда понимает, в чём дело, говорит сердито:

— Неужели нельзя найти какое-нибудь другое, более целесообразное занятие?

Девочки весело выкрикивают:

Тут проходим не пройти,

Тут верёвка на пути,

Хором девочки считают

Десять раз по десяти.

Это с нашего двора

Чемпионы, мастера

Носят прыгалки в кармане,

Скачут с самого утра.

Высокий человек произносит умоляюще:

— Позвольте, наконец, пройти...

Балконы дома освещены солнцем. Мамы, развешивая бельё, поют:

Не найдётся в нашем доме

Ни верёвки, ни шнура,

Потому что в нашем доме

Скачут девочки с утра.

На балконе в нижнем этаже своеобразная сапожная мастерская. Старик дедушка чинит детские тапочки, стучит молотком, шутливо поёт:

Скачут девочки с утра,

Оттоптали пятки,
В новых тапочках дыра,
Вот кладу заплатки.

А девочки смеются над Лидочкой, дразнят её:

Лида, Лида, ты мала!
Зря верёвочку взяла!
Лида прыгать не умеет,
Не доскачет до угла!

Лидочка пытается прыгать, запуталась в верёвке, говорит, нахмурившись:

— Я крутить уже умею, а перешагивать не могу.
— Ты как слон топаешь! — смеются девочки.
— Лида — настоящий слон, — подтверждает толстощёкий Юра.
— Сказал! Слон даже танцует, — не соглашается его товарищ Петя. — Я в цирке видел. А Лида ужас какая неуклюжая!

Лидочка больше не в силах сносить насмешки. Она говорит с достоинством:

— Я и не хочу прыгать!.. — Молча, решительно направляется к дому.

Мальчики идут к воротам. Их послали за хлебом, в руках у них пустые сумки. Юра предлагает товарищу:

— Петя, давай авоськами меняться.

Петя удивлён:

— Авоськами? Да они же одинаковые.
— Ну и что ж, всё равно можно поменяться! Я уже три дня ни с кем не менялся.

И мальчики обмениваются авоськами.

У ворот, на площадке перед домом, совсем взрослые девочки прыгают через верёвочку с невероятной быстротой.

— Пожар! Пожар! Пожар! — кричат они и скачут всё быстрее.

Девочки поют, прыгая замысловато и ловко:

Это с нашего двора

Чемпионы, мастера

Носят прыгалки в кармане,

Скачут с самого утра.

Во дворе и на бульваре,

В переулке и в саду,

И на каждом тротуаре

У прохожих на виду.

На площадке, будто подражая девочкам, высоко подпрыгивая, скачет воробей.

В комнате, где живёт Лидочка, окно открыто настежь. За прозрачными занавесками видна Москва, синее небо, деревья в соседнем саду.

— Одна я не умею прыгать! Как слон топаю. Надо мною девочки во дворе смеются, — жалуется бабушке расстроенная Лидочка.

Бабушка седая, худенькая, очень добрая. Она сидит в старом кресле и необыкновенно быстро вяжет кофту с длинными рукавами.

Бабушка говорит, не отрываясь от вязанья:

— Надо учиться. Я тоже многого не умела, а сегодня меня приёмщица похвалила.

— А разве у вас в мастерской прыгают? — поняв по-своему, удивилась Лидочка.

— Ну конечно, — шутит бабушка.

— И ты прыгаешь? — недоверчиво спрашивает Лидочка.

— Ещё как прыгаю! — смеётся бабушка и сажает Лидочку к себе на колени, поёт:

Не помню я, в каком году,

Но много лет назад

И я бежала с прыгалкой

Весной в зелёный сад.
Весной я прыгала в саду,
Как скачут все ребята...

Не помню я, в каком году,
Давным-давно, когда-то...
Тогда была я девочкой,
Была я молода,
А кто из нас не прыгает
В юные года...

Бабушка вздыхает и уже молча продолжает вязать.

Лидочка тоже вздыхает:

— Поверти мне верёвочку, — просит она.

— Ну ладно, — соглашается бабушка, — показывай, что у тебя не выходит.

Лидочка привязывает верёвку к спинке стула, бабушка старательно вертит её, не вставая с места.

Лидочка пробует прыгать. Бабушка через очки внимательно смотрит ей на ноги.

— Да, что-то не получается, — с искренним огорчением говорит она.

— Потому что я неуклюжая, — объясняет Лидочка.

— Пустяки, вот это уж совершенные пустяки!.. Ну-ка, прыгни ещё раз!

Лидочка снова так же неловко делает прыжок.

— Теперь понятна твоя ошибка. Ты торопишься, не ждёшь, пока верёвочка опустится.

Бабушка начинает ещё старательнее вертеть верёвочку. Вдруг раздаётся грохот — Лидочка зацепилась ногой за верёвочку и опрокинула стул.

— Ну ничего, уже лучше, — подбадривает бабушка. — Главное, надо тренироваться. Человек должен иметь терпение. Попробуем ещё раз.

Бабушка увлеклась и отложила в сторону своё вязанье. Лидочка подняла стул, снова готовится к прыжку. Вертится верёвочка, к ней подходит пушистый кот и легко перепрыгивает через неё. Обиженно взглянув на него, Лидочка отходит в сторону.

— Ничего, ничего, — утешает бабушка, — тебе прыгалки длинные. Я сплету тебе прыгалки по твоему росту.

...Борис, худощавый мальчик лет одиннадцати, держит в руках старую заржавленную пожарную каску.

— Борис! — кричит ему Юра, выбегая из подъезда. Запыхавшись, он радостно сообщает: — Слыхал? Мой папа сегодня выписывается из больницы! Ему старый осколок вынимали! В шесть часов мы за папой поедem, я и мама... — Юра спешит выложить все новости. — Мне папа что подарил! Сигнальную шашку, настоящую, я его давно просил.

Борис недоверчиво прищурился, дразнит:

«Трижды три!» — кричат вороны,

«Меньше ври!» — кричат вороны.

Юра возмущён:

— Не веришь?

Он вынимает из кармана небольшую металлическую коробку.

— На, смотри, если не веришь. Сигнальная шашка. Трофейная. Она у папы с самой войны в столе лежала.

С видом знатока Борис рассматривает коробочку.

— Тише ты, это тебе не игрушка, — гордится Юра.

Борису очень понравилась сигнальная шашка. Он предлагает:

— Хочешь, давай меняться на каску? Я за неё свой старый ремень отдал, почти новый. Да ещё свисток в придачу.

Лидочка остановилась около ребят, слушает их разговор.

— Давай, только завтра, — отвечает Юра.

— Нет, до завтра я ждать не буду, у меня другие эту каску просили.

Лидочка спрашивает с любопытством:

— Опять меняешься? Как Иванушка-дурачок? Да?

— Уйди отсюда! — прикрикнул на неё Борис. С напускным равнодушием поёт:

Рики-баки, рики-баки,

Жили-были три собаки...

Юра не знает, на что решиться:

— Понимаешь, мне папа её ещё не подарил. Я на минутку взял поносить в кармане.

— Ну, вечером подарит! Значит, всё равно она уже твоя, — убеждает Борис маленького Юру.

— Ты думаешь? — колеблется тот. Наконец, решившись, отдаёт Борису коробочку, предупреждает его: — Только осторожно смотри!

В комнате на столе, на диване, на стульях — везде чертежи и рукописи. Лидочкин сосед, высокий человек, которого мы видели во дворе, кладёт себе на голову холодный компресс, стонет, охает. В открытое окно несётся со двора песенка. Сосед поёт, жалуясь:

Напекло мне голову,

У меня мигрень.

А ребята прыгают,

Скачут целый день.

Сосед ложится на кровать, продолжая жаловаться:

Хоть бы на минуточку

Дали задремать...

Накрывает голову подушкой:

Перестали, кажется?

Высовывается из-под подушки:

Начали опять!

Сосед сидит на кровати, раскачивается из стороны в сторону, обложив голову подушками. Тяжело вздыхает, поёт:

Ох, от этой прыгалки

Больше нету сил.

Я бы это прыганье

Просто запретил!

Сосед распахивает настежь окно, кричит вниз сердито:

— Да перестаньте вы, в конце концов!

Он увидел Лидочку, которая неловко прыгает в углу двора:

— Лида, пойдй сюда!

Лидочка сидит на стуле посреди комнаты. Сосед горячо объясняет ей:

— Неужели нельзя найти какое-нибудь другое, более целесообразное занятие?! С утра до ночи однообразное шарканье ног. Я уже места себе не нахожу. Понятно?

Лидочка утвердительно кивает головой.

— Понятно! Я пока только крутить могу, а перешагивать не умею.

— Ничего тебе не понятно! — машет рукой сосед. Пробует объяснить по-другому: — Ну вот, если бы я, например, целый день делал одно и то же, ну, если бы я с утра до вечера пел, тебе это понравилось бы?

Лидочка отвечает радостно:

— Очень! А у тебя какой голос, первый или второй?

— Ну как ей объяснить? — недоумевает сосед. — Ну, понимаешь, дети, по-моему, должны получать всестороннее воспитание. Ну, там играть, петь, рисовать, слушать музыку. Они должны совершать полезные поступки.

Лидочка вдруг заявляет:

— А слоны умеют прыгать!

— При чём тут слоны? — ужасается сосед. — Нет, Лидочка, ты просто какая-то отсталая девочка.

— Ничего я не отсталая! Бабушка говорит, что я научусь прыгать. Человек должен иметь терпение, — повторяет она слова бабушки.

И, размотав верёвочку, Лидочка начинает прыгать.

Сосед кричит, хватаясь за голову:

— Перестань сейчас же! У меня мигрень! Есть у тебя сострадание, в конце концов?!

— Нет, у меня этого нет, — наивно отвечает Лидочка, думая, что речь идёт о каком-то лекарстве. — Может быть, у бабушки это есть. Пойду спрошу.

Вдруг со двора несётся громкий крик:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Сосед вскакивает, берёт Лидочку на руки:

— Спокойно, спокойно, Лида, сейчас потушим, ты только не бойся!

Подбегает к окошку, видит прыгающих девочек, которые кричат «пожар!», с отчаянием машет рукой.

В комнате Лидочки опущена штора, но солнечные лучи проникают через неё. Лидочка сидит на кровати, бабушка щёткой приглаживает ей волосы, заплетает косички.

— Чаем очень полезно волосы мочить, мне в детстве всегда чаем мочили и щёткой приглаживали.

Лидочка, вздохнув, укладывается поудобнее. Около кровати стоит большой игрушечный слон с качающейся головой. Лидочка качнула голову слона:

— Спи, спи, слон.

Бабушка садится около Лидочки, вяжет, напевая песенку:

Головой кивает слон,

Умный слон.

Он слонихе шлёт поклон,

Шлёт поклон.

Качнул головой слон. Бабушка продолжает петь:

Ох, ему так много лет,

Двести лет!

Он вам может дать совет,

Дать совет!

Ещё раз качнул головой слон. Лидочка слушает, как поёт бабушка:

Он давно живёт на свете,

Он родился в старину.

Ходят взрослые и дети

За советами к слону.

Неожиданно Лидочка спрашивает:

— Бабушка, а кто из вас моложе — ты или слон?

— Наверно, я всё-таки моложе. А может быть, мы ровесники, — улыбается бабушка. — Спи, Лидочка.

Бабушка осторожно выходит в другую комнату, вдруг пробует перепрыгнуть через верёвочку. Прыгает ловко и легко, несколько раз подряд. Говорит, очень довольная:

— Не так плохо для моего возраста! Дай бог каждому.

— Дай бог каждому, — с завистью говорит Лидочка. Она стоит в дверях, всё видела. — Бабушка, какая ты счастливая! — завидует она.

Бабушка почему-то очень рассердилась, даже прикрикнула:

— Спи, тебе говорят!

Но Лидочке всё не спится. Она снова улеглась, повернулась на другой бок. Разглядывает игрушечного слона, вздыхает:

— И бабушка умеет прыгать, и слон. Такие толстые ноги, а танцует. Одна я неуклюжая. — Она спрашивает жалобно: — Бабушка, ну когда же я научусь прыгать?

Бабушка утешает её:

— Вот будешь хорошей девочкой и научишься.

— А как это — быть хорошей?

— Ну как... помогать всем, — объясняет бабушка, поправляя одеяло, укрывая Лидочку. — Спи, а то я рассержусь.

Лидочка смотрит на слона, говорит задумчиво:

— Он всё знает... А как научиться прыгать, он тоже знает?

Слон качнул головой, как будто ответил Лидочке. Она бормочет, засыпая:

— Вы дадите мне совет?

...Вдруг с шумом взвивается штора на окне. Через стекло мы видим залитую солнцем, оживлённую улицу, похожую на картинку из детской книжки. Дома весёлые, на углах продавцы с воздушными шарами, мороженщицы. Мы не сразу понимаем, что происходит. На первый взгляд кажется, что на улице большое движение. Но оказывается, что все прохожие прыгают через верёвочку. Прыгая, они движутся вперёд по тротуару с таким видом, как будто это самый обычный, естественный способ передвижения.

Звучит песенка:

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки.

Шумная, весёлая,
Весенняя Москва,
Ещё не запылённая
Зелёная листва.

Галдят грачи на дереве,
Гремят грузовики.
Весна, весна на улице,
Весенние деньки!

Друг за другом выпрыгивают пассажиры из трамвая, вертя свои верёвочки. Точно так же выпрыгивают пассажиры из троллейбуса. Песенка продолжает звучать:

Шумная, весёлая,
Весенняя Москва,
Ещё не запылённая
Зелёная листва.

Милиционер на углу, регулируя уличное движение, ловко и ритмично перескакивает через верёвочку. Никакой суеты на улице нет. Все обращаются с верёвочкой ловко и непринуждённо.

Распевают песенку школьницы; они идут по тротуару парами, одновременно взмахивают верёвочками и все вместе делают прыжок.

Скачут два мальчика через одну верёвочку. Между ними через скакалочку скачет их собачка.

Скачет годовалый малыш в коляске.

Одна Лидочка без верёвочки. Она идёт не прыгая, она очень смущена тем, что передвигается не как все.

— Подумайте, такая большая девочка и не умеет прыгать! — сокрушаются прохожие.

Лидочка, чуть не плача, оправдывается:

— Я иду к слону, он меня научит!

Чтобы быть похожей на всех, Лидочка притворяется, что прыгает. Делает прыжок, сжимает и разжимает руки, как будто у неё в руках верёвочка. Неловко подскочив, она толкнула какую-то женщину, которая степенно прыгала впереди.

Женщина сбилась с такта, запуталась в верёвочке, кричит возмущённо:

— Безобразие! Она совершенно не соблюдает правил уличного движения! Она прыгать не умеет! Надо сказать милиционеру.

Раздаётся громкий свист, это приближается милиционер.

Сразу замерла вся улица. Все остановились. Одна только перепуганная Лидочка бежит вперёд, скрывается за поворотом.

Высокие красивые ворота зоопарка. Лидочка входит в парк. Идёт по аллее, оглядывается, идёт спокойнее, спрашивает:

— Это я в зоопарк пришла, к слону?

Вдруг она видит прыгающих обезьянок, в лапах у них скакалочки. Обезьяны скачут по дереву.

— И они прыгают! — удивилась Лидочка.

Лидочка видит лису, которая скачет через верёвочку.

Скачет лиса,

Вот чудеса!

По дорожке скачет страус, перепрыгивая через несколько верёвочек.

Прыгает птица...

Мне это снится? —

не верит Лидочка своим глазам.

По лужайке скачет Юра. На голове у него огромные олени рога.

— Что это ты на голову надел? — изумилась Лидочка.

— Рога, — отвечает Юра. — Я с оленем поменялся.

Тут же на лужайке скачет олень. У него на голове вместо рогов надета набекрень Юрина кепка.

— Поменялся? — ужасается Лидочка, глядя на Юру. — А как же ты в школу с рогами пойдёшь?

Юра беззаботно машет рукой:

— Ничего, теперь каникулы!

Юра подбежал к моржу, предлагает ему меняться:

— Усы на хвост, давай?

Морж согласен, кивает головой.

Юра снимает с него усы, с деловым видом направляется к лисе, спрашивает у неё:

— Усы на хвост меняешь?

И, нацепив лисе усы, отбирает у неё хвост. Хвост он отдаёт моржу.

С удовольствием оглядывает преобразённых зверей, поёт, очень довольный:

Решено большинством голосов,

Что лисе не хватило усов.

А теперь наконец у лисы

Появились большие усы.

Под деревом сидит бабушка. На этом дереве вместо плодов растут клубки шерсти, похожие на огромные яблоки. Длинные нитки спускаются с дерева на колени к бабушке. Она вяжет бесконечно длинные рукава кофты.

Вдруг она отложила вязанье, заботливо поднимает с земли ёжика, начинает приглаживать его иголки большой щёткой.

— Ну вот, теперь ты не такой взъерошенный, — говорит она.

Бабушка опускает прилизанного ёжика на землю и снова берётся за вязанье. Причёсанный ёжик отползает в сторону и сейчас же снова выпускает все свои иголки.

Лидочка идёт по парку. На пути ей встречается медвежонок. Он греется на солнышке. Лидочка спрашивает его:

Тебе со мной не по пути?

Веселей вдвоём идти...

На берегу озера огромный пеликан. Лидочка подходит к нему, рассматривает его, достаёт из воды рыбу, бросает её пеликану. Он ловит её на лету, широко раскрыв клюв. Накормив его, Лидочка прощается с ним:

До свиданья, пеликан.

Пеликан-великан!

Всё более чудесными становятся аллеи парка. На камне лежит пятнистый леопард.

Лидочка бесстрашно подходит к нему, гладит его:

Ой, какой огромный кот!

Дай мне лапу!..

Не даёт!

Помахай мне лапой!

Меня не оцарапай!

Юра стоит около верблюда, уговаривает его:

— Послушайте, знаете что? Я вам отдам эти рога, а вы мне дайте что-нибудь другое. Ну хоть горбы! Всё-таки лучше...

Верблюд посмотрел на Юру, говорит, медленно роняя слова, совсем как Лидочкин сосед:

— Ты опять меняешься? Неужели нельзя найти какое-нибудь другое, более целесообразное занятие?

— Ты узнал его? Это ведь наш сосед, — вслух удивилась подбежавшая Лидочка. — Это вы, да? Можно, я к вам на плечи сяду?

Лидочка влезает на верблюда. Верблюд медленно удаляется по аллее.

Начинает шевелиться огромный серый холм. Оказывается, что это слон. Он лежал к нам спиной и возвышался, как гора.

Птицы на ветках поют:

Головой кивает слон,

Умный слон.

Он слонихе шлёт поклон,

Шлёт поклон.

— Вы дадите мне совет? — спрашивает Лидочка. И просит вежливо: — Пожалуйста, покажите мне, как прыгать. А то надо мной девочки смеются.

Слон показывает, как нужно прыгать, поднимая кверху огромные ноги.

Лидочка старается повторить его движение.

Говорит со вздохом:

— Так я уже пробовала. У меня не выходит. Научите меня прыгать, а то я неуклюжая.

Слон говорит торжественно:

— Слушай меня.

Слушают звери.

Прислушивается лиса.

Слушает олень в Юриной кепке.

Слушает верблюд, повернув голову.

Слон говорит медленно, голосом бабушки:

— Для того чтобы научиться прыгать, нужно совершать хорошие поступки.

— Хорошие поступки! — кричат попугаи.

— Постууу-уу-уупки! — кричит сова.

Лидочка повторяет по слогам:

— На-до со-вер-шать хо-ро-шие поступки. А как это надо делать? — спрашивает она.

— Надо вставать, — отвечает слон голосом бабушки.

Лидочка открывает глаза, но всё ещё не может проснуться.

— Пустите, не мешайте! Я должна совершать поступки! Мне слон велел.

Бабушка испуганно вскрикивает, щупает Лидочке голову:

— Постой, надо температуру измерить.

— У меня тридцать шесть и шесть, я здоровая. Ты мне уже в прошлом году температуру мерила.

Вдруг Лидочка увидела, что на стуле висят новые нарядные прыгалки, с помпонами.

Босиком, в одной рубашке Лидочка подбегает к стулу, берёт прыгалки, поёт восторженно:

Это слон, умный слон,
Это он прислал поклон!

Высунувшись из окна, Лидочка поёт:

Вот какие прыгалки
Бабушка сплела!

Во всех окнах появляются девочки, передают друг другу, как в игре в телефон:

Вот какие прыгалки
Бабушка сплела!
Зачем ей эти прыгалки?
Она ещё мала!

Прыгалки с помпонами,
С помпонами зелёными.

Прыгалки особенно понравились Кате.

— Какие красивые! Они тебе не нужны! Вот бы мне такие! Я хорошо прыгаю!

— Нужны, — уверенно отвечает Лидочка. — Вот я сейчас совершу хороший поступок и научусь прыгать.

Юрина мама гладит нарядное пёстрое платье. Она в короткой юбке, в фартуке, который делает её похожей на школьницу. Волосы у неё закручены на бесчисленных бигуди. Мама напевает:

Дело не ладится,
Складки не гладятся.

Только расправлю,
Разглажу одну,
Одну я разглажу —
Другую сомну.

Две я разгладила,
Третья измятая,
Выгладишь третью —
Расходится пятая.

Дело не ладится,
Складки не гладятся...

Входит Юра. У него в руках банка с рыбками. Он осторожно ставит банку на стол.

Мама с живым интересом разглядывает рыбок:

— Ой, какие славные! Откуда они у тебя? Это караси?

Юра крошит рыбкам хлеб, отвечает очень важно:

— Это меченосцы, особая порода. Я их на каску обменял.

Мама вспомнила, что она мать взрослого мальчика, которого надо воспитывать.

— Постой, Юра. Значит, ты опять меняешься?

Закручивая развившуюся прядь волос, говорит строго:

— Поверь мне, если бы папа об этом узнал, он бы тебя не похвалил.

Мама открывает шкаф, снимает с вешалки нарядную кофточку. В шкафу стоит прикрытый бумагой большой деревянный конь.

Мама хитро взглядывает на Юру; она уже не сердится, она сегодня в хорошем настроении.

— А что тебе папа на рождение подарит! Лучше не проси, всё равно не скажу.

Юра отвечает беззаботно:

— А я и сам знаю. Сигнальный дым. Я его уже обменял!

— То есть как это? — даже растерялась мама. — Нет, вы слышите! Ему ещё ничего не успели подарить, а он уже обменял. Да как же ты смел без спросу взять коробочку из ящика?

— А что такого? — оправдывается Юра, делая вид, что очень заинтересован рыбками.

— Папа сказал, что это только за городом можно пускать, в открытой местности! Немедленно положи коробочку на место. Иначе я тебя в госпиталь не возьму. Понятно?

...Сильный раскат грома. Началась неожиданно пришедшая весенняя гроза. Сосед закрывает окно в своей комнате, садится работать за чертёжный стол, поёт:

Как я рад, товарищи,

Что прошла мигрень,

Что гроза на улице,

Что дождливый день.

Огороду нашему

Нужен дождь весной.

И не скачут девочки

В дождик проливной.

Входит Лидочка, останавливается около стола, смотрит, как работает сосед.

— Дай я тебе чего-нибудь помогу. Какой мне поступок совершить?

Сосед удивлён Лидочкиным предложением.

— Ого, вот это правильно! Это я одобряю! Только, понимаешь, мне работать надо.

— Ты домик рисуешь?

— Это не домик, а типовой дом, таких домов по моему проекту построят две тысячи штук.

— У меня тоже такой есть, в сказке, только там петушок нарисован. Хочешь, я тебе помогу? Нарисую петушка.

Лидочка берётся за карандаш.

— Положи! Что ты делаешь? — кричит сосед. — Ты мне завтра поможешь, а сейчас мне

нужно тут кое-что обдумать.

— Нет, мне сегодня надо...

Полная самых добрых намерений, Лидочка начинает складывать в стопочку бумаги на столе.

— Не трогай там ничего, там проектные расчёты, — говорит сосед, погружённый в работу.

— Я только пыль вытру, чтоб чисто было. — И с видом хорошей девочки Лидочка стирает пыль на столе, напевая:

Весна, весна на улице,

Весенние деньки!

Как птицы, заливаются

Трамвайные звонки.

— Постой, а где твои горбы? — вспомнив свой сон, спрашивает она вдруг.

— Какие горбы? — удивился сосед. — Помолчи, пожалуйста.

Лидочка нечаянно опрокинула кувшин с водой на листы рукописи. На столе огромная лужа, листы промокли. Испуганно взглянув на соседа, Лидочка начинает петь ещё громче, стараясь отвлечь его внимание:

Шумная, весёлая,

Весенняя Москва!

Ещё не запылённая

Зелёная листва.

Она осторожно вешает лист рукописи на спинку стула, чтобы он просох.

Листков очень много. Поглядывая на соседа, Лидочка раскладывает и развешивает листы по всей комнате: на спинку кровати, на стулья. Привязывает свои прыгалки к этажерке и к стулу и развешивает мокрые листы, как бельё.

Но тут в открытое окно подул ветер.

Сосед, погружённый в свой чертёж, вдруг видит, что к нему на стол падает листок рукописи. Потом другой, третий.

Сосед вскакивает с места.

— Что это такое?! — говорит он в недоумении.

В комнате метель из листков. Подхваченные ветром, они кружатся, заполнив комнату.

— Это я их сушу, — объясняет Лидочка.

Сосед бросается собирать рукопись. Лидочка старательно ему помогает. Вот она вылезает из-под кровати с листом в руках.

— Всё собрали? Я тебе помогла, да?

— Помогла! — стонет сосед.

— А что же ты мне спасибо не говоришь?

— Спасибо, — вздыхает сосед.

— Ой, я тебе помогла, — вдруг что-то сообразила Лидочка. — Значит, я уже совершила поступок?

— Уйди, я тебя прошу, — стонет совсем замученный сосед.

Лидочка торопливо бежит в переднюю, пробует прыгать. У неё ничего не выходит, она говорит печально:

— Нет, это, наверно, не поступок, это не считается.

Огорчённая Лидочка в калошах, которые ей велики, выходит во двор. Оглядывается, не зная, какой ей совершить хороший поступок.

Маленький Вовка возится со своим корабликом, пуская его в полной, после дождя, канавке. Вовка поёт:

Матросская шапка,

Верёвка в руке,

Тяну я кораблик

По быстрой реке.

И скачут лягушки

За мной по пятам

И просят меня:

«Прокати, капитан!»

Лидочка подходит к нему, на что-то решившись.

— Вовка...

Мальчик не обращает на неё внимания.

— Хочешь, дёрни меня изо всех сил за косичку!

— Очень мне нужно, — удивился Вовка.

— Ты не думай, я реветь не буду.

— Ну да, не будешь! — не верит Вовка.

— Вот увидишь!

Вовка изо всех сил дёргает Лидочку за косичку. Ей больно, но она молчит.

Вовка совершенно поражён её мужеством, восклицает с уважением:

— Не плачет!

Лидочка отошла в сторону, попробовала прыгнуть через верёвочку, махнула рукой с безнадёжным видом:

— Нет, это опять не поступок.

Лидочка посмотрела на большие калоши, которые мешают ей прыгать, огорчённо поёт:

Все поступки совершают,

Я одна не совершу,

И калоши мне мешают,

Для чего я их ношу?

Растерянный Юра стоит перед Борисом, просит его:

— Отдай мне обратно сигнальный дым. Борис усмехнулся:

— Обратно? Я ничего обратно не отдаю!

— Ну войди в моё положение: мы должны ехать за папой, а я его подарок обменял.

Подходит Лидочка, прислушивается к разговору.

Борис начинает сдаваться:

— Ну ладно, тогда проси как следует. Повторяй за мной: Борис Иванович Лаврухин, отдайте обратно грудному младенцу его коробочку.

Юра, скрывая обиду, повторяет:

— Борис Иванович... Лаврухин... отдайте... грудному младенцу его коробочку.

Лидочка с большим сочувствием смотрит на Юру, жалеет его.

— Так и быть! Я добрый человек, — паясничает Борис и, вместо того чтобы отдать коробочку, кладёт её к себе в карман.

— Давай каску — получишь сигнальный дым.

Юра в полной растерянности.

— Каску? А каску я уже тоже обменял. Сгоряча, понимаешь, на рыбок. Я с Катей обменялся.

— Ну, всё! — машет рукой Борис:

Жили в речке караси,

Ты тогда у них проси.

Катя сидит во дворе на скамейке. Она увлечена вязанием.

Я беру двойную нитку,

Все рисунки знаю я:

И с набросом, и внакидку,

И с узорами края.

На скамейке сидит кукла. Катя сажает её в пожарную каску:

— Это будет твоя колясочка!

Подбегает запыхавшийся Юра, в руках у него банка с рыбками.

— Вот возьми рыбок, отдай мне обратно каску. Она мне очень нужна!

Подбежавшая Лидочка сочувственно спрашивает:

— Теперь рыбок обратно на каску, да?

Катя ничего не понимает.

— Я не хотела меняться, ты меня сам уговорил, а теперь обратно?

Юра пробует объяснить:

— Понимаешь, Борис ждёт, а каска у тебя. А мне за папой ехать.

Во время этого разговора никем не замеченный маленький Вовка восхищённо разглядывал рыбок в банке.

Вот с банкой в руках он уже подходит к канавке, полной дождевой воды.

Раздаётся громкий крик Лидочки:

— Ой, он рыбок утопил!

В руках у Вовки пустая банка.

Юра подбегает к канавке, хватая Вовку за руку.

— Что ты натворил?! — кричит он в ужасе.

— Им тесно в банке. Пусть плавают, — спокойно объясняет Вовка свои добрые намерения.

Юра, Катя, Лидочка пробуют поймать рыбок в канавке, поют:

Рыбки, рыбки золотые,

Приплывите к нам сюда.

Хорошо вам будет в банке:

Там прозрачная вода.

Больше всех суетится Лидочка, пробует поймать рыбок калошей. Испуганные рыбки мечутся в воде. Дети поют:

Мы менять вам будем воду,

Мы в хорошую погоду

Вас поставим на окно...

Все поют огорчённо:

Нет, уплыли на свободу,

Не вернутся всё равно.

Катя чуть не плачет.

— Рыбки мои, рыбки... Теперь я тебе каску не отдам! — рассердившись, говорит она Юре и уходит.

Лидочка идёт за ней. Катя, огорчённая, садится на скамейку, в руках у неё каска с куклой. Лидочка спрашивает:

— Тебе эта каска очень нужна? Да? Ты разве в куклы играешь? Ты ведь уже большая.

— Нет, я давно в куклы не играю. Я только шью для них, — оправдывается Катя, а сама заботливо поправляет платьице кукле.

Лидочка просит:

— Отдай каску Юре, а то ему от папы попадёт. Сегодня его папа приезжает.

— Вот и пусть попадёт! Зачем он менялся? Теперь моих рыбок упустил, и они погибнут в канавке. Тебе рыбок не жалко? — спрашивает Катя укоризненно.

— Мне и рыбок жалко, и Юру, — просто, от всей души говорит Лидочка. — Отдай ему каску.

Катя хочет переменить разговор:

— Ты, Лида, ещё мала, чтоб мне советы давать. Я сама знаю, что мне делать... Меня скоро старостой класса выберут.

— Ну, а как же Юра теперь? — не унимается Лидочка.

— Вот что я тебе скажу, Лида, — снисходительно говорит Катя. — Ты бы лучше прыгать научилась. А то у тебя такие чудные прыгалки, а толку никакого.

И Катя подбрасывает кверху помпоны от прыгалок, любуясь ими.

Лидочка предлагает неожиданно:

— Знаешь что, давай меняться!

— Ну вот ещё! Теперь ты будешь заниматься этим вредным делом, — тоном взрослой говорит Катя.

— Ну не надо, — хитро соглашается Лидочка. — Тогда давай так: я тебе подарю мои прыгалки, а ты мне подари каску. Она мне очень нужна!

— Для куклы? — снисходительно спрашивает Катя. — Подарить я могу, это другое дело. Возьми, пожалуйста.

— Спасибо большое, — говорит Лидочка, — а ты возьми прыгалки.

И она отдаёт свои прыгалки Кате.

— И тебе большое спасибо, — отвечает очень довольная Катя.

Лидочка кричит, размахивая каской:

— Юра! Где ты?

Юра и Лидочка выбегают из ворот. У Юры в руках каска. Он говорит радостно:

— Ну где же Борис? Теперь он мне дым отдаст!

— Может, они на пустыре? — спрашивает Лидочка.

Взявшись за руки, дети бегут на пустырь.

На пустыре оживление, шум, крик. Толпа мальчишек под предводительством Бориса готовится к какой-то игре. Строятся шеренги, расставляются посты.

В руках у Бориса коробочка, он торжественно объявляет:

— Внимание! Трофейный особый дым. Служит для сигнализации, держится в воздухе три секунды.

Борис кричит, воображая себя командиром:

— Приготовились! Ура!

— Начинай! Давно пора! — кричат мальчики.

Воодушевлённый Борис командует:

Объявляю, что сейчас

Этот дым закроет вас.

Отойдите за черту!

— Часовые на посту, — отвечают ему мальчики-часовые.

Борис считает:

— Раз!

Изо всех сил бежит по пустырю Юра и за ним Лидочка.

— Подождите! — кричит Юра.

— Два, три! — кричит Борис, дёргает за шнурок и бросает вперёд сигнальную шашку.

Пустырь покрывается дымом, слышны восторженные крики мальчиков.

— Вперёд! Ура! Да здравствует непобедимая Советская Армия!

Юра, растерянный, смотрит на клубы дыма.

— Опоздали! Дым уже взорвался! — огорчается Лидочка.

— Попадёт мне теперь! — восклицает Юра.

Собираются прохожие, привлечённые игрой.

Здесь и Лидочкин сосед, и бабушка. Сосед негодует:

— Безобразие! Просто безобразие! Чего они только не придумают!

— Ну что вы сердитесь? Это игра. Они же никому ничего плохого не сделали, — как всегда, заступает за детей бабушка.

Сосед смотрит на неё и вдруг начинает хохотать.

— Ничего плохого, по-вашему? Вы думаете?

Лицо бабушки черно от копоти. Но она этого и не подозревает, говорит мягко:

— Ну конечно... Дети... Это так понятно... вспомните, вы тоже были ребёнком.

В лифте горько плачет Юра. В руках у него обгоревшая, пустая коробочка:

— Нет, никуда я не пойду! Не пойду я за папой. Что я теперь ему скажу?

Лидочка утешает его как старшая:

— Ну что ты, маленький?!

Юрина мама, нарядно одетая, с букетом цветов, выходит во двор, кричит:

— Юра, Юра!.. Нет, я не могу его больше ждать...

Юра в лифте прислушивается:

— Мама уходит! Уже уходит!

— Ладно! Я с твоим папой сама поговорю, — решает Лидочка.

— Ты? — удивился Юра. — Ты не сумеешь...

— Почему не сумею? Мне слон велел всем помогать!

Оживлённая, залитая солнцем улица.

Милиционер регулирует движение.

По тротуару вслед за Юриной мамой шагает решительно настроенная Лидочка.

Юрина мама увидела её:

— Ты куда?

— Я с вами. Так надо, — настойчиво говорит Лидочка.

— Куда же я теперь тебя дену? — недоумевает мама Юры.

В вестибюле госпиталя Юрина мама усаживает Лидочку в кресло:

— Никуда не уходи, сиди тихо, если уж ты сюда пришла.

— Нет, мне туда надо, — просит Лидочка.

— Туда нельзя. Ты меня тут подожди.

Юрина мама уходит. Лидочка сидит притихшая, удивлённая непривычной для неё обстановкой госпиталя. Пожимает плечами, вздыхает, не зная, как ей быть, говорит задумчиво:

— Я должна быть хорошей. Мне слон велел. А то я никогда не научусь прыгать. Нет, я всё-таки пойду к Юриному папе, — через минуту решает она, — а то Юра плачет.

Тихонько, на цыпочках, Лида входит в гостиную. Там в кресле отдыхает один из выздоравливающих — молодой офицер. Он задремал, книга выпала у него из рук.

Лидочка поднимает книгу, нерешительно тянет его за рукав халата:

— Проснитесь на минутку... Это ваша книжка?

— Моя.

— Спите, спите тогда, — говорит Лидочка, отдавая ему книгу и окончательно разбудив его. — Может, вам ещё чем-нибудь помочь?

— Ты чья такая? — удивлён выздоравливающий.

Лидочка отвечает обстоятельно:

— Лидия Андреевна Савельева, дом пять, квартира три.

— А к кому ты пришла?

— К Юриному папе. У вас есть сын?

— Есть.

— А как его зовут?

— Юра, — шутит офицер, желая удержать девочку около себя.

— Да? — обрадовалась Лидочка. — Тогда знаете что...

Офицер перебивает её шутливо:

— Знаю. Ты мне хочешь стихи прочитывать. Дети всегда стихи читают. Ну начинай, — просит он, любясь славной девочкой.

— Я умею про сверчка, — послушно, но не очень охотно говорит Лидочка и начинает читать:

Папа работал,

Шуметь запрещал.

Вдруг под диваном

Сверчок затрещал.

Ищу под диваном —

Не вижу сверчка,

А он, как нарочно,
Трещит с потолка.

То близко сверчок,
То далёко сверчок.
То вдруг застрекочет,
То снова молчок.

Во время её чтения в гостиной появляется ещё один выздоравливающий офицер. Он остановился, послушал, начинает читать вместе с Лидочкой:

Летает сверчок?
Или ходит пешком?
С усами сверчок?
Или с пёстрым брюшком?

— И вы это знаете? — удивилась Лидочка.

— Ну как же, — улыбается офицер. — Я своему Юре эти стихи читал, когда он маленьким был.

— Юре? — ещё больше удивилась Лидочка. — Значит, у вас сын Юра? Тогда знаете что...

— Нет, нет, — шутливо протестует первый Лидочкин собеседник. — Ты сначала стихи до конца прочти.

Лидочка читает очень неохотно:

Петька сказал мне:

«Давай пяточок,
Тогда я скажу тебе,
Что за сверчок».

— Это длинное, я буду без выражения, — решает она. Начинает тараторить:

Везде мы искали,
Где только могли,
Потерянный зонтик
Под шкафом нашли...

Лидочка забыла, как дальше, смутилась:

— Что-то память у меня пропала, как у бабушки.

Офицер подсказывает:

Нашли под диваном
Футляр от очков,
Но никаких не поймали...

— Сверчков, — обрадованно вспоминает Лидочка.

Сверчок-невидимка,

Его не найдёшь.

Я так и не знаю,

На что он похож.

— Всё! — облегчённо вздыхает она и говорит с недоумением: — У всех Юры? А кто же из вас Юрин папа?

— Она, наверно, к Сергею Ивановичу пришла, — догадывается первый офицер, вставая с кресла.

— Осторожно: вы ведь больной, — подбегает к нему Лидочка и помогает ему встать.

В небольшой палате спит выздоравливающий офицер. На пороге появляются Лидочка и её спутник. Он говорит шёпотом:

— Подожди тут, дружок. Я сейчас сестру позову, а то нам попадёт, что мы в палату пришли. Только не шуми тут, не прыгай.

— Я не умею прыгать. У меня и прыгалок нет. Я их отдала.

Оставшись одна, Лидочка стоит у двери, ждёт. Увидела, что на спинке стула висит шнур от халата. Осторожно, на цыпочках, подошла к стулу, взяла шнур, попробовала прыгнуть через него.

Больной открыл глаза:

— Ты откуда взялась, девочка?

— Ничего, ничего, спите... — заботливо говорит Лидочка. Поправила подушку, одеяло. — Я сейчас вас хорошенько укутаю, вот так... — Увидела грелку под подушкой, осторожно вытащила её, покачала головой: — Под подушку ничего нельзя класть, бабушка не позволяет. Вы разве про бациллы не знаете?

— Да ты к кому пришла?

— К вам... Юра просил передать вам: он никогда больше не будет меняться, мальчишки все такие...

Больной с нежностью смотрит на Лидочку:

— Да что ты болтаешь? Какой Юра, я никакого Юры не знаю.

— И вы не Юрин папа? — огорчилась Лидочка.

В палату входят первый офицер и сестра.

— Вот она! Она вам стихи хочет прочитать, — шутит офицер.

Лидочка тяжело вздыхает:

— Я уже стихи читала, а Юрино папы нигде нет.

Вестибюль госпиталя... Отца Юры провожают друзья: прощаются с ним, обнимают, жмут руку.

— А Лидочка где? Куда же она девалась? — волнуется Юрина мама.

— Тише! Тут нельзя шуметь, тут больные, — раздаётся голосок Лидочки.

Она появляется на пороге в длинном белом халате, в косынке, с грелкой в руках. Один из офицеров представляет её:

— Лидия Андреевна Савельева, наша новая няня.

— Лидочка, а мы тебя ищем, — подходит к ней отец Юры. — Ну, здравствуй! Ты меня знаешь?

— Знаю, — заявляет Лидочка. — А вы кто?

— Я Юрин папа.

— Нет, правда? Настоящего Юры? Нашего?

— Нашего, — смеётся офицер. — Пойдём скорей.

— К Юре? — И Лидочка тянет офицера в сторону, сообщает таинственно: — Он в лифте на ремонте... Потому что он менялся.

— Как — менялся? — не понимает отец.

Лидочка объясняет:

— Дым на каску. А каску на рыбок. А рыбки утонули. А дым взорвался. Теперь Юрке пропадать, что ли?!

— Что там Юра натворил? — спрашивает Юрин папа у жены.

— Я сейчас тебе расскажу, — говорит она и с улыбкой смотрит на Лидочку.

— Вот оно что! Ты, значит, хлопотать за Юру пришла?

— Ну да, — кивает головой Лидочка. — Он больше никогда не будет меняться. Он велел передать вам лично, — шепчет она офицеру.

Передняя. Юра расхаживает большими шагами взад и вперёд. Он и ждёт отца и боится этой встречи. У дверей с деревянным ружьём навывтяжку стоит маленький Вовка.

— Ну посмотри, может, они уже идут? — волнуется Юра.

Вовка выглядывает на лестницу.

— Никого не видно, я уже всю местность осмотрел... Идут! — вдруг вскрикивает Вовка.

Юра, не зная, куда спрятаться, бросается к шкафу и запирается в нём.

В дверь вбегают Лидочка, шепчет Вовке:

— А Юра где?

Вовка глазами показывает ей на шкаф.

Входят родители Юры.

— Где же, в конце концов, мой сын? — с видимой суровостью спрашивает отец.

Лидочка делает ему какие-то знаки. Потом подводит к шкафу, стучит в шкаф, как в дверь:

— Юра, можно?

Отец тихонько раскрывает шкаф. Юра сидит рядом с деревянным конём, закрыв лицо руками. Он считает, что спрятался, что его никто не видит.

Лидочка старается спасти положение.

— Он просит передать вам, — говорит она, показывая на Юру, — он больше никогда не будет взрываться... то есть меняться — запуталась она от волнения.

Юра отнял руки от лица, увидел папу, бросается к нему на шею:

— Папочка, я, честное слово, я не буду...

— Обещаешь? — спрашивает отец, обнимая его. — Это Лидочка тебя выручила. Ей спасибо

скажи.

— Мы все за него поручаемся, — неожиданно заявляет Вовка.

Отец вытаскивает коня из шкафа, говорит шутливо:

— Ты, кажется, и этот мой подарок тоже сам обнаружил?

— Это мне?! — восторженно спрашивает Юра. — Папочка!

— Нет, нет! Позвольте... Это мы ещё посмотрим, — шутит отец и, забрав коня, направляется с ним в комнату.

Юра и мама идут вслед. Вовка тоже хочет идти. Лидочка останавливает его:

— Пускай хорошенько помирятся!

Вовка взглянул на неё, что-то вспомнил, вынул из кармана прыгалки:

— Вот, Катя просила тебе передать!

— Ну? — обрадовалась Лидочка. — Она мне их подарила? Попробовать попрыгать? — говорит она нерешительно.

Сосед работает, рассматривает свой проект, вздыхает:

— Что-то не ладится, не могу сегодня сосредоточиться!

Где-то совсем близко зазвучала знакомая песенка. Сосед машинально начинает напевать:

Я по улице скачу,

Я верёвочку кручу,

Десять раз без остановки,

Двадцать раз без остановки,

Тридцать раз без остановки

Прыгну, если захочу.

— Вот чего мне не хватало! — обрадовался сосед. С неожиданной энергией принимается за работу. — Теперь как будто налаживается!

Вдруг наверху раздаётся какой-то весёлый топот. На чертёжную доску падает сверху извёстка.

— Позвольте, что это значит? — кричит сосед. — Почему штукатурка падает на мои чертежи?

Бабушка в большом фартуке варит какао на газовой плите.

— Не кипит! — говорит она и снимает крышку с кастрюльки.

Где-то наверху усиливаются весёлый топот и возня. Бабушка поднимает голову, прислушивается:

— Что это там такое?

Дрожит посуда на полках, в кастрюльку падает извёстка с потолка. Бабушка, ничего не замечая, большой ложкой пробует какао.

— Вкусно! Очень вкусно! Какое сегодня замечательное какао!

В комнате соседа Вовка оживлённо сообщает важное известие:

— Слышите топот? Это Лидочка научилась прыгать!

— Слышу, слышу, очень счастлив! — сердито говорит сосед, смахивая извёстку со своего чертежа.

— Я бегаю, всем рассказываю! — объясняет Вовка, убегая.

Топот наверху прекращается.

— Ну, наконец-то угомонилась, — сердится сосед.

Но тут к нему в комнату, сияя от счастья, вбегает Лидочка.

— Знаете что, я, кажется, научилась прыгать. Хотите посмотреть?

— Лидочка, уволь меня от этого! — в ужасе кричит сосед.

— Простите, у вас моя внучка? — спрашивает бабушка, появляясь в дверях.

— Бабушка! Я научилась прыгать! — бросается к ней Лидочка.

— Очень хорошо! Молодец! Садитесь, пожалуйста, что же вы стоите? — любезно предлагает бабушка хозяину комнаты. — Ну, начинай, — говорит она Лидочке.

— Позвольте, одну минуточку! Удобно ли ей прыгать в комнате? — с иронией спрашивает сосед.

Бабушка не замечает иронии.

— Ничего, это мы сейчас устроим! — И она, раздвигая мебель, расчищает место для прыганья. — Я тебе говорила, что человек должен иметь терпение, — объясняет она Лидочке. — Ты добивалась, вот и научилась.

— Насчёт терпения вы совершенно правы! — язвительно замечает сосед, глядя, как бабушка хозяйничает у него в комнате.

Взмахнув прыгалками, Лидочка наконец начинает прыгать.

Бабушка, волнуясь, считает:

— Раз, два, три, четыре! Молодец!

— Я прыгаю! — восхищённо говорит Лидочка.

— Это я её научила! — радуется бабушка.

— Нет, это слон! — говорит Лидочка, прыгая ловко и непринуждённо. Поёт:

Сорок раз без остановки

Я верёвочку верчу.

Сорок раз без остановки

Прыгну, если захочу.

— Повертим ей верёвочку! — предлагает бабушка соседу.

Тяжело вздохнув, сосед начинает вертеть верёвку.

Лидочка скачет, сосед и бабушка поют вместе с ней:

Мы и прямо, мы и боком,

С поворотом, и с прискоком,

И с разбега, и на месте,

И двумя ногами вместе...

Бабушка поёт, радуясь:

Как она отлично скачет!

Ничего, что я мала! —

поёт Лидочка.

Сосед поёт шутливо:

Посмотрите, вот что значит,

Посмотрите, вот что значит

Делать добрые дела.

На улице, на бульваре, в парках, на фоне весеннего неба, ловко и весело скачут девочки.
Поют:

Полны веселья шумного

Бульвары и сады.

И сколько хочешь радуйся,

Скачи на все лады!

1945

ЗА ЦВЕТАМИ В ЗИМНИЙ ЛЕС

МЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ ЖУКА

Наташе

Мы не заметили жука

И рамы зимние закрыли,

А он живой,

Он жив пока,

Жужжит в окне,

Расправив крылья.

И я зову на помощь маму:

— Там жук живой!

Раскроем раму!

1970

ОН БЫЛ СОВСЕМ ОДИН

Один щенок
Был одинок,
Бродил он
Неприкаянно,
И наконец
Решил щенок:
Найду себе
Хозяина!

С утра собаки
Всех пород
С людьми
Выходят из ворот,
С людьми
Побыть мне хочется!
Зачем мне
Одиночество?

В каком-то
Дворике
Пустом
Один остался
С детства я...

И стал щенок

Мечтать о том,
Как будет он
Вилять хвостом,
Хозяина
Приветствуя.

И вот щенок
Пустился в путь,
Бежал он
За прохожими,
Но хоть спросил бы
Кто-нибудь:
Ты что
Такой встревоженный?

Нет, у людей
Свои дела:
Куда-то школьница
Прошла,
Прошли два длинных
Паренька...

Никто не смотрит
На щенка.
И, грустный,
Озабоченный,
Бежит он

Вдоль обочины.

Малыш

В коляске

Катится!

Малыш

В пушистом

Платъице.

Наверно, он

Возьмёт

Щенка?!

Нет, он улёгся

Спать пока.

Бежит девчонка,

Что-то ест,

Щенок — за ней!

Она — в подъезд!

Тоска

Напала

На щенка,

Догнал он

Деда, старика.

Но и у деда

Много дел,

Он на щенка

Не поглядел.

И так расстроился

Щенок,

Что он завыл

Отчаянно:

— Я одино-о-ок,

Я одино-о-о-ок,

Не нахожу-у-у-у-у

Хозяина...

Как вдруг

Увидели щенка

Две девочки,

Две Катеньки,

Они зовут

Издавека:

— Иди сюда,

Кудлатенький!

Одна кричит,

Всплеснув рукой:

— Ты нужен мне,

Как раз такой!—

Другая бросилась

К нему:

— Дай, лучше я

Тебя возьму!

— Кудлатенький!..

— Косматенький!..—

Его ласкают

Катеньки.

Обнюхал девочек

Щенок,

Как завизжит

Отчаянно,—

Сдержать он

Радости не мог:

Вдруг сразу

Два хозяина!

1969

ЗА ЦВЕТАМИ В ЗИМНИЙ ЛЕС

Никому не верится,

Чудо из чудес:

За цветами девица

Ходит в зимний лес.

Он стоит не в зелени,

Как в июльский зной,

Он снежком побеленный,
Блещет белизной.

Но смеётся девица:
— Если вам не верится,
Показать могу
Яркий коврик вереска
Прямо на снегу.

Летом он не ценится,
Скромное растеньице!

Но зато как весело
Увидать самой
Огонёчки вереска
На снегу зимой.

1970

ЖИЛ НА СВЕТЕ ВАНЕЧКА

Жил на свете Ванечка.
И должно ж случиться,
Начал этот Ванечка
Чваниться, кичиться!

— Я букварь, товарищи,
Прочитал до корочки,
У меня, товарищи,
В дневнике пятёрочки!

Ванечка, Ванечка,
Перестал бы чваниться.
Нечего кичиться,—
Все должны учиться!

1970

ПРИДУМЫВАЮ СНЫ

Темно и тихо за окном,
И люди спать должны.
Сама себе я перед сном
Придумываю сны.

Замолкли в доме голоса,
Но будут птицы петь,
Потом приснится мне лиса
И даже сам медведь.

Идёт медведь,
Идёт, бредёт,
Меня он по лесу ведёт,

Он мне даёт отведасть мёд,
И я сажу и ем.

Он угощает медвежат,
Они волнуются, дрожат:
А вдруг не хватит всем?

Но тут как начал мой медведь
Звериным голосом реветь!

И наступила сразу тьма,
Ревёт сердитый зверь...
Я сон придумала сама,
Но не засну теперь.

1970

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Черёмуха, черёмуха
В овраге расцвела,
Черёмуха, черёмуха
Стоит белым-бела.

Ходили за черёмухой
Девчонки вчетвером,

Да оборвать черёмуху
Им не позволил гром.

Сначала он не полный,
Не полный подал голос,
Потом от жёлтых молний
Всё небо расколось.

Всё громче, громче слышится,
Гремит через огонь:
«Черёмуху, черёмуху,
Черёмуху не тронь!»

1960

НОЧЬ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

1

Лежали тихие снега.
Вдруг как пошла
Крутить пурга!

Всё замело,
Заволокло,
Исчез мой дом,
Моё село...
И только снег
Передо мной

Встаёт
Расплавчатой стеной.
Мне не пробиться
Сквозь пургу,
Я в заколдованном
Кругу.
Ни зги не видно
И вблизи,
Я как слепая,—
Хоть ползи!
Настала ночь
Вокруг меня,
Настала ночь
Средь бела дня.

Расставив руки
Как слепец,
Я двигаюсь вперёд...
Но вот светлеет
Наконец,
Слабее
Ветер бьёт,
И удаляется пурга,
Раскинув белые стога.

2 После снегопада

Блещет после снегопада
Ёлок белая громада.

Но склонились
Ветки ёлок:
Не под силу
Снежный полог,
Гнутся вниз
Под тяжкой ношей...

Мчится лыжник
По пороше —
Паренёк один
Хороший.

Вмиг домчался он
До цели.
Лыжной палкой
Еле-еле
Дотянулся он
До ели,

Отряхнул от снега ветку
И опять вперёд, в разведку.

1968

КАПРИЗНЫЕ ЕРШИ

Володе Борзенко

До чего же хороши
В нашей реченьке ерши!

Хороши-то хороши,
Да разборчивы ерши!

Хлебный мякиш не клюют,
На червей они плюют...

Хороши-то хороши,—
Несговорчивы ерши!

Обращаюсь я к ершу
И добром его прошу:

— Всё равно ты, дурачок,
Попадёшься на крючок,
Так давай плыви ко мне...—
Нет, он прячется на дне.

Третий день болит душа:
Не могу поймать ерша.

1969

МАЛЬЧИК В КЛЕТКЕ

Вот это случай редкий!

В весенний полдень жаркий

Сидит мальчишка в клетке

В Московском зоопарке.

Сидит в халате новом,

А мы стоим глазеем:

— Он, может, заколдован

Злодеем-чародеем?

За что попал он в клетку?

За скверную отметку?

Он с кем-то дрался где-то?

Он убежал с урока?

Но наказание это

Безжалостно, жестоко!

У нас и в самом деле

Растерянные лица...

И тут мы разглядели —

В углу сидит лисица.

Слезая с табуретки,
Смеётся мальчик в клетке,
На нас бросает взгляд:
— Я попросту юннат.

Ведём мы наблюденья
В свободные часы.
Сегодня целый день я
Дежурю у лисы.

1970

ЗУБКИ РЕЖУТСЯ

Пришёл я в гости к Павлику
(Недавно с ним знаком),
У них прибита вешалка
Под самым потолком.

А Павлик тащит лестницу
И говорит: — Ну, лезь!
Напрасно удивляешься:
Пальто своё повесь.

Резиновые ботки,
Сапожки на меху

Не на полу красуются,
А где-то наверху.

Калоши класть на полочку —
Дотянешься с трудом!
Тут кверху всё подвешено,
Какой-то странный дом!

Зачем тут всё подвешено?
И вдруг влетает в дверь
И лает как помешанный
Смешной, лохматый зверь.

Он на меня кидается
И мой башмак грызёт.
А Павлик объясняет мне:
— Тебе ещё везёт!

Пришла к нам в гости бабушка,
Он так меня подвёл:
Он любит юбки длинные,
Как вцепится в подол!

— Пусти! — кричу отчаянно.—
Грызи башмак хозяина,

Не трогай мой башмак!

Но Павлик объясняет мне:

— Башмак — это пустяк!

Боюсь, диван подвешивать

Придётся нам пока!

Ты видишь — зубки режутся

У нашего щенка.

1969

ЛЕБЕДИНОЕ ГОРЕ

В холодном парке,

Среди льдин,

Зимует лебедь.

Он один.

Не повредил ли

Он крыло?

Сломал, быть может?

Бедняга!

Вот не повезло —

Летать не может.

Я возле лебедя
Стою.
Я знаю всю его
Семью.
С большим семейством
Лебедят
Он плыл куда-то,
И вдруг над парком
Как взлетят
Все лебедята!

В холодном парке,
Среди льдин,
Остался лебедь.
Он один.

А я всё думаю о нём,
Бегу к нему на водоём.
Решил я
Притвориться:
Я тоже
Лебедь-птица.

Я тоже белый,
Весь в снегу.
Я выгнул шею,
Как могу.

Заносит снегом
Водоём,
А я кричу:
— Послушай,
Мы будем плыть
С тобой вдвоём,
Но только я —
На суше!

Я поднял руку,
Как крыло.
Но ничего
Не помогло.

В холодном парке,
Среди льдин,
Скучает лебедь.
Он один.

1967

ГРИБНОЙ ПОЕЗД

Мчится поезд под луной.
Он особенный. Грибной.

Хорошо в грибное лето
В лес приехать до рассвета.
Когда нет ещё теней,
Гриб заметней. Он видней.

Вышел поезд на пригорок,
Замелькали огоньки.
А в вагонах звон ведёрок,
А в вагонах — грибники.

Тут грибник седобородый
Поучает молодёжь:
— Если ты, к примеру, лодырь,
Ничего ты не найдёшь.

На опушке или в чаще
Нагибайся до земли,
Лесу кланяйся почаще,
Чтоб грибы к тебе пошли.

Мчится поезд под луной.
Он особенный. Грибной.
Здесь у каждого окошка
Кто-то спит, обняв лукошко.

ПЕРЕД ОТЛЁТОМ

Лопаты не при деле —
Работы нет в саду.
И рано поредели
Дубы в этом году.

Скворечники пустые,
Там больше нет скворчат,
Скворечники пустые
Среди ветвей торчат.

И понимает каждый,
Что тёплым дням конец.
Но осенью однажды
К нам в сад летит скворец.

Скворец! Смотрите, вот он!
Ему пора на юг,
А он перед отлётом
Домой вернулся вдруг...

К нам прилетела птица
Проститься.

1970

ЧИНИТЬ, ПАЯТЬ!

Для чтения, пения и представления

А, ЗДРАВСТВУЙТЕ...

(Клоунада)

Перед закрытым занавесом встречаются два клоуна.

Первый. А, здравствуйте... Я смотрю — вы ли, не вы ли?

Второй. Что вылил? Я ничего не вылил...

Первый. Да не вылил! Я говорю — вы ли, не вы ли?

Второй. А, выли?

(Зрителям.) Кто? Они выли? А зачем они выли?

Первый. Да нет же... Я говорю про вас — вы ли, не вы ли?

Второй. Нет, я не выл!

Первый. Ну, и они не выли!

Второй. Боюсь, вы один понимаете, что вы хотите сказать!

Первый. Нет, не я один, а мы...

Второй. Кто это — мы?

Первый

(объясняя жестом). Вы, мы, ты, я...

Второй. Кто — вымытые?

Первый. Да нет, я про всех говорю — вы, мы, ты, я...

Второй. Все вымытые?

(Зрителям.) Это они вымытые? А кто же, по-вашему, невымытый? Про кого вы говорите? Не про меня ли?

Первый. Что променяли?

Второй. Я говорю — не про меня ли?

Первый. Ах, не променяли? А что не променяли?

Второй. Я же про себя говорю — не про меня ли?

Первый. Ах, вас не променяли?

Второй. Нет, нам никак не разобраться. Занавес может открываться!.. 1963

ЧИНИТЬ, ПАЯТЬ!

Школьный водевиль с куплетами, в двух картинах.

Участвуют:

Ваня Крутиков.

Маруся, Галя, Люська — девочки из его класса.

Федя, двоюродный брат Вани.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор... Дерево, под которым стоит скамейка. В глубине двора — нарисованный фасад дома. Появляются Маруся, Галя и Люська.

Маруся, Галя, Люська

(выкрикивают, распевают на разные голоса).

Чинить, паять,

На всех влиять:

На лентяев, лоботрясов,

На ребят из разных классов.

Чинить, паять,

На всех влиять...

Галя.

Есть лентяи на печи?

Есть у вас лентяи?

Подбираем к ним ключи,

Чиним, починяем.

Чинить, паять,

На всех вляять...

Маруся

(с гордостью).

На Смирнова повляляли!

Он в трусах и в одеяле

На чердак сбежал от нас,

Но потом явился в класс.

Чинить, паять,

На всех вляять...

Люська.

Есть лентяи, лодыри?

Кто-то за сценой.

Нет, в починку отдали.

Все три девочки.

Чинить, паять,

На всех вляять...

Увлечённые своей песенкой, они не замечают Вани Крутикова. Он спрятался за дерево, прислушивается. Девочки садятся на скамейку.

Маруся.

В класс вернулось

Пять лентяев...

Люська.

А шестой

Исчез, растаяв.

Галя.

Ваня Крутиков — шестой,

Он орешек не простой.

Ваня

(стоя за деревом, насмешливо, в сторону).

Ай-ай-ай,

Такой-сякой!

Маруся

(не замечая Вани). Никуда он от нас не скроется. Уговоримся, девочки, как на него влиять. Я достала новые назидательные куплеты: «Был лентяем мальчик с пальчик». Я их Ивану спою.

Люська. Нет, лучше жалостные частушки вместе споём. С чувствительным припевом, чтобы на его чувства повлиять.

Маруся. Нет у него никаких чувств!

Люська.

Но в глубине, на дне души?..

Галя.

У Вани чувства?

Не смеши!

Люська

(засомневалась). Думаешь, не стоит петь? Я что-то охрипла.

Маруся. Люська, ты на попятный?

Люся

(оправдываясь). Нет, меня правда продуло, когда мы на Смирнова влияли. На чердаке.

Маруся. К Ивану мы домой пойдём, там тепло.

Ваня

(в сторону, угрожающе). Там им будет тепло! Жарко будет!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Вани Крутикова. Вещи разбросаны, беспорядок. Ваня и Федя сидят на кровати, уговариваются.

Ваня. Накроешься моим пальто, а из кармана пусть торчит мой шарф. Они подумают, что это я... Вот здорово, Фёдор, что ты ко мне пришёл, как раз вовремя... Ложись скорей!

Федя

(ложится, накрывается Ваниным пальто). Так? Ну, а дальше что?

Ваня. А дальше — изображай меня.

Федя. Тебя? Пожалуйста... Я кого хочешь могу изобразить...

Ваня

(с уважением). Конечно. Ты кого хочешь...

Федя. Я один раз даже короля играл... Премию дали — за глубокое проникновение в образ.

Ваня. Ух, и повезло мне, что мой двоюродный брат — артист!

Федя. Ты считаешь, повезло?

Ваня. Спрашиваешь! Ещё как! Только ноги у тебя не годятся. Слишком длинные.

Федя. Я же всё-таки на класс старше тебя. Ноги мы спрячем.

(Накидывает на ноги старую шаль.)

Ваня. Они вот-вот явятся на меня влиять. Выдумали!

Федя. Обычное дело. У нас в школе девочки тоже ходят, влияют. Их хлебом не корми, дай на какого-нибудь парня повлиять.

Ваня. Пойдут уговоры, разговоры, песенки, басенки! Ты похлеще им отвечай.

(Почтительно.) Ты же умеешь... Если что не так, я буду тебе сигнализировать, дёргать за ногу.

Федя. Из-под кровати? Понятно.

Ваня. Помучай их как следует! А потом заяви: «Я переродился, изменился, больше лодырем не буду!»

Федя. Между прочим, я им никогда и не был.

Ваня. При чём это? Ты же меня изображаешь... Девчонки, конечно, возомнят, что они на меня повлияли. Но тут я вылезу, и выяснится, что мы их блестяще одурачили.

Мы им вдвоём

Куплет споём,

На всех влиять,

Всех исправлять

Охоту отобьём.

Но ты подольше

Их морочь!

Поможешь мне?

Федя

(многозначительно).

Как не помочь?

Я уже продумал план.

(В сторону.)

Ну, теперь держись, Иван.

Слышен стук в дверь. Ваня быстро залезает под кровать. Федя натягивает на голову Ванино пальто. Из кармана торчит Ванин шарф. Входят Маруся, Галя, Люська.

Маруся. Иван, ты опять притворяешься больным?

Федя

(подражая Ване, с его интонацией). Выдумали! Я совершенно здоров. Просто устал, отдыхаю.

Галя. От чего же ты устал, бедненький?

Федя. Как — от чего? От лени. Думаешь, легко лодырем быть? Целый день по двору слоняться — не простое дело, с тоски помрёшь.

(Ваня из-под кровати дёргает Федю за ногу.) Мне-то, конечно, такая жизнь нравится.

Девочки шепчутся, сговариваясь. Вперёд выходит Маруся.

Маруся

(поёт по бумажке).

Был лентяем мальчик с пальчик,

Убегал гулять на сквер.

Вот какой он скверный мальчик.

Не бери с него пример!

Изменился мальчик с пальчик,

Взял тетрадки и пенал.

Он теперь хороший мальчик —

Недостатки осознал.

Он призвал на помощь разум,

Вот и ты понять обязан:

Люди заняты трудом!

Понимаешь ты?

Федя.

С трудом.

Маруся.

Должен ты бороться с ленью

В зимний день и в день весенний...

Федя

(подхватывая).

И в четверг, и в воскресенье,

В бурю, в град, в землетрясение.

Маруся.

Ты пойми, что ты подводишь...

Ты позоришь! Ты срамишь!

По крутой дорожке ходишь!

На уроке крепко спишь!

Федя начинает громко храпеть. Девочки снова шепчутся, вперёд выходит Люська.

Люська.

Ходил парень руки в боки,

Не желал учить уроки.

И, узнав об этом деле,

Три девчонки похудели.

Федя храпит.

Галя.

Эх, подружка моя,

От лентяев нет житья!

Люська.

Дуб высокий, дуб высокий

Прямо к небу тянется.

Ваня, выучи уроки,

Вот моё желаньице.

Галя.

Эх, подружка моя,

От лентяев нет житья!

Федя продолжает храпеть.

Люська.

Эх, подружка моя,

Дело всё не клеится.

Из-за лодыря такого

Плачет красна девица.

Из-за лодыря такого

Разливается рекой,

Что мне делать, я не знаю...

Федя

(делая вид, что проснулся).

На него махнуть рукой.

Маруся. И не надейся. Не рассчитывай. В покое мы тебя не оставим!

Галя. Наш отряд давно бы спутником стал, если бы не ты.

Федя. За отряд болеете? Ну ладно... Так и быть...

Девочки с надеждой смотрят на него.

...Подтянусь... С уговором: как только нас впишут в Книгу почёта, вы от меня отвяжетесь. Ведь из Книги почёта уже не вычеркнут. Лишь бы вписали, правда?

Люся. Иван! Есть у тебя совесть? Хоть на самом донышке...

Федя. Совесть? Ну что ты! Откуда она у меня?

Не слезал Иван с дивана,
Притворялся, что больной,
Значит, совесть у Ивана
Оказалась выходной.

Люди в школу утром рано,
А Иван лежит, сопит.
Значит, совесть у Ивана
То ли дремлет, то ли спит.

Галя. И долго она так будет спать?

Федя. Чем дольше, тем лучше. Пусть спит на здоровье! Хоть всю жизнь! Зачем она мне?

Без неё прожить сумею,

Я устроюсь просто:

Сяду к мамочке на шею,

Просижу лет до ста.

Ваня хочет дёрнуть Федю за ногу, но тот неожиданно поднимает ноги. Ваня, потянувшись за ним, нечаянно высунулся из-под кровати. Тут же спрятался, но девочки уже его увидели. Обмениваются с Федей понимающими взглядами.

Люська

(хитро). Я лично никогда не поверю, что у Ивана совести нет.

(Тихо девочкам.) Ну, что же вы? Поддерживайте меня.

Маруся. Да, да, да... Мы никогда... Мы не поверим!

Галя

(хитро). У Ивана есть совесть... Вот силы воли у него не хватает!

Федя

(прикидываясь расстроенным).

Нет силы воли у меня!

Я слабый парень — размазня!

Ваня

(не выдержав, вылезает из-под кровати и кидается на Федю). Кто размазня?

Федя

(вскакивая с кровати, увёртываясь). В чём дело? Ты меня просил — я тебя изобразил!
Глубоко проник в твой образ.

Ваня

(вне себя от возмущения).

Вовсе я не размазня!

(Дубасит Федю по спине.)

Федя

(увёртываясь).

Нету дыма без огня!

Девочки

(хитро, Феде).

Ну зачем, скажи на милость,

Ты напал на паренька?

В парне совесть пробудилась...

Федя.

Когда взяли за бока!

Все

(обращаясь к зрителям).

На лентя не ворчи,

Не читай морали,

Подбери к нему ключи,

Мы же подобрали!

Все участвующие

(спрыгивая со сцены в зрительный зал, распевают).

Чинить, паять,

На всех влиять...

Мы чинили,

Мы паяли...

Но боимся,

Что едва ли

Повлияли мы на вас...

Что ж! Сейчас не повлияли —

Значит, в следующий раз!

1963

ЗРИТЕЛЬ СЛУШАЕТ ДА ЕСТ

(Клоунада)

Участвуют:

Первый клоун, Второй клоун.

Клоуны

(раскланиваясь с публикой).

Приветы и поклоны,

Мы клоуны, клоуны, клоуны...

Мы шутим с самого утра,

«Проснись! — друг друга будим.—

Вставать пора, шутить пора!

Пора смеяться людям!»

Первый клоун.

Из цирка прямо в гриме

Примчались мы сюда.

(Смеётся.)

Второй клоун.

Да ты над кем?

Первый клоун.

Над ними.

Второй клоун.

Над зрителями?

Первый клоун.

Да.

Второй клоун. Умоляю тебя, не делай этого! Они и так сухо встретили нас. Мало бьют в ладоши.

Первый клоун. Как же они могут бить в ладоши?

Занят зритель молодой.

Второй клоун.

Чем же занят он?

Первый клоун.

Едой.

Вот зрители уселись.

Погашен в зале свет,

И раздаётся шелест

Бумажек от конфет.

Второй клоун.

Как захлопаешь, когда

У тебя в руках еда,

Например, пирожное...

Первый клоун.

Дело невозможное.

Второй клоун.

Громкий хруст несётся с мест.

Первый клоун.

Зритель слушает да ест...

Второй клоун. Я знаю одного первоклассника. Он дома не желает есть, мамочка нарочно его в театр водит, чтобы он как следует подзаправился во время представления.

Хотел мальчишка

Крикнуть «бис»,

А мать твердит:

«Не подавись!»

Первый клоун.

Певица арию поёт,

А зал жуёт, жуёт, жуёт.

Певица шепчет: «Я жива ли?

Иль меня уже сжевали?!»

Второй клоун.

Жуют! Такой у них режим.

Первый клоун.

Они и нас съедят. Бежим!

1963

ВЕЖЛИВЫЙ ВАЛЬС

Настанет, друзья, счастливое время,

Настанут чудесные дни:

Ребята приветливы будут со всеми,

Грубить перестанут они.

Не будет детей нехороших,

Придут золотые года,

И в комнату люди в калошах

Не будут входить никогда.

Подует ветер свежий,

Фиалки расцветут,

Исчезнут все невежи,

Навеки пропадут,

Распустятся фиалки,

Зимой придёт весна,

И в школьной раздевалке

Настанет тишина.

Пусть грубость исчезнет навеки,

Пускай по рецептам врачей

Появится в каждой аптеке

Лекарство для грубых детей.

Ребёнок вертелся на стуле,
Шумел и ко всем приставал,
Ему прописали пилюли,
Он принял и вежливым стал.

Грубить не будут дети,
Не будут грызть ногтей,
И станут все на свете
Любить таких детей.
Подует ветер свежий,
Фиалки расцветут,
Исчезнут все невежи,
Навеки пропадут.

1939

ЛЮБИТЕЛЬ-РЫБОЛОВ

С утра сидит на озере
Любитель-рыболов,
Сидит, мурлычет песенку,
А песенка без слов:

«Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля».

Озеро глубокое,
Удачным будет лов.
Сейчас поймает окуня
Любитель-рыболов.

«Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля».

Песенка чудесная —
И радость в ней, и грусть,
И знает эту песенку
Вся рыба наизусть.

«Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля».

Как песня начинается,
Вся рыба расплывается...
«Тра-ля!»

1946

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

- А у нас есть санитарная дружина... Хотите, мы вам окажем первую помощь?
- Спасибо, ребята, я совершенно здоров.
- Это ничего не значит, вы можете сразу потерять сознание.
- Вы идите, идите, а потом упадите!
- А мы вас будем поднимать!
- Спасибо, мне что-то не хочется...
- Мало ли что не хочется! Никому не хочется, а приходится!
- Я и так, ребята, верю, что вы хорошие санитары.
- Нет... нет. Вы должны посмотреть, как работает дружина! Когда мы скажем «хоп» — падайте на землю с закрытыми глазами.
- Что с вами поделаешь? Придётся падать.
- Приготовились! Начали!.. Хоп!
- Упал! Санитары, сюда, на помощь! Товарищу дурно! Тащи носилки! Бери его за ноги!
- Ребята, я ваши носилки продавлю, они малы для меня!
- Молчите! Как вы можете разговаривать, вы же без сознания!
- Извините, я забыл...
- Кладите его на носилки!
- Он не помещается, ноги по земле едут!
- Понесём его на руках! Вася понесёт одну ногу, две Маруси — другую, которая полегче, а я возьму его за голову.
- Ребята, вы мне голову оторвёте!
- Ой, какой он тяжёлый! Одни сапоги сколько весят!
- Клади его вот сюда! Так... Хорошо... Теперь сгибайте ему ноги в коленках. Вот так... Вася, складывай ему руки и распрямляй. Раз, два! Давайте все вместе! побыстрее!
- Раз, два! Раз, два!
- Ну как, он задышал?
- Нет, я задохнулся, ребята. Вы мне левую ногу совсем открутили! Я, кажется, сейчас правда потеряю сознание.
- Ничего, мы же вас всё равно приводим в чувство.
- Имею я право сказать?

— Нет, не имеете права, потому что ничего не слышите!

— А если вы со мной не то делаете?

— Как — не то?

— Зачем вы меня откачиваете, как утопленника, если я, по-вашему, сознание потерял?

— Ой, правда, ребята... Мы перепутали... Надо было ему ворот расстегнуть. Тащи сюда нашатырный спирт! Это ему сразу поможет.

— Апчхи! Чих! Апчхи!.. Что вы со мной делаете? От вас здоровый человек умереть может!

— Извините... У нас ещё только одно занятие было.

— Ну, вы ещё подучитесь, ребята, как санитарями быть, в другой раз приведёте меня в чувство. А на сегодня хватит с меня, спасибо! 1935

КОМУ ЧЕГО?

(На птичьем рынке)

— Эх, хороша моя курица! Весь народ любит! Курочка-хохлаточка, на боку заплаточка, собой раскрасавица, с любым петухом справится.

— Ну уж и красавица! На ногах качается, от света жмурится, какая это курица!!

— А в нашем ряду, как в зелёном саду! Тв

и -чи, тв

и -чи, голоса птичьи, свист и пенье, щёлканье весеннее. Эх, щегол да щеглиха распевают лихо, птички-чеканчики звенят как стаканчики... Кому синицу-озорницу? Певчий дрозд, чёрный хвост!

— Рыбки хвостатые, пучеглазые, усатые! Блестят, переливаются, в воде кувыркаются.

— Смотрите, гражданочки, сидит лягушка в баночке, показывает погоду: в дождик лезет в воду!

— Кому, кому болонка, крошка собачонка?

— Продаётся волкодав — сердитый нрав! Перед вами все породы, и красавцы и уроды...

— Почём, дяденька, ежи?.. Ну-ка, белку покажи!.. Сколько просишь за свинью?.. А за кроличью семью?.. А почём ручная мышка?

— Да тебе чего, парнишка?

— Нет, я, дядя, просто так, у меня всего пятак. 1934

ПЕСЕНКА ПТИЦ

Идут домой из школы
Четыре ученицы.
Им песенку весёлую
Насвистывают птицы.

«Шестью восемь — сорок восемь»,—
Распевают снегири,
Воробьи с высоких сосен
Повторяют: «Трижды три».

Несут домой тетрадки
Четыре ученицы,
Там цифры в беспорядке,
Зачёркнуты страницы.

Два чижа сидят на ветке.
«Покажи, — поют чижи,—
Покажи свои отметки,
Все тетрадки покажи».

Бегут по переулку
Четыре ученицы:
— Мы вышли на прогулку,
А нас прогнали птицы!

«Трижды три!» — кричат вороны.

«Повтори!» — кричат вороны.

«Пятью пять! — галдят грачи.—

Арифметику учи!»

1943

МАЛЬЧИК, ПОМОЛЧИ!

Участвуют:

Тимофей Иванович, настройщик.

Павлик, мальчик лет шести.

Тимофей Иванович

(настраивает пианино, много раз берёт одну и ту же ноту). Так... до-до-до-до... Понятно... До-до-до-до...

Павлик

(с большим интересом наблюдает за его работой). А я знаю, кто вы. Вы — настройщик.

Тимофей Иванович. Правильно... Ми-ми-ми...

Павлик. А что вы делаете?

Тимофей Иванович. Вот видишь, инструмент настраиваю.

Павлик. А зачем вы крышку сняли?

Тимофей Иванович. Так нужно. Помолчи, мальчик.

Павлик. А молоточки зачем?

Тимофей Иванович. Я беру ноту, а молоточек ударяет по струне. Понятно?

Павлик. Понятно. А зачем?

Тимофей Иванович. Знаешь что, помолчи немножко, я ноту выверяю — ми-ми-ми... Кто у вас так пианино разбил?

Павлик. Аллочка, моя старшая сестра. Она в музыкальной школе учится. Ей нужно очень громко играть.

Тимофей Иванович. Для чего же так громко?

Павлик. Потому что Анна Васильевна внизу, под нами, живёт, их учительница музыки... Она всё жалуется, что Аллочка мало работает, вот Аллочке и нужно так громко играть, чтобы Анна Васильевна слышала, как Аллочка работает.

Тимофей Иванович

(сосредоточенно). Ми-ми-ми... какое ми разбитое...

Павлик. А вчера Анна Васильевна звонит по телефону и говорит: «Павлик, скажи Аллочке, чтобы она потише играла, я и так слышу...» Если бы она где-нибудь ещё жила, а то как раз под нами.

Тимофей Иванович. Да, не повезло твоей сестре... Знаешь что, мальчик! Ты помолчал бы немножко, отдохнул бы от разговора.

Павлик. А я не устал. И в школе у Аллочки хорошие учителя... У них география как человек очень хорошая! А литература у них и как человек хорошая и как предмет... А Марья Ивановна у них как предмет какая хорошая!

Тимофей Иванович. Мальчик, я тебя прошу, помолчи немножко... До-до-до...

Павлик. Ладно, я помолчу... А у вас дети есть?

Тимофей Иванович

(сердито). Нету...

Павлик. А колонка у вас есть?

Тимофей Иванович. Какая колонка? Ми-ми-ми...

Павлик. У нас газовая колонка есть. Её починили... Теперь Аллочка на мне физику проверяет. Закон Архимеда. Она говорит, чтобы я в ванне не шевелился, потому что я погружённое в жидкость тело. Она проверяет, кто раньше всплывёт — я или вода.

Тимофей Иванович. Нет, я вижу, ты не можешь помолчать...

Павлик. Могу... Ой, смотрите, кто пришёл! Киса, иди сюда! Знаете, мы сначала не хотели кошку брать, потому что бабушка говорит, что она кошек не любит, они неискренние. Собаки искренние, а кошки — нет. А папа сказал, что мелкие животные хорошо влияют на воспитание детей.

Тимофей Иванович. Послушай, мальчик, ты никогда днём не спишь?

Павлик. Нет, что вы... Я в том году спал, а в этом году уже не сплю...

Тимофей Иванович. А гулять ты ходишь?

Павлик. Хожу. Я уж сегодня гулял.

Тимофей Иванович. Ну вот что: пойди скажи маме, что ты мне мешаешь.

Павлик. Мамы дома нет.

Тимофей Иванович. Ну кто у вас дома...

Павлик. Я дома... Бабушка дома.

Тимофей Иванович. Пойди скажи бабушке, что ты мне мешаешь...

Павлик. Ладно, сейчас скажу.

(Уходит.)

Тимофей Иванович. Соль-соль-соль... Так и к вечеру не управисься... Как, ты опять пришёл?

Павлик. Да... Бабушка говорит, что вам нельзя мешать.

Тимофей Иванович. Вот это правильно, в том-то и дело...

Павлик. Она говорит: стоять можно, смотреть можно, а мешать нельзя. Я не буду вам мешать... А стоять можно рядом, да?

Тимофей Иванович

(со стоном). Да... Соль-соль-соль...

Павлик. А я знаю, что вы делаете... Молоточек ударяет по струне. Да?

Тимофей Иванович

(чуть не плача). Ударяет... ударяет, ударяет.

(Собирая свои вещи.) Ну вот что, мальчик: скажи маме — пока ты не вырастешь, я не берусь у вас пианино настраивать.

Павлик. Я в апреле вырасту, вы на моё рождение приходите.

(Подбегает к пианино, подражая настройщику, стучит по одной ноте.) Соль-соль-соль... Дядя, куда же вы ушли?

(Кричит вдогонку.) Соль-соль-соль! Я соль очень люблю, даже больше сахара!1951

ПЕСЕНКА ПРО ПЕТЮ

Целый день он занят делом,

Двух минут не отдохнёт:

То он парту мажет мелом,

То сидит бумажки рвёт!

А во время переменки

Занят он ещё сильнее:

Подойдёт он к чистой стенке,

Чертит чёртиков на ней.

Мы песенку про Петю
Решили вам пропеть,
Чтоб не было на свете
Ему подобных Петь!

Ах, как занят этот Петя!
Целый час ломал часы
И на мамином портрете
Подрисовывал усы.

То он вскочит на скамейку,
То залезет под кровать,
То зачем-то схватит лейку,
Станет лужи поливать.

Со двора домой вернётся,
Бросит санки у крыльца,
Если их чинить возьмётся,
Доломает до конца.

То промчится он вприпрыжку,
То залезет на чердак...
Взяться некогда за книжку —

Слишком занят он и так!

Мы песенку про Петю
Решили вам пропеть,
Чтоб не было на свете
Ему подобных Петь!

1949

КАНИКУЛЫ

Урок меня не спрашивай,
Не спрашивай, не спрашивай,
Урок меня не спрашивай,—
На отдыхе отряд,
На ёлке разукрашенной
Фонарики горят.

Повеселятся школьники
В свободные деньки.
Мы — за город, в Сокольники,
На лыжи, на коньки.

Провалишься до пояса,
До пояса, до пояса,
Провалишься до пояса,
Останешься в снегу,

А я на лыжах по лесу
До Северного полюса
Как хочешь пробегу!

Урок меня не спрашивай,
Не спрашивай, не спрашивай.
Урок меня не спрашивай,—
На отдыхе отряд,
На ёлке разукрашенной
Фонарики горят.

А все тетрадки
Спрятаны,
Пускай пока
Поспят они.

1940

БОЛТУНЬЯ

Что болтунья Лида, мол,
Это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

Драмкружок, кружок по фото,
Хоркружок — мне петь охота,

За кружок по рисованью

Тоже все голосовали.

А Марья Марковна сказала,

Когда я шла вчера из зала:

«Драмкружок, кружок по фото —

Это слишком много что-то.

Выбирай себе, дружок,

Один какой-нибудь кружок».

Ну, я выбрала по фото...

Но мне ещё и петь охота,

И за кружок по рисованью

Тоже все голосовали.

А что болтунья Лида, мол,

Это Вовка выдумал.

А болтать-то мне когда?

Мне болтать-то некогда!

Я теперь до старости

В нашем классе староста.

А чего мне хочется?

Стать, ребята, лётчицей.

Поднимусь на стратостате...

Что такое это, кстати?

Может, это стратостат,

Когда старосты летят?

А что болтунья Лида, мол,

Это Вовка выдумал.

А болтать-то мне когда?

Мне болтать-то некогда!

У меня ещё нагрузки

По-немецки и по-русски.

Нам задание дано —

Чтение и грамматика.

Я сижу гляжу в окно

И вдруг там вижу мальчика.

Он говорит: «Иди сюда,

Я тебе ириску дам».

А я говорю: «У меня нагрузки

По-немецки и по-русски».

А он говорит: «Иди сюда,
Я тебе ирису дам».

А что болтунья Лида, мол,
Это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

1934

ДВЕ КИНОКОМЕДИИ

1. АЛЁША ПТИЦЫН ВЫРАБАТЫВАЕТ ХАРАКТЕР

В комнате Алёши на самом видном месте, над столом, висит расписание дня. Большими буквами написано: «Семь часов утра — пробуждение».

Будильник на тумбочке около Алёшиной кровати вот-вот зазвонит, стрелки уже приближаются к семи, но Алёша спит очень крепко.

А на часы то и дело поглядывает бабушка Оля. Она уже давно встала, ходит по комнате, что-то прибирает, вытирает пыль. Алёшина бабушка высокая, полная, движется легко, как молодая.

Бабушка села за стол, заботливо проверяет учебники в Алёшином портфеле:

— Задачник здесь. Правильно. Тетрадку положил. Молодец!

Вдруг бабушка о чём-то задумалась. Вынула из кармана своего халата старую, выцветшую фотографическую карточку, на которой, нежно обнявшись, стоят две девушки в длинных платьях, с повязками Красного Креста на рукавах. На карточке надпись: «Город Севастополь. 1919 год». Бабушка внимательно всматривается в фотографию, о чём-то вспоминая. Рассеянно положила карточку в Алёшин портфель. Спohватившись, вынула её оттуда, снова кладёт в карман.

Дверь открывается, и входит Галя, старшая сестра Алёши, шестиклассница. Она в форменном платье, в фартуке, косы туго заплетены.

— Алёша ещё спит? Ужас какой!

Бабушка успокаивает Галю:

— Сейчас встанет... Ещё три минуты осталось. У нас теперь всё идёт по расписанию.

Пронзительно звонит будильник на тумбочке. Алёша приподнимается, сонный, потом зевает и снова ложится, натягивает на голову одеяло, собираясь ещё поспать.

Бабушка говорит строго:

— Алексей, посмотри на часы!

Окончательно проснувшись от громкого голоса бабушки, Алёша восклицает радостно:

— Семь ровно! Вот видишь, бабушка, мой организм уже привык просыпаться ровно в семь!

Алёше девять лет. У него ясные, доверчивые глаза, он, как всегда, в отличном настроении.

Алёша выпрыгивает из кровати с таким расчётом, чтобы попасть ногами в свои тапочки. Он принимается стелить постель особым, им изобретённым способом: взбивая подушку, колотит её по всем правилам бокса.

Бабушка не может удержаться от улыбки, глядя на него, но старается быть строгой.

— Зарядку! Зарядку! И пожалуйста, не отвлекайся! — напоминает бабушка. — И — раз, и — два! — энергично командует она, направляясь к двери. Теперь её голос доносится уже из соседней комнаты: «И — раз, и — два!»

Алёша, лёжа на коврик, вместо того чтобы делать зарядку, заставляет этим заниматься игрушечного козлика, ловко дёргая его за ниточку! «И — раз, и — два!» — машет головой козлик.

Бабушка появляется на пороге с кофейником в руках. Алёша быстро прячет игрушку, но бабушка уже всё заметила.

— Так я и знала! — сердится она.

Алёша начинает старательно поднимать вверх то правую, то левую ногу.

Бабушка поглядывает на внука и сообщает:

— А теперь слушай. У меня большая радость — я получила письмо: завтра проездом в Москве будет моя школьная подруга, друг моей юности.

— Твоя школьная подруга? Она ещё жива? — искренне удивился Алёша.

— Конечно, жива! Я так хочу её видеть! Мы с ней и в школе вместе учились, и в госпитале вместе работали в Севастополе.

Бабушка достаёт из кармана фотографию.

— Замечательная девушка была! Посмотри, какое энергичное выражение лица!

— А почему у вас нет медалей за оборону Севастополя? — спрашивает Алёша.

Бабушка вздыхает:

— Да что ты! Это когда же было... в гражданскую войну!.. Она приезжает со своим внуком Сашей. Жалко, что только на один день. Я бы очень хотела, чтобы они у нас погостили, чтобы вы тоже стали друзьями.

Алёша спрашивает заинтересованно:

— С внуком?

— Постой, что-то на меня сомнение напало: завтра они приезжают или сегодня? Пятнадцатого в шесть часов или шестнадцатого в пять? — вдруг заволновалась бабушка. Ищет письмо в карманах своего халата: — Куда же я его девала?..

...По рельсам мчится скорый поезд. В купе вагона пожилая женщина радостно говорит девочке лет шести:

— Нам с тобой, Сашенька, очень повезло: мы целых три часа пробудем в Москве, от поезда до поезда. Всё увидим: и Красную площадь, и метро...

— А высотный дом? — спрашивает Сашенька.

— Обязательно! И посмотрим, как в Москве оформлены книжные киоски, — другим, уже деловым, тоном говорит бабушка Сима.

Сашенька ужаснулась:

— Ты будешь свою «Союзпечать» проверять?! Ой, бабушка Сима, мы тогда ничего не успеем!

— Да, едва ли вы за три часа всё успеете осмотреть, не зная Москвы, — качает головой добродушный проводник, убирая стаканы со столика.

Бабушка Сима объясняет с гордостью:

— Нас встретит человек, который двадцать пять лет прожил в Москве.

— Ну, разве что встретит... — соглашается проводник.

Сашенька встревожилась:

— Бабушка, а твоя подруга обязательно придёт на вокзал?

— Ещё бы, конечно! Старая дружба никогда не ржавеет, Сашенька. И вообще москвичи — очень радушные, гостеприимные люди.

Алёша, весёлый, довольный, сидит за столом, завтракает. Бабушка Оля намазывает ему булку маслом. Галя кладёт сахар в его чашку.

Входит Андрей Андреевич, отец Алёши и Гали. Он плотный, широкоплечий, у него быстрый, внимательный взгляд.

— С добрым утром! — говорит он и, похлопав Алёшу по плечу, садится за стол, берёт газету: — Поглядим, что сегодня творится в мире...

Входит Наталья Фёдоровна, мать Алёши и Гали. Она врач и, как люди этой профессии, всегда внимательно прислушивается к своим собеседникам и хочет всех успокоить.

— Доброе утро, — говорит она, целуя детей.

Галя начинает речь издалека:

— Всё-таки точный распорядок дня очень много значит.

— Безусловно, — подтверждает довольная бабушка.

Отец хитро поглядывает на них из-за газеты:

— О чём это вы?

— Обо мне! — объясняет Алёша. — Я теперь усидчивый и собранный — ужас! Я же теперь прихожу и ухожу — всё по расписанию, как поезд.

Бабушка поощрительно улыбается:

— Правильно! Как курьерский поезд. — И тут же, о чём-то вспомнив, она снова начинает искать письмо в карманах халата.

Алёша ждёт одобрения отца, но Андрей Андреевич говорит сухо:

— Мне кажется, что это не твоя заслуга.

— То есть как это не моя? — удивился Алёша, чуть не опрокинув чашку с чаем.

— Другие за тебя стараются.

Бабушка обиженно переходит на официальный тон:

— Я прошу сказать конкретно: что я за него делаю? У меня своих дел достаточно!

— Да! Я сам всё делаю! — уверяет Алёша.

— Сам? Прекрасно! А это что такое? — Андрей Андреевич показывает на жалкий росток в цветочном горшке.

— Лимон! — хмуро говорит Алёша.

— Лимон? Ты решил стать юннатом? А когда ты его в последний раз поливал? Он засох весь.

— Ну уж извините, я его ежедневно поливаю, — неожиданно выдаёт себя бабушка.

— Значит, бабушка у нас стала юннатом, — уточняет Андрей Андреевич.

— Юннатом я, во-первых, раздумал! Я буду мастером спорта по конькам. И катаюсь я сам, бабушка за меня не катается, — сердито отвечает Алёша.

— После школы погуляешь, в час тридцать будь дома! — по привычке напоминает бабушка, но замолкает, взглянув на Андрея Андреевича.

Расстроенный Алёша выходит из комнаты.

Галю тоже задела за живое слова отца, но она молча собирает тарелки и уходит в кухню.

Андрей Андреевич шутливо говорит матери:

— Вот у мамы определённо есть успехи! Ты стала не такой рассеянной, мамочка! Расписание ведь ты выполняешь? На тебя оно благотворно и действует.

Бабушка отвечает спокойно, с чувством собственного достоинства:

— Ну что ж! Расписание всем полезно. — И тут же начинает горячиться: — А не напоминать ему нельзя! У него внимание перескакивает с одного на другое. Спроси у Наташи, она тебе объяснит с медицинской точки зрения.

— С медицинской точки зрения, прежде всего нельзя волноваться, — шутит Наталья Фёдоровна.

— Пойми, что ты не должна его заботы брать на себя! — доказывает матери Андрей Андреевич. — Ведь верно, Наташа? — Он тоже ищет поддержки у Наташи Фёдоровны.

— С таких лет уже заботы! — не соглашается бабушка.

— Конечно! Я же не требую, чтоб он занимался выпуском автомобилей в новой пятилетке. Но своё расписание ему пора выполнять самостоятельно, — настаивает отец.

— Пстой, Андрюша! Отчасти ты прав, — пытается его успокоить Наталья Фёдоровна.

— Как? Он прав, по-твоему? — возмутилась бабушка.

— И мама отчасти права. Вы оба правы, только пейте чай.

Голос бабушки прерывается от волнения:

— Ну что ж... Если я его неправильно воспитываю, я вообще могу запереться в своей комнате, и вы меня больше не увидите. С этой минуты я больше ни во что не вмешиваюсь... Алёша! — тут же кричит бабушка. — В школу опоздаешь!.. Вы считаете, что Алёша в меня — несобранный, несосредоточенный! Ну что ж! Сожалею, но сделать ничего не могу. Извините!

Разгневанная, с пылающими щеками, она идёт к дверям. Укоризненно взглянув на мужа, Наталья Фёдоровна спешит за ней.

На пороге бабушка останавливается, говорит веско:

— Кстати, к самостоятельному труду я его всё-таки приучаю. Он вчера сам починил табуретку, которая стоит в передней.

— Починил табуретку? Вот это отлично! — говорит отец.

Бабушка и за ней Наталья Фёдоровна уходят из комнаты. Вбегает Галя. Она уже в шубке, с портфелем в руках.

— Папа, я не могу молчать по этому вопросу. Я тебе как вожатая говорю: наша задача и чужим родителям помогать воспитывать детей, а Алёша — мой собственный брат, и я тоже разбираюсь в его воспитании. Мы ему напоминаем, но ничего тут плохого нет.

— Твой собственный брат должен скоро стать пионером? — спрашивает отец.

— Да, он в мае вступит. И я с ним уже провела одну беседу, — наставительно говорит Галя.

— Ого! Провела беседу! А самодеятельность была после официальной части? — усмехается Андрей Андреевич. — Вы лучше попробуйте хоть один день ни о чём ему не напоминать. И

поглядим, выполнит ли он своё расписание.

— Конечно, выполнит! — уверяет Галя.

Алёша в передней слышит их разговор. Он тихо, тоном заговорщика, спрашивает бабушку:

— Яблоко ты мне положила?

— Положила! — шепчет бабушка.

Алёша, надевая калоши, садится на табуретку, ножка у табуретки отскакивает, и Алёша с грохотом падает на пол. Отец заглядывает в переднюю:

— Так! Отличная работа! Ну что же, Галя, поглядим!

— Поглядим! — решительно говорит Алёша, берёт свой портфель и уходит.

Зимнее утро. Деревья стоят будто украшенные пышными хлопьями снега. Школьники с портфелями выходят из всех домов и дворов. По радио гремит марш, и кажется, что они шагают под музыку, что вся улица, весь город спешит в школу.

Мы слышим песню по радио:

Злодейка-зима

набирается сил,

Как грянул Мороз,

никого не спросил!

Явился в столицу

товарищ Мороз,

Прохожих торопит,

доводит до слёз.

Мы москвичи,

Молодые москвичи.

Наши сердца,

Как огонь, горячи.

В школу идём

по морозцу пешком,

Шапки-ушанки

покрыты снежком.

Что может быть лучше

январской поры!

На лыжах, на санках

несёмся с горы.

Любому мальчишке

Мороз нипочём.

Не зря он считает себя

москвичом!

Мы москвичи,

Молодые москвичи...

По тротуару размашисто шагает Алёша. Вид у него независимый. Нетрудно догадаться, что идёт человек, принявший какое-то твёрдое решение. На перекрёстке его догоняет запыхавшаяся Галя:

— Алёша, я тебе вот что хочу сказать: ты не расстраивайся, мы папе докажем, что ты самостоятельный.

Алёша рассердился:

— Кто это «мы»? Я сам буду доказывать! Без женской помощи!

— Ну что ж, правильно! — обиженно говорит Галя и поворачивает за угол.

По переулку идёт огромный грузовик-самосвал.

Алёша остановился, с интересом рассматривает его.

К Алёше подходит толстощёкий мальчуган в шубе, сшитой на рост. Это его одноклассник Никита. Говорит солидно:

— Привет!.. Сильна машина!

Алёша объясняет, занятый осмотром:

— Сверхмощная! Двадцать пять тонн груза берёт. Ты только погляди!

— В школу опоздаем, — тянет его Никита.

Алёша вздыхает, с сожалением отходя от самосвала:

— Сам знаю.

Улица полна народу. Всё в движении: мчатся машины, ежеминутно распахиваются двери магазинов.

Из булочной выходит Генка, мальчишка лет десяти. За плечами у него рюкзак, под мышкой — буханка хлеба. Чтобы положить буханку на дно рюкзака, он достаёт и перекладывает в нём вещи: флягу, котелок, спички, перочинный ножик и пистолет-пугач. Видно, что мальчишка собрался в дальнюю дорогу. Он в стёганом ватнике, в валенках, на шее тёплый шарф, а на голове летняя кепка.

Путешественник с завистью оглядывает мальчиков в тёплых шапках. Увидев Алёшу, обрадовано рассматривает его ушанку — вот как раз та шапка, которая ему нужна.

— Поди-ка сюда, — подзывает он Алёшу. — Ты меня знаешь?

— Знаю... Ты Генка... В красном доме живёшь. А что? — удивился Алёша.

— Дай-ка мне твою ушанку примерить. Я хочу себе такую купить. Она тёплая?

— Тёплая.

Алёша не успевает опомниться — Генка с деловым видом снимает с Алёши ушанку и взамен нахлобучивает на него свою кепку.

— Спасибо! Привет! — говорит он, вполне уверенный в правильности своего поступка.

Алёша в кепке бежит за ним:

— Да ты что? Отдай ушанку!

— Приеду — отдам. — Генка подбегает к остановке автобуса и вскакивает в отходящую машину.

Рассерженный Алёша сгоряча бросается бежать вслед за автобусом.

— Куда ты? Опаздываем! — кричит Никита.

Алёша останавливается. Говорит, насупившись:

— Ладно, я знаю, где он живёт. После уроков — сразу к нему.

В школьной раздевалке шумно, как всегда перед началом занятий. Ребята, торопливо переговариваясь, вешают шубы. Нянечка тётя Поля внимательно наблюдает за ними.

Миловидная молоденькая девушка застенчиво спрашивает тётю Полю:

— Скажите, пожалуйста, Тихон Иванович уже пришёл?

— Пришёл. Вы на практику? В какой класс?

— В третий «А»! — волнуясь, отвечает девушка.

— Третий «А»? Ты поостороже с ними. Они робких не любят! — советует тётя Поля.

С шумом распахивается входная дверь, вбегают запыхавшиеся от бега Алёша и Никита. Алёша так стремительно вешает свою шубу, что обрывает на ней вешалку. Шуба падает на пол. Кое-как пристроив её, он подбегает к тёте Поле:

— Здравствуйте, тётя Поля, как ваш зуб? Вот возьмите пирамидон. Но мама говорит, что нужно показаться зубному врачу.

— Спасибо! Мальчик обходительный, но всё рывком, всё рывком... — качает головой тётя Поля, поднимая Алёшину шубу, снова успевшую упасть на пол. — Ох, не спросила я его, сколько раз в день принимать этот пирамидон... Да, — вдруг вспоминает она, — зуб-то мне вчера вырвали!

...Молоденькая девушка поднимается по широкой лестнице. Ребята из разных классов, обгоняя её, здороваются с ней. Старшеклассники здороваются басом:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — слышится со всех сторон.

Малыши хором кричат ей:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — улыбается девушка. — Вы так со мной здороваетесь, как будто меня знаете!

Малыши объясняют:

— Мы со всеми взрослыми должны здороваться. Вы же взрослая, да? — неуверенно спрашивают они.

Девушка смутилась:

— Да, конечно, я взрослая.

Хотя звонка ещё не было, в третьем «А» дети уже сидят за партами и слушают Тихона Ивановича, который сообщает им важную новость:

— Урок чтения в вашем классе сегодня будет проводить студентка-практикантка Нина Васильевна.

Школьники удивлённо переглядываются, пожимают плечами.

На партах шёпот:

— Студентка!.. Вместо Тихона Ивановича студентка! Вот ещё — студентка!..

Тихон Иванович, улыбаясь, смотрит на недовольных ребят:

— Алёша Птицын, что ты хочешь сказать? Ты так вертишься — вот-вот упадёшь.

Алёша вскакивает с места, хлопает крышкой парты, на пол падают карандаши. Он быстро подбирает их.

— Тихон Иванович, я хочу сказать, что студентка с нами не справится. Вас мы слушаемся, а студентке с нами будет трудно.

— Конечно. С нами большое терпение нужно, — уверяет самый маленький третьеклассник, Коля.

Ребята наперебой стараются доказать, что преподавать у них в классе очень трудно.

— Со мной одним с ума сойдёшь! Вы же сами сказали, — доказывает Алёша.

— А я запинаюсь, когда читаю. Со мной мученье! — заявляет Саша Фомичёв.

— Нет, я нахожу, что вы не так уж плохо себя ведёте! Конечно, надо было бы лучше, — говорит Тихон Иванович.

— Мы не плохо себя ведём?! — искренне удивился Алёша. — Я же всё время отвлекаюсь, посторонние вопросы задаю!.. И у меня всегда уши в чернилах...

— Покажи уши! Чистые! — смеётся учитель.

Алёше в голову пришла новая мысль, он опять тянет руку:

— Тихон Иванович, а почему студентке можно нарушать расписание? Ведь вы должны вести урок. А она пришла и нарушает!

— Почему — нарушает? Студентам так полагается, они же будущие учителя... а вот если вы будете плохо сидеть, Нине Васильевне снизят отметку за проведение урока.

— Отметку? Разве им ставят отметки? — сочувственно удивились ребята.

— И двойки им ставят так же, как нам?

— Конечно, но при желании вы можете Нине Васильевне помочь.

— Поможем ей? — покровительственно спрашивает один из мальчиков.

— Поможем! — загорелся Алёша.

— Придётся помочь, она ведь ещё неопытная, — снисходительно соглашается маленький Коля.

Звенит звонок. В класс входит молоденькая девушка, которую мы видели в раздевалке.

Школьники, стараясь не стукнуть крышкой парты, как один, поднимаются с места.

— Здравствуйте! Садитесь, — говорит девушка. У неё пересохло в горле от волнения.

Тихон Иванович ободряюще смотрит на неё, она старается овладеть собой.

— Вам на сегодня было задано читать рассказ «Первый ученик» — о Володе Ульянове... Откройте «Родную речь».

А тем временем бабушка Оля, несколько смущённая, стоит в раздевалке.

— Урок ещё не кончился, бабушка Птицына, — говорит ей тётя Поля, как старой знакомой.

— Подожду... Понимаете, важное письмо потеряла, — вздыхает бабушка. — Одна надежда, не попало ли оно случайно в Алёшин портфель... Может быть, я сама его туда положила...

— Бывает... — соглашается тётя Поля. — У нас одна соседка потеряла ключ от комнаты, весь дом обшарили — нету!

— А птица у них есть? — осведомляется бабушка Оля.

— Есть снегирь. А что?

— Надо было в клетке посмотреть, — советует бабушка. — Я недавно в клетку свой кошелёк положила. Стала воду менять, а он там... Пойдите, может быть, я и письмо туда положила? Знаете что? Я пойду, я уверена, что оно в клетке...

...В классе Тихон Иванович слушает, как Нина Васильевна ведёт урок. Студентка держится настороженно. Но пока тишина и порядок образцовые, ребята явно хотят, чтоб она получила пятёрку.

— Хорошо... А кто ещё скажет, какой характер был у Володи Ульянова? — спрашивает студентка.

Все ребята дружно поднимают руки. Особенно нетерпеливо тянет руку Алёша, как всегда, вертится на месте.

— Тише, ты! — шепчут ему ребята.

Студентка обращается к маленькому Коле:

— Ты скажи...

Коля старается как можно лучше высказать свою мысль:

— Володя Ульянов был смелый. Он всегда смело держался. У него был очень смелый характер.

— Это верно, — одобряет студентка. — Но только не повторяй всё время одно и то же слово. Наш язык богат, в нём можно найти другие слова, имеющие то же значение. Например: храбрый, отважный, бесстрашный.

— Володя Ульянов был смелый, храбрый, отважный, бесстрашный, — убеждённо повторяет мальчик.

Снова все руки дружно тянутся вверх.

Студентка вызывает Никиту. Никита отвечает вдумчиво:

— Володя Ульянов был заботливый, хотел, чтобы у рабочих была хорошая жизнь.

Встаёт Саша Фомичёв, говорит неожиданно:

— Он далеко уплывал.

Студентка поправляет его:

— Ты неточно выразил свою мысль. Найди это место в книге и прочти нам.

Мальчики заволновались, начали перешёптываться:

— Ну всё! Сейчас он начнёт запинаться...

Весь класс выжидательно смотрит на Сашу. Однако, к общему удивлению, Саша читает без запинки:

— «Он уплывал далеко на середину реки. Иногда просто страшно становилось — как бы не унесло. А он крепкий был — выплывал».

Класс облегчённо вздыхает.

— Можно, я спрошу? — умоляюще говорит Алёша и вскакивает с места. — Володя Ульянов сразу был самостоятельный? Ему сестра не напоминала: «Иди учить уроки»? Он сам шёл, да?

Тихону Ивановичу любопытно, что ответит студентка.

— Конечно, Володя с малых лет был очень требовательным к себе, потому он и выработал такую исключительную работоспособность.

Алёша с шумом опускается на место.

У всех приготовлены дневники, они лежат на партах, только Алёша ищет дневник в своём портфеле. Неожиданно достаёт оттуда клубок шерсти и удивлённо его разглядывает, не понимая, как он мог попасть к нему в портфель. Наконец догадывается.

— Бабушка положила вместо яблока! — шёпотом сообщает он Никите.

— А? — шепчет Никита, не понимая.

Мальчики сердито шикают на них со всех сторон:

— Тише, тише, вы!

Но Алёша уже увлечён.

— Вот так яблочко! — развеселился он от души.

Мальчики заметили клубок. Класс весело загудел. Кто-то, самый смешливый, громко хихикнул.

А тут Алёша ещё выронил клубок, и тот покатился по полу.

Теперь никто не может удержаться от смеха. Тихон Иванович недовольно качает головой.

— Это что такое? — испуганно говорит студентка, с недоумением глядя на клубок.

— Можно, я скажу? — решает Никита заступиться за товарища. — Он не виноват, у него бабушка рассеянная. Она ему клубок положила вместо яблока...

Никита начал с жаром, но тут же умолк, взглянув на недовольное лицо студентки.

Она говорит строго:

— А при чём тут бабушка? Ты должен сам укладывать в портфель всё, что тебе нужно. Из-за тебя мы отвлеклись от урока.

— Строгая! Пятёрку получит... — шепчет маленький Коля.

А бабушка Оля, отчаявшись найти нужное ей письмо, решает узнать по телефону, когда приходит поезд. Она медленно и старательно набирает номер.

Справочная Курского вокзала занята. Бабушка снова набирает номер, но, о чём-то вспомнив, отходит от телефона, не положив трубку на рычаг.

В пустом классе за партой сидят Тихон Иванович и Алёша. Алёша опустил голову, нахмурился, молчит. По всему видно, что он очень огорчён. Почувствовав на себе взгляд учителя, Алёша говорит порывисто:

— Тихон Иванович! Почему некоторые люди встают утром, решают быть твёрдыми, собранными, но ничего у них не получается? Ничего!..

— Ну, я на их месте не падал бы духом, — понимающе говорит Тихон Иванович. — Я бы добивался.

— Не могут они! Всё им надо напоминать. Они стараются, но у них ничего не выходит! Они слишком горячие... — всё больше расстраивается Алёша.

Тихон Иванович советует:

— Знаешь, расскажи этим людям про Володю Ульянова. Он ведь всё делал с увлечением. И плавал, и с гор катался. А как он увлекался шахматами в детстве!

— Да! Он очень увлекался, — обрадовался Алёша. — У него такая исключительная настойчивость сделалась! — подчёркивает он понравившееся ему слово «исключительная».

— Верно... Вот ты и передай этим людям, что им надо волю укрепить, каждое своё решение доводить до конца. По-моему, это для них главное.

— Это главное... Хорошо, я им передам, — говорит Алёша.

Скорый поезд, окутанный дымом, всё мчится вперёд. По радио в вагоне звучит песня о Москве.

Пассажиры слушают, кто-то подпевает.

Серафима Васильевна и Саша стоят уже одетые, в шубах.

— Подъезжаем! — торжественно говорит Серафима Васильевна.

— Подъезжаем! — так же благоговейно повторяет Сашенька.

— Уже собрались? Рановато... Услышите, по радио скажут: «Граждане пассажиры, внимание! Скорый поезд № 6 прибывает к столице нашей Родины — Москве». Рановато... — качает

головой проводник.

Открыв дверь своим ключом, в переднюю входит Андрей Андреевич. Он замечает, что телефонная трубка, из которой несётся безостановочный гудок, висит, покачиваясь, на шнуре. Пожав плечами, Андрей Андреевич кладёт трубку на рычаг.

— Кто там? — слышится из комнаты голос бабушки.

— Это я, мама. Решил сегодня забежать. Ты меня накормишь?

— Пожалуйста! У меня всё готово! Всё в порядке! — уверенно отвечает бабушка.

Андрей Андреевич входит в комнату и останавливается в недоумении — книги лежат на полу, выдвинуты ящики стола, шкафа, открыт сундук. Бабушка перетряхивает какие-то бумаги. Как видно, чтобы найти письмо, она перевернула весь дом вверх дном.

— Что с тобой, мамочка? Ты что-нибудь потеряла?

— Потеряла! Найду, тогда скажу, а то опять будете говорить — рассеянная.

— Алёша дома? — как бы между прочим, спрашивает Андрей Андреевич.

— Ещё рано, — оправдывается бабушка. — Он придёт ровно в час тридцать. Подождёшь его?

— Обязательно! Будем вместе обедать.

Никита и Алёша стоят во дворе большого дома, ждут кого-то. Алёша снимает с головы кепку, смотрит на неё с досадой.

— Как назло, сегодня эта история!.. Слушай, ты давно тут живёшь? — спрашивает он маленькую девочку, которая везёт на санках свою подружку.

— Давно. Всю жизнь! Шесть лет и три месяца! — отвечает девочка.

— Ты Генку знаешь?

— А у нас два Генки. Вам какой нужен?

— Такой длинный, вот его кепка, — объясняет Никита.

— У нас ни у кого из ребят такой кепки нет! Пойдите, я знаю, у кого такая точь-в-точь!

— У кого? — заволновались мальчики.

— У моего папы.

— У папы, у мамы!.. — машет рукой Никита на непонятливую девочку.

Её подружка, сидящая на санках, вмешивается в разговор:

— Длинный Генка в нашей квартире живёт. Только он уехал!

На лице у Алёши написано возмущение.

— Уехал! В моей шапке!

— Ясно! Так я и знал! — сочувствует Никита. — Попадёт тебе за шапку! Хочешь, возьми мою. Она на твою похожа, — в порыве дружбы предлагает он, хотя его шапка даже не напоминает Алёшину.

— Пойду скорей, пока одна бабушка дома, — решает Алёша.

Вот он уже идёт по бульвару. На скамейках сидят мамы и няни с детьми.

Алёша то и дело поправляет злополучную кепку, которая лезет ему на глаза. Наконец, вспыхив, он срывает её с головы и швыряет в снег. Потом, взяв себя в руки, поднимает её. Вдруг он замечает под скамейкой на снегу толстую клеёнчатую тетрадь. Протягивает тетрадь няне, которая сидит на скамейке и катает перед собой коляску.

— Вы уронили? Ваша тетрадь?

— Нет, мальчик, не наша, мальчик, — нараспев говорит няня, обращаясь не к Алёше, а к своему малышу. — Мы с Мишенькой тетрадь не роняли. Мы с Мишенькой ещё не учимся, мы ещё маленькие... Около нас гражданочка сидела, готовилась к экзамену, верно, она забыла... Рядом с Мишенькой тётя сидела... — снова начинает нянька нараспев, забавляя малыша.

Алёша листает тетрадь.

— Тут лекции, как у моей мамы, — догадывается он.

— Сейчас все учатся, все учатся, только мы с Мишенькой ещё не учимся, — распевает нянька.

— Адрес есть, — обрадовался Алёша. — И фамилия — Сергеенко, старший лейтенант... Я бы отнёс, но я обязательно должен быть дома точно вовремя.

— Отнеси, мальчик! Мы бы с Мишенькой отнесли, да нам кушать пора. Мишеньке кушать пора, нас мамочка ждёт, — распевает нянька.

Разговаривая со своим Мишенькой, она уходит, катит перед собой коляску.

Алёша с тетрадкой в руках стоит в раздумье.

...Детская комната отделения милиции. Дверь отворяется, входит Алёша, удивлённо рассматривает яркие плакаты на стене, детскую мебель, игрушки. За столом сидит молодая женщина. Она не в милицейской форме, а в обычном платье.

Алёша удивлённо оглядывается.

— Тут что, милиция? Мне старший лейтенант Сергеенко нужен...

— Ну, я Сергеенко, — говорит женщина.

— Вы? — снисходительно улыбнулся Алёша. — Какой же вы старший лейтенант?

Звонит телефон. Женщина снимает трубку.

— Старший лейтенант Сергеенко слушает! В Каховку? Понятно! У меня уже трое таких

беглецов побывало... Отправили ко мне? Отлично...

Алёша удивлён:

— Вы лейтенант? Вы милиционер? А я думал, он мужского рода. — Алёша достаёт из кармана тетрадь. — Ваша тетрадка?

Сергеенко с недоумением рассматривает тетрадь:

— Да, моя...

Дверь отворяется. Милиционер вводит Генку. Алёша уже собрался уходить, но, увидев Генку, от изумления прирастает к полу.

— Вот, привёл беглеца, — говорит милиционер.

Но Генка сам решительно подходит к столу.

В глазах его ни страха, ни растерянности.

— Кто тут главный начальник?

— Я, — грозно говорит женщина.

Генка на секунду опешил:

— Вы? Тогда скажите им, чего они меня в Каховку не пускают.

— А зачем ты туда собрался?

— Как — зачем? Строителям помогать! Там люди нужны! — убеждённо, даже с пафосом, заявляет Генка, но, вдруг увидев Алёшу, невольно хватается за ушанку, снимает её с головы, мнёт в руках.

— Что ж, цель у тебя хорошая! А в школе знают, что ты в Каховку едешь? Нет! А родителям сказал? Нет! Всех обманул! А по какой ты туда специальности? — строго говорит Сергеенко.

Генка продолжает защищать свои позиции, исподлобья поглядывая на Алёшу:

— У пульта стоять на шагающем экскаваторе! Что, я не справлюсь? Нажимай кнопки — и всё!

Алёша делает движение в сторону Генки, хочет отнять у него шапку, но, взглянув на Сергеенко, останавливается.

Сергеенко повторяет насмешливо:

— Нажимай кнопки — и всё. А учиться тебе не надо? Что же, по-твоему, из тебя получится?

Генка не сдаётся:

— Ничего из меня не получится.

— Вот я тоже думаю, что «ничего». — Сергеенко показывает на плакат, висящий на стене: — Что тут написано?

На плакате стихи Маяковского:

ПОМНИ ПРО ШКОЛУ —

ТОЛЬКО С НЕЙ

СТАНЕШЬ

СТРОИТЕЛЕМ

РАДОСТНЫХ ДНЕЙ.

Генка молчит. Меньше всего он ожидал, что дело примет такой оборот.

— Читай, я говорю! — приказывает Сергеенко.

Генка, чувствуя, что ему не отделаться от этой настойчивой женщины, что-то невнятно бормочет про себя.

— Громче, вслух читай! — продолжает требовать Сергеенко. — С выражением читай! Вникай в содержание! Наизусть выучи!

— Ну, я пойду, — говорит Алёша. — Я должен быть дома в час тридцать. А мне ещё кой-кого дождаться надо! — Он многозначительно смотрит на Генку.

— Постой, постой! — останавливает Сергеенко Алёшу, набирая номер телефона. — Катя? Скажи, где моя тетрадь, которую я тебе дала на один день? Ах, ты в отчаянии? А мне что прикажешь делать? Я три месяца конспект составляла... Ну, она у меня в руках. Как твоя фамилия? — спрашивает она Алёшу.

— Птицын Алёша.

— Школьник Алёша Птицын нашёл и принёс... Не знаешь, как его благодарить? — Сергеенко обращается к Алёше: — Моя сестра, Екатерина Ковалёва, мастер спорта по конькам, предлагает поучить тебя... Хочешь?

Алёша не может прийти в себя от восторга.

— Та самая Ковалёва? Вот здорово! Я же её из «Огонька» вырезал... Она у меня в комнате висит.

— Ты у него в комнате висишь, — говорит Сергеенко сестре и, улыбаясь, кладёт трубку. — Приходи сегодня в пять часов на Стадион юных пионеров. Ковалёва там занимается с детской группой.

— У меня каток как раз в пять часов! Я обязательно! — радуется Алёша.

На столе три прибора. Бабушка и Андрей Андреевич сидят на своих местах. Алёшин стул пустует.

— Не придёт он! — говорит отец.

Раздаётся звонок в передней. Бабушка радостно спешит открыть дверь.

Входит Галя:

— Это я! Мы сегодня раньше кончили. Алёша дома?

— Нет, — шепчет бабушка. — Папа пришёл проверить, а Алексея нет.

Городские часы на перекрёстке показывают 1 час 15 минут.

Под часами стоит Алёша. Он ждёт Генку, сердито поправляет ненавистную кепку.

Из детской комнаты выходит Генка, расстроенный, без рюкзака. Он сердито бормочет:

— Помни о школе... Только с ней... Дала она мне жизни с этими стихами! Велела маме за рюкзаком приходить.

Алёша подбегает к нему.

— На, возьми свою ушанку, она мне больше не нужна, — со вздохом говорит Генка.

Алёша резко выхватывает шапку у него из рук.

— Обманщик! Скажи спасибо, что я в милиции ничего не сказал! Кому ты в Каховке нужен!

— А что ты вырываешь? — рассердился Генка, снова схватив шапку. — Тогда не отдам.

Мальчики налетают друг на друга; сейчас начнётся настоящая потасовка.

Вокруг Алёши и Генки собрались зрители — любопытные мальчишки с соседнего двора: они с интересом ждут, как развернутся события.

Но вдруг Алёша вспомнил о чём-то, посмотрел на часы.

— Не буду я с тобой драться! Мне домой надо! Ладно, в этой пойду!

— У! Струсил! — торжествует Генка.

— Струсил! — повторяет один из зрителей.

Алёшино благоразумие вмиг улетучивается. Нет, будь что будет, насмешек над собой он не допустит!

— Кто струсил, ещё поглядим! — кричит он Генке, пылая от негодования.

На столе четыре прибора. Бабушка, Андрей Андреевич и Галя сидят на своих местах. Алёшин стул пустует.

— Давайте обедать, что-то я проголодался, — говорит отец.

Часы бьют половину второго.

Раздаётся звонок в передней. Бабушка спешит открыть дверь.

Входит Алёша в своей шапке-ушанке, завязанной под подбородком. Очевидно, он оказался победителем в бою, так как шапка снова у него на голове.

— Молодец! Пришёл! — шепчет бабушка.

Да, но если бы ты знала, чего мне это стоило! — мрачно отвечает Алёша.

В столовой Галя подаёт суп отцу.

— Папа, ты сдаёшься? Всё по расписанию! — торжествует она.

Бабушка в передней снова принимается звонить по телефону. Набрав номер, спрашивает обрадованно:

— Справочная? Наконец-то! Будьте добры, скажите, пожалуйста, когда приходит поезд из Никитовки: в пять часов или в шесть? Какой поезд? Сочинский или тбилисский? Понятия не имею... Подождите! Почему же вы кладёте трубку? — кричит бабушка.

Снова терпеливо набирает номер. Перекладывает трубку из одной руки в другую, при этом в рассеянности опирается локтем на рычаг. Говорит возмущённо: — Галя, надо позвать монтажника! Телефон не работает! Как же узнать, когда они всё-таки приезжают? Пятнадцатого в шесть или шестнадцатого в пять?

Объявление по радио на вокзале: «В 16 часов 5 минут к третьей платформе прибыл скорый поезд № 6, Сочи — Москва». Пассажиры высовываются с площадок вагонов, кого-то окликают, машут руками. Объятия, поцелуи.

Серафима Васильевна и Сашенька стоят на платформе около своих чемоданов. Серафима Васильевна подтянута, держится бодро.

— Ну, где же твоя подруга? Это она? Какая она? — волнуется Саша.

Серафима Васильевна внимательно оглядывает проходящих мимо пассажиров и встречающих.

— Помолчи, Саша, так я пропущу её. Может быть, я её не узнаю? Я же её молодой помню. Вот такой. — Она вынимает из сумочки фотографию молодой девушки, протягивает её Саше.

Саша рассматривает фотографию... Увидела на платформе похожую девушку.

— Вот она! — кричит Саша радостно.

— А правда, похожа, — растрогалась Серафима Васильевна. — Глупая ты девочка, она же такой была сто лет назад!

— Сто лет! Тогда она, конечно, не придёт.

— Не понимаю... Я ей написала: «Если хочешь меня видеть, приезжай на вокзал...» Может быть, она адрес переменяла? Или сама переменялась? — вздыхает Серафима Васильевна.
— Письмо не могло не дойти...

Саша чуть не плачет от огорчения.

— Кто же нам теперь Москву покажет?

— Успокойся. Выясним, в чём дело. — Серафима Васильевна смотрит на свои ручные часы.
— Так... Наш поезд в Горький уходит в 19.5. В нашем распоряжении ровно три часа. Где тут камера хранения? Носильщик, возьмите вещи! — с подчёркнутой решительностью

распоряжается Серафима Васильевна.

На стене расписание дня: «3–4.30 — приготовление уроков».

Алёша сидит за своим столиком, решает задачу.

За другим столом сидит бабушка, в руках у неё толстая книжка «Педагогика». Бабушка читает вслух:

— «Надо предоставлять ребёнку при каждом удобном случае, по возможности, проявить свою самостоятельность...» Ну что ж, — соглашается бабушка, — при удобном случае — это правильно...

Алёша заинтересовался:

— Бабушка, а ты что учишь?

— Я не учу, а читаю. Знаешь, что тут написано? На бабушку надейся, а сам не плошай! — шутит она.

Спрятав книгу в ящик стола, снова машинально начинает искать в ящике письмо.

— Нигде нет, исчезло! Ну, всё равно поеду к пяти часам на вокзал. Если сегодня её не встречу, завтра поеду, — решает она.

Алёша кончил готовить уроки, укладывает учебники и тетради в портфель. Смотрит на часы, радуется:

— Ого! Полтора часика просидел как вкопанный. Задачку решил! «Метелицу» выучил!

...Серафима Васильевна и Сашенька, уже без чемоданов, идут по шумной, многолюдной вокзальной площади. По тому, как они оглядываются по сторонам, сразу видно, что они приезжие.

Серафима Васильевна крепко держит Сашу за руку. Сашенька не перестаёт задавать вопросы:

— Это Москва? А где Кремль?

Серафима Васильевна оглядывает площадь, любитесь:

— Москва! Подумать только, какое количество машин!

— Ой, бабушка! Мы ведь не знаем, куда идти! Без твоей подруги мы ничего не увидим!

Серафима Васильевна старается держаться независимо.

— Всё увидим!

Она направляется к будке телефона-автомата.

Мимо проезжает машина ОРУДа с рупором на крыше. Из рупора раздаётся:

— Гражданка с девочкой, вы нарушаете правила уличного движения!

— Бабушка, это он тебе! Он с тобой знаком? — удивилась Сашенька.

Серафима Васильевна, взяв Сашеньку за руку, входит в будку телефона-автомата.

Сашенька, встав на цыпочки, прижавшись носом к стеклу, с любопытством рассматривает площадь. Поворачивается к бабушке:

— Ты своей подруге звонишь?

Серафима Васильевна кивает головой:

— Удивительно! Всё время занято.

На столике, в передней Птицыных, лежит телефонная трубка. Её опять не положила на рычаг рассеянная бабушка Оля.

На платформе вокзала громкий голос объявляет по радио:

«Повторяю. Комната матери и ребёнка находится в центральной части вокзала. При вокзале имеется парикмахерская. Граждане пассажиры, не бегите по платформе, идите спокойно!»

Бабушка Оля стоит на платформе с расписанием в руках, вытирает лоб платком.

— Всё выяснила. Через сорок минут будет поезд Ереван — Москва. Надеюсь, тот самый, который мне нужен... Оказывается, через эту Никитовку все поезда проходят: ереванский, тбилисский, батумский, сочинский. — Бабушка говорит мечтательно: — Через сорок минут я увижу Симу... Что же я ничего не купила? Тут, наверно, продают конфеты? Куплю ей тянучки. Она в детстве так любила тянучки!

...Алеша с коньками под мышкой выходит из подъезда своего дома, говорит лифтёрше:

— Марья Семёновна, вот ключ... Я на каток... Меня мастер спорта ждёт.

Алеша уходит, и мы видим, как к этому же подъезду подходит бабушка Сима с Сашенькой. Бабушка Сима спрашивает лифтёршу:

— Ольга Александровна Птицына здесь живёт?

— Здесь, в сто семнадцатой квартире.

— Здесь! — обрадовалась, заволновалась бабушка Сима. — Вы не знаете, она здорова?

— А как же, здорова, не так давно куда-то ушла. Никого у них нет...

— Недавно ушла — значит, не на вокзал, — решает Серафима Васильевна. На её лице растерянность, разочарование.

— Может быть, что-нибудь передать? — предлагает лифтёрша.

— Нет, что же передавать? Раз она здорова, я очень рада, — обиженно говорит Серафима Васильевна.

Алёша стоит на перекрёстке, ждёт, когда можно будет перейти через дорогу. Машины, счищающие снег, задержали движение.

К перекрёстку подходят Серафима Васильевна и Сашенька. Сашенька тоже обижена до глубины души:

— Здоровая! А нас не встретила. Плохие твои москвичи!

Алёша, услышав её слова, обернулся:

— Что ты сказала? Повтори! Москвичи плохие?!

— А что, не плохие? Обещали нам Москву показать — и метро, и Красную площадь, а сами не пришли!

— Саша, никто нам не обещал! — вмешивается Серафима Васильевна.

— Ну вот, а ты на москвичей!.. — негодует Алёша.

— А тебе-то что? — пожимает плечами Саша.

— Как это что?! Я москвич! — отвечает Алёша.

Саша говорит, насмешливо оглядывая его:

— Какой москвич! Покажи тогда, где метро.

— Да вот оно! Это каждый знает.

— И высотный дом можешь показать?

— Конечно, могу!

— Не хвастайся!

— Я не хвастаюсь! Пойдёмте, если так! — неожиданно для себя решает Алёша.

Зажёгся зелёный свет. Серафима Васильевна трогается в путь. Удивлённо говорит Алёше:

— Куда ты собрался идти, мальчик?

На платформе Курского вокзала бабушка Оля с большой коробкой конфет в руках встречает только что прибывший поезд. Пробегает вдоль вагонов, заглядывает в окна, ищет Серафиму Васильевну. Снова взволнованно пробегает по платформе, смотрит в лица приехавших. Вдруг с криком «Сима!» бросается на шею какой-то женщине. Та испуганно отшатывается. Бабушка шепчет растерянно:

— Извините, пожалуйста, это ошибка.

Вестибюль станции метро. Идут приезжие и Алёша.

Яркий свет, роспись потолков — всё поражает приезжих. На всё они смотрят восторженными глазами.

— Это дом или улица? — спрашивает Сашенька Алёшу.

— Это метро! — говорит он Серафиме Васильевне, подчёркнуто обращается к ней, а не к Сашеньке. — Посмотрите, как сделано! Всё москвичи построили!

Киоск «Союзпечати» вызывает у Серафимы Васильевны необычайный интерес. Она критическим взором оглядывает витрину, строго спрашивает продавца;

— А почему у вас детская литература лежит вместе с газетами?.. Ты ещё здесь, мальчик? — удивляется Серафима Васильевна, взглянув на Алёшу.

— Ну да, я вас жду, посажу вас в вагон, — отвечает Алёша.

— Мы пойдём медленно, будем всё осматривать, а ты иди. — Серафима Васильевна громко чихает. — Вот правда, иди, мальчик, куда тебе надо!

— Будьте здоровы! — вежливо говорит Алёша Серафиме Васильевне.

— Спасибо, — благодарит бабушка Сима. — Ты иди, а то устанешь мне желать здоровья. Как налетит на меня, так не меньше десяти раз.

— Это у вас носоглотка. Надо шалфеем, шалфеем мягчит, — наставительно говорит Алёша. — Хотите, зайдите к нам. У моей мамы есть. Мы тут близко живём.

— Спасибо, нам некогда. У нас через три часа поезд. Видишь, Сашенька, какие гостеприимные дети в Москве.

Алёша смутился:

— Нам просто велят старушкам помогать.

— Я уж не такая старушка, — улыбается Серафима Васильевна. — Я человек немолодой, но вполне бодрый.

— Вы — бодрый? Что вы! Вы самая настоящая старушка.

Серафима Васильевна говорит уже недовольно:

— Пожалуйста, иди, мальчик!

Серафима Васильевна и Сашенька подходят к эскалатору.

— Я даже не знаю, как вы с эскалатора сойдёте, моя бабушка там чуть ногу не сломала. Вас нельзя пускать одну, — говорит Алёша. И покровительственно берёт Серафиму Васильевну под руку.

— Нет, ты меня, пожалуйста, не держи! — сердится Серафима Васильевна, желая отделаться от непрошеного покровителя. — Если хочешь, дай руку Сашеньке.

Алёша и приезжие выходят на платформу.

— Ну, вот я вас довёл! — говорит Алёша, собираясь уходить.

— Ой, сколько народу! — восклицает Сашенька. — Как же мы одни? Мы ведь нездешние!

— Ну чего ты боишься? — говорит Алёша.

Ему хочется идти на каток: ведь там его ждёт мастер спорта Ковалёва. Но, взглянув на растерявшуюся Сашеньку, он колеблется, не знает, как ему поступить. Вынимает из кармана листочек со своим расписанием.

— Пять часов — каток или прогулка. Ладно! Менять я имею право. Вместо катка будет прогулка. Поехали! — решительно говорит он обрадованной Сашеньке.

Из тоннеля появляется сверкающий огнями поезд, останавливается, распахиваются двери вагонов.

— Садитесь, садитесь! — командует Серафима Васильевна.

— Пойдите! — вдруг, помрачнев, говорит Алёша.

Двери вагона захлопываются, поезд уходит.

— Вот что: я всё-таки пойду на каток... Меня там ждут, — меняет Алёша своё решение: как видно, не так-то легко отказаться от встречи с мастером спорта.

— Мальчик, какой у тебя странный характер! — рассердилась Серафима Васильевна. — Что ты нас задерживаешь?

Сашенька говорит укоризненно:

— Уходишь, москвич?

— Нет, — колеблется Алёша, — раз решил — надо до конца. — Просит Серафиму Васильевну: — Только подождите меня ровно пять минут, я позвоню из автомата Никите, пусть он предупредит Ковалёву, что я немного опоздаю.

— Нет, ждать тебя мы не можем! — говорит Серафима Васильевна. — У нас и так мало времени.

— Как хотите, — обиделся Алёша. — Но вы без меня дольше проездите! Тут везде переходы, даже москвичи запутываются.

— Бабушка, подождём его! — умоляет Саша. — Ну, бабушка!..

— Хорошо! Пять минут подождём, — уступает Серафима Васильевна огорчённой девочке. — Но ни секунды больше!

На блестящем льду катка фигуристка Ковалёва, фотография которой висит у Алёши в комнате, делает сложные пируэты.

— Ко мне тут не приходил мальчик? — спрашивает она у ребят.

— Нет, Екатерина Захаровна, — отвечает какая-то маленькая девочка, тоже вертясь на одной ножке.

Фигуристка подлетает к другой группе ребят, спрашивает мальчиков, среди которых стоит Никита.

— Тут Алёши Птицына нет среди вас? Куда же он провалился?

Никита удивлён:

— Птицына нет... Я сам его жду...

Бабушка Сима смотрит на свои часики, нервничает:

— Мы только время теряем из-за этого мальчика!.. Едем, Саша!

— Одни мы заблудимся, — хнычет Саша.

— Не выдумывай, Сашенька! Я прекрасно ориентируюсь...

Саша придумывает способ, как её удержать:

— Бабушка, а там, над лестницей, ещё киоск, видишь?

— Не хитри, пожалуйста! — сердится бабушка, по всё же, не выдержав, направляется к киоску. — Стой тут! Ни шагу с этого места, — велит она Саше, а сама поднимается по лестнице.

— «Дошкольное воспитание» есть? А «Автогенное дело»? — спрашивает она продавца.

Народу много, и, несмотря на своё умение ориентироваться, бабушка Сима спускается вниз не по той лестнице.

Мигают большие светящиеся часы, отсчитывая минуты.

Саша стоит одна на платформе, оглядывается по сторонам, ждёт бабушку.

Ещё одна минута прошла, ещё один поезд пронесётся в тоннель... А бабушка Сима всё не идёт.

— Бабушка... Где она? — волнуется Саша. Смешавшись с толпой, она выходит к эскалатору.

— Ты чья, девочка? — обратила на неё внимание какая-то женщина.

И вот уже Сашу окружили, расспрашивают:

— Ты кого потеряла?

— Да ты подожди расстраиваться...

— Чей это ребёнок, товарищи?

— Мой ребёнок! — подбегая, говорит Алёша.

Сашенька обрадованно бросается к нему навстречу:

— Алёша!

Он берёт её за руку.

— Чего ты? Не бойся! Я тут. Не дозвонился, Никита уже ушёл на каток.

— Бабушка потерялась... Пошла свою «Союзпечать» проверять, и вот... — рассказывает Саша.

Алёша говорит как взрослый:

— Не надо было её отпускать одну...

...Взволнованная бабушка Сима спускается по эскалатору, шепчет:

— Саша... Где она? — Оправдывается перед собой: — Действительно, этот мальчик прав: столько переходов!

В квартире Птицыных, в передней, Галя кричит в телефонную трубку:

— Что ты говоришь? Ты уверен, Никита? Не может этого быть!.. К Ковалёвой не пришёл? — Галя кладёт трубку, говорит с негодованием: — Ужас какой! Пошёл на каток и туда не пришёл! А я за него папе ручалась! Нет, я теперь другие меры приму. Я его просто убью!..

...Бабушка Оля всё ещё на своём посту, на платформе, встречает поезда.

Она вполне освоилась на вокзале.

— Пройдите в комнату матери и ребёнка, — советует она молодой женщине с двумя малышами.

— При вокзале имеется парикмахерская, — говорит она какому-то небритому человеку.

Проходящие мимо пассажиры начинают обращаться к ней за справками:

— Скажите, пожалуйста, где выход в город?

— На пятую платформу как пройти?

— Где билет закомпостировать?

— Когда поезд из Ростова?

— Выход — прямо! Пятая платформа — налево. Из Ростова много поездов, надо знать точно. Идите спокойно, не бегите! — громко, как по радио, объявляет бабушка Оля.

Алёша и приезжие идут по тротуару.

— Ты что-то приуныл! — взглянула на Алёшу бабушка Сима.

— Ну что вы! У меня всё в порядке! — бодро отвечает Алёша, хотя на душе у него скребут кошки.

«Подумать только, к Ковалёвой не попал! — сердится он на себя. — Хоть бы домой успеть вовремя, ведь я именно сегодня хотел доказать папе!.. Ну вот что: доведу их до высотного дома — и всё!» — окончательно решает Алёша. Но в эту минуту Серафима Васильевна просит его:

— Действительно, ты нас лучше проводи, будь, так сказать, нашим шефом.

— Будь нашим шефом! — просительно повторяет Сашенька.

— Ладно! — соглашается Алёша и вздыхает про себя: «Не бросать же мне их посреди Москвы».

— Только туда не ходи, — шепчет ему Сашенька. — Там киоск.

Алёша понимающе кивает головой и сразу же начинает объяснять:

— Смотрите, вот перед вами высотный дом!

— Ух, домина! — кричит Сашенька.

— Смотри, вот это иголочка! — показывает Алёша на шпиль.

Сашенька повторяет с уважением:

— Вот это иголочка!

К высотному дому подходит экскурсия, группа восьмиклассников, её ведёт Тихон Иванович. Увидев Алёшу, он останавливается, слушает.

— Наш ученик...

— Вот бы на башню залезть, во-он туда! — показывает Саша.

— Ещё бы! — мечтательно говорит Алёша, фантазирует: — Оттуда весь мир видно... Если присмотреться, оттуда все страны видно. Только на башню не разрешают!

— А если разрешат? — Тихон Иванович берёт Алёшу за руку. — Идём, мы тебя возьмём с собой. Будешь восьмиклассником! — шутит он.

— Правда? Вы меня возьмёте? На башню? Их вы тоже возьмёте? — показывает Алёша на Серафиму Васильевну и Сашу. — Они со мной...

У Сашеньки загорелись глаза. Она даже умоляюще сложила руки.

— Ты наш ученик, одного мальчика я могу провести, а это чужие люди.

На лице у Алёши смятение: радость и надежда сменяются горьким разочарованием.

— Но я же обещал их проводить. Раз решил — надо до конца. Вы сами сказали. Тогда до свидания, Тихон Иванович, мы пойдём! — говорит он, стараясь скрыть своё огорчение.

— Вот оно что! Ну, раз обещал, тогда надо идти! — сердечно говорит Тихон Иванович.

У Сашеньки глаза полны слёз; она подняла голову, смотрит на башню, и вот слёзы уже текут по её лицу.

— Тихон Иванович! — просит Алёша. — А её вместо меня вы можете провести? Пусть она увидит, какая красивая Москва, а то ведь она ничего не успеет посмотреть. Она ведь сегодня уезжает к маме в Горький...

— Вместо тебя взять эту девочку? — спрашивает Тихон Иванович и внимательно смотрит на Алёшу, тронутый его великодушием.

Алёша подбегает к Серафиме Васильевне:

— Вы пустите Сашу на башню? Она оттуда весь город увидит, всю столицу Советского Союза! — горячо доказывает Алёша.

— Сашу туда?.. — растерялась Серафима Васильевна.

— С моим учителем. Я ручаюсь, что будет всё хорошо, — убеждает Алёша.

— Постой, а как же ты? — не понимает Серафима Васильевна.

— А я здесь подожду!

— Ты славный мальчик, Алёша, ты представитель нового общества! — расчувствовавшись, произносит она речь.

К ней подбегает один из восьмиклассников:

— Пойдёмте. Тихон Иванович хочет попросить, чтобы вас пропустили.

Бабушка Оля всё ещё продолжает разгуливать по платформе, встречая поезд на вокзале. Кроме коробки конфет, в руках у неё игрушечная сабля.

— Я думаю, что её внуку понравится! — говорит она.

Вынимает саблю из ножен, рассматривает её, протирает. С саблей в руках, в ожидании шагает по платформе.

Теперь Серафима Васильевна с детьми и Тихон Иванович с восьмиклассниками стоят на самой башне дома, с верхней площадки смотрят на столицу. Перед ними открывается величественный город — кремлёвские башни, широкие мосты над застывшей Москвой-рекой, тысячи домов, тысячи крыш...

— Восемь веков назад здесь была только небольшая крепость на высоком берегу реки, — говорит Тихон Иванович, показывая рукой вдаль.

— Основанная Юрием Долгоруким, — подсказывают восьмиклассники.

— Смотрите, вон Университет на Ленинских горах... Тихон Иванович, когда я буду студентом, моя комната вон где будет, на двадцатом этаже, — говорит Алёша.

— Где, где? — заинтересованно спрашивает Саша. — А моя рядом будет! Алёша, сколько машин! — кричит Сашенька, глядя вниз.

— Это всё папины, их завод выпускает! — рассказывает Алёша.

На секунду все замолчали, любуясь Москвой. Сашенька долго щурится, глядя вдаль, потом сообщает Алёше таинственно:

— Я присмотрелась... Все страны вижу!

— Тихон Иванович, вы не думайте... — вдруг вспоминает Алёша. — Я каток поменял на прогулку. Я все уроки вовремя... Я могу хоть сейчас: «Вдоль по улице метелица метёт...»

Тихон Иванович улыбается:

— Я тебя не вызывал.

— А где Красная площадь? — спрашивает Серафима Васильевна.

— Вот она... Вот Кремль... Видите? — показывают все.

— Бабушка! Мы туда пойдём?!

Красная площадь. Мы видим вдалеке Алёшу Серафиму Васильевну и Сашеньку. Алёша, о чём-то горячо рассказывая, вдруг начинает шагать, как в строю. Очевидно, он говорит Сашеньке о параде, который он видел на этой площади.

Алёша подводит приезжих к Спасской башне:

— Сейчас будут бить куранты.

Серафима Васильевна и Сашенька остановились, молча ждут.

Слышится всем знакомый мерный, мелодичный звон кремлёвских курантов.

Сашенька начинает читать громко, торжественно:

И везде, на всей земле,

Слышен бой часов в Кремле...

...Шумно дыша, поезд подходит к платформе.

Бабушка Оля снова торопливо идёт вдоль вагонов, вернее, не идёт, а бежит, заглядывая в окна и размахивая коробкой и саблей. Снова пытливо смотрит всем в лица в надежде встретить Серафиму Васильевну.

Дежурная в железнодорожной форме глядит на неё с сочувствием:

— Опять не встретили?

— Нет, — горько вздыхает бабушка Оля. — Через час ещё курьерский из Еревана... Может быть, она курьерским...

Мимо проходит носильщик, нагруженный чемоданами, спрашивает шутливо:

— Ну как, всё встречаете? Вы, никак, к нам на работу зачислились?!

— И не говорите! — вздыхает бабушка.

Продавщица пирожков тоже уже знает её:

— Ваши-то ещё не приехали?

— Да нет, всё жду... Понимаете — старый друг... А это что за состав стоит? — кивает она на соседнюю платформу.

— В Горький. Отправление в 19 часов 5 минут, — объясняет дежурная.

— В Горький? Это меня не интересует! — говорит бабушка и отворачивается.

А на соседней платформе Серафима Васильевна прощается с Алёшей.

— Ну, до свидания, Алёша, мы с Сашенькой будем часто тебя вспоминать.

— Каждый день? — спрашивает Сашенька.

— Каждый день, — соглашается Серафима Васильевна. — Ты настоящий москвич. Хотя и в Москве ещё есть люди, которые не хотят видеть старых друзей, — вслух высказывает Серафима Васильевна свою обиду. Она протягивает Алёше открытку: — Вот опусти, пожалуйста, в ящик... Ты не жди отхода поезда, а то ещё опоздаешь домой, нарушишь своё расписание. Саша, попрощайся с Алёшей, вы же теперь друзья.

— Пусть опоздаю! — говорит Алёша. — Я вас посажу, доведу это дело до конца... До свидания, Саша, будь здорова, расти большая.

Сашенька, как взрослая, протягивает Алёше руку, говорит с благодарностью, словно желая загладить свои прежние слова:

— Москвичи — хорошие!..

Мимо проходит продавщица мороженого:

— Сливочное, пломбир, эскимо...

— Два эскимо! — останавливает её Алёша. Протягивает мороженое сначала Серафиме Васильевне, потом Сашеньке. — Возьмите от меня, на память.

А бабушка Оля на соседней платформе покупает горячие пирожки — она замёрзла.

Продавщица тоже сочувствует:

— Не встретили? Ну, съешьте ещё горяченький.

Вдруг на соседней платформе бабушка Оля увидела Серафиму Васильевну. Не веря себе, она протирает глаза, говорит с изумлением:

— Нет, конечно, это она! Определённо она! Сима, Сима, я тут! — кричит бабушка Оля и бросается бежать к соседней платформе. Чтобы попасть туда, надо сделать большой круг, но бабушка летит как на крыльях.

Серафима Васильевна тоже увидела её и бежит навстречу:

— Оля!

Они стоят, разделённые рельсами, и не знают, как встретиться.

— Сюда иди! Там переход! — кричит Серафима Васильевна.

— Тут ближе! Сюда! — суетится бабушка Оля.

Подруги снова бросаются бежать вокруг платформы в надежде встретиться. Вот сейчас они

добегут друг до друга, но приближается минута отхода поезда, и Серафима Васильевна вынуждена повернуть обратно. Она еле успевает вскочить на подножку своего вагона.

Поезд трогается.

— Сима! Я тут... Остановись! — кричит бабушка Оля и машет коробкой и саблей.

— Саблю возьми для мальчика! Саблю!.. Покажи мне твоего мальчика!

Вагоны проплывают мимо. Бабушка машет коробкой, посылает воздушные поцелуи.

Серафима Васильевна с досадой качает головой, укоризненно разводит руками.

Поезд уносится вдаль. Бабушка Оля кричит вслед:

— Я тебе всё объясню в письменной форме! — грустно машет вслед поезду игрушечной саблей. Говорит сама себе: — Хороша! Встретила подругу детства!

Неожиданно бабушка видит Алёшу. Он тоже стоит грустный, смотрит вслед поезду, который увёз Сашеньку.

— Алёша?! Что ты тут делаешь? Почему ты на вокзале? — испугалась бабушка.

Алёша спохватился, взглянул на вокзальные часы, бросается к выходу.

Бабушка спешит за ним:

— Пстой! Куда ты?

— Домой! Опаздываю! Потом всё расскажу! — на ходу кричит Алёша.

Что есть силы он мчится по платформе.

...По улице идут Генка и его мама. Она в меховой шубке и шапочке, в руках у неё Генкин рюкзак. Она говорит возбуждённо:

— Такой стыд! Я не знала, куда глаза девать. Я заказнице в мастерской костюм примеряю, полон рот булавок, вдруг звонят из милиции. Я чуть булавку не проглотила!

Алёша быстро идёт по улице, торопится изо всех сил. Часы в окне часового магазина показывают 7.25.

— Пять минут осталось. Не выполню! — охает он, бросается бежать.

Его догоняет такси, в котором едет бабушка Оля, Она кричит, высываясь из машины:

— В последний раз тебя спрашиваю: что ты там делал? Не думай, я папе скажу, где ты разгуливаешь!

Алёша бежит всё быстрее. Ему жарко, он снял ушанку, на ходу обмахивается ею.

— Такой разгорячённый! Садись, я тебя подвезу! — кричит бабушка.

— Нет, я пешком... Скорее вас!.. Там левого поворота нет!

Алёша обгоняет Генку и его маму. Слышит, как она ругает Генку:

— На Каховку зайцем в поезде! Ты меня до могилы доведёшь, дурень ты этакий!..

Алёша на секунду останавливается, говорит, запыхавшись:

— Ты приходи. Я тебе технику управления... Не могу... Расписание.

Алёша снова бросается вперёд.

...Родители Алёши обеспокоены. Наталья Фёдоровна встревоженно ходит по комнате.

— Не понимаю... Если он не на катке, куда же он девался?!

— Уверю тебя, он где-нибудь сидит у телевизора, — успокаивает её Андрей Андреевич.

— Я же вижу, что ты сам нервничаешь, — пытливо смотрит на него Наталья Фёдоровна.

Галя стоит у окна.

— Ой, машина подъехала!

Все бросаются к окну.

— Бабушка... одна... без Алексея, — пугается Галя.

Часы бьют половину восьмого, но Алёши всё нет и нет.

Наконец-то раздаётся звонок. Вбегает Алёша, радостный, сияющий. Он смотрит на всех с торжеством.

— Почти тютелька в тютельку! — задыхаясь, говорит он, взглянув на часы.

Алёша удивлён, что никто не разделяет его восторга.

Родители молча садятся за стол на свои места. Вид у них официальный, строгий.

Галя возмущённо от него отворачивается.

Входит бабушка, запыхавшаяся, взволнованная.

— Теперь говори: что ты там делал? — требует она, на ходу снимая шубу.

— Почему ты не был на катке? — сурово спрашивает отец.

— Я каток поменял на прогулку, — растерянно говорит Алёша.

— А вокзал на что ты променял? — негодует бабушка.

— Какой вокзал? — хором спрашивают все.

— Я же пришёл почти вовремя! — оправдывается Алёша, чувствуя, что над ним сгустились тучи.

— Понятно! Ты считаешь, что важно только вовремя уйти и прийти? А в промежутках можно делать что угодно? — спрашивает Андрей Андреевич.

— Имей в виду, защищать тебя я не буду! — грозно говорит бабушка.

Алёша вынимает из кармана платок, чтобы вытереть мокрое от волнения лицо.

На пол падает открытка. Алёша поднимает её, хочет снова сунуть в карман.

— Кому это? Дай сюда, — требует отец. Читает вслух: — «Ольге Александровне Птицыной». Мама, это тебе.

— Мне? Не может быть! Хотя сегодня всё может быть! — машет рукой бабушка.

Она надевает очки, читает вслух:

— «Оля, ну что ж, спасибо за внимание». Кто-то меня благодарит! — радуется бабушка. — Это, калюется, действительно мне! — Читает дальше: — «Боюсь, что с годами ты стала другой». Нет, это не мне! — Читает дальше: — «Так-то ты встречаешь старых друзей!» Мне! От Симы! — с отчаянием ахает бабушка. Читает: — «Как работник связи, я не могу себе представить, что ты не получила моего письма». Получила, получила! — сокрушается бабушка. Читает: — «Из-за тебя моя внучка составила себе неправильное представление о москвичах... К счастью, нам встретился мальчик Алёша...» Пойдите! Какой Алёша? — не понимает бабушка, передаёт открытку Андрею Андреевичу.

Алёша тоже поражён:

— Это и есть твоя подруга? Какой же он внук, когда он внучка?! Он — Сашенька.

Прочитав открытку, Андрей Андреевич сразу подобрел:

— Я вижу, тут речь шла о чести москвичей! Тогда другое дело. Я бы на твоём месте поступил так же. Только надо было позвонить домой, чтобы мама зря не волновалась.

Бабушка счастлива, горда внуком.

— Он исправил мою ошибку! И когда нужно, проявил самостоятельность!.. Значит, я его не так плохо воспитывала? Верно?

— Верно! — подтверждает Алёша. — Только «на бабушку надейся, а сам не плошай!».

— Видите, я зря боялась, что он в меня, он вылитый отец, у него железный характер, — шутит бабушка и торжественно вручает Алёше саблю.

Сашенька в поезде лежит на верхней полке с открытыми глазами. В руке у неё зажата палочка от эскимо. Она задумчиво сосёт её.

— Спи, — говорит Серафима Васильевна. — Дай я брошу палочку, нельзя же её два часа сосать.

— Что ты! — Саша прижала палочку к себе. — Это же на память.

— На память? Ну, тогда понятно! Спи, Сашенька. Я уверена, что Алёша давно спит. Он ведь всё делает по расписанию.

Сашенька сейчас же закрывает глаза.

Расписание на стене: «9 часов — сон».

Алёша в трусиках с размаху впрыгивает в постель. Сейчас же вскакивает, против слова «сон» пишет карандашом «выполнено» и снова ложится в кровать. 1954

2. ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК

Перед нами — тигр! Огромный! Почти во весь экран! Страшный! Да к тому же ещё необычный: чёрный! Мгновение — и тигр тут же, на наших глазах, превращается в чёрного котёнка. Вот он идёт по экрану — пушистый крохотный котёнок.

Он мотнул головой, словно кивнул зрителям, приветствуя их. Его лапы оставляют следы — буквы, мы читаем: ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК

Большая раскрашенная афиша сообщает о том, что сегодня состоится футбольная встреча: «Молния» — «Птицеферма». Под словом «Молния» приписано детской рукой: «Вратарь Бычков, ура!» — и нарисована нога, лихо отбрасывающая мяч.

Вот и сам Бычков: крепкий, мускулистый, сразу видно — спортсмен. Красуясь, горделиво поглядывая вокруг, он идёт по тротуару.

Мягко и грациозно ступая, скромно идёт вдоль тротуара чёрный котёнок.

Бычкова догоняют местные мальчишки. На их лицах — восторженное выражение. Следуя на почтительном расстоянии, они стараются приноровиться к шагу Бычкова, переговариваются:

— Ого, вратарь «Молнии»!

— Надёжный игрок!

Бычков снисходительно на них поглядывает.

Вдруг — непредвиденное обстоятельство: прямо перед ним появился чёрный котёнок. Бычков шархнул в сторону, как от тигра, и замер на месте.

Остановились и мальчишки, не понимая, в чём дело. Шепчутся: что это он?

А чёрный котёнок сидит умывается посреди дороги.

Подходят ещё два футболиста, удивлённо взглянули на Бычкова:

— Андрей? Ты что тут стоишь?

Бычков нагнулся, делая вид, что поправляет бутсу:

— Шнурок развязался. — А сам следит глазами за котёнком.

— Э, нет! — догадались футболисты. — Признавайся, чёрной кошки испугался? Вот ещё ерунда какая!

Бычков охотно соглашается:

— Понятно, ерунда.

— А что ж ты стоишь?

— На всякий случай: мы же сегодня вечером играем... Зачем рисковать? Помните, я футболку наизнанку надел? Нам сразу гол забили!

Футболисты, хохоча, проходят мимо.

Бычков собрался было идти вслед за ними, но в эту минуту чёрный котёнок кончил умываться и двинулся ему навстречу. Бычков опять останавливается в нерешительности. Тут какой-то малыш в полотняной панамке поднимает котёнка на руки, говорит предупредительно:

— Проходите, не бойтесь, товарищ дядя Бычков!

С благодарностью кивнув, Бычков проходит, оправдываясь:

— Да нет, это у меня бутса!

Осчастливленный мальчуган застыл на месте, но какой-то хмурый подросток наткнулся на него, рассердился;

— Долго ты будешь тут торчать со своим котёнком!

Взглянул на котёнка и вдруг с силой отбросил его в сторону.

Нет, к счастью, котёнок не расшибся. Он попал прямо на руки Бори — краснощёкого паренька, идущего мимо. Рядом идёт его лучший друг Алик, худенький, в больших очках. Мальчикам лет по восьми. Боря в недоумении остановился, разглядывает котёнка, столь неожиданно оказавшегося в его руках. Погладив котёнка, Боря опускает его на землю:

— В другой раз осторожней летай!

— Космонавт, — смеётся Алик.

Оставив котёнка одного, приятели направляются к стадиону.

Хотя ещё утро, но у кассы уже висит табличка: «Все билеты проданы».

— Всё-таки пройдем! — с надеждой говорит Боря.

Алик сомневается:

— Ты думаешь?

— Прощёмся как-нибудь! — неожиданно вместо Бориса отвечает пожилой добродушный толстяк. Подмигнув ребятам, уходит.

Пока мальчики стояли возле кассы, чёрный котёнок догнал их.

Они недоумевающе переглядываются:

— Он опять тут!

Засунув руки в карманы, идут мальчики. За их спинами раздаётся мяуканье.

Мальчики остановились.

Котёнок тоже остановился.

— Чудак! Ты что за нами увязался? — удивляется Алик. — Мы тебе понравились?

— А ну, к кому из нас он пойдёт? — заинтересовался Боря.

Оба мальчика присели на корточки.

— Кис, кис... — зовут они.

Котёнок смотрит то на одного, то на другого, словно обдумывает, взвешивает, кого выбрать. И выбирает Борю. Прыгнул к нему на колени.

— Придётся мне тебя взять, — говорит Боря. Подбадривает сам себя: — А что особенного? Маму я уговорю.

...В передней на старом, полинявшем коврик сидит чёрный котёнок. Дверь в столовую открыта, котёнок слышит звон посуды, облизывается.

Из столовой доносятся голоса.

— Так и не достал билетов на стадион? — спрашивает Борю его папа, Борис Иванович.

— Необязательно на стадион, можно в телевизоре посмотреть, — говорит мама, Анна Петровна.

— В телевизоре, — горько усмехается Боря.

Борис Иванович поддерживает сына:

— Конечно, телевизор не для настоящих болельщиков.

— А я? Я же всегда дома смотрю, раз уж телевизор купили, — говорит мама.

И так как главное начальство здесь она, разговор прекращается.

Вся семья обедает.

А котёнок уже под столом, трётся о Борин башмак.

Напрасно Боря старается незаметно удержать его ногами.

Прыг! Котёнок уже на коленях у Бориса Ивановича.

Тот добродушно улыбается:

— Здравсте! Ты откуда взялся? Чей это котёнок?

— Наш! — говорит Боря и выжидательно смотрит на маму.

— Разрешила я ему, — подтверждает Анна Петровна. — Притащил домой это сокровище... Другая мама разве взяла бы кошку в дом? А у меня характер мягкий, вы из меня верёвки вьёте.

Тут котёнок, осмелев, неожиданно прыгает на стол.

— Брысь отсюда! — грозно говорит мама. — Я же предупреждала, чтобы он в передней сидел! Брысь!

У котёнка от страха шерсть поднялась дыбом, он медленно отступает от мамы и приближается к чашке, которая стоит на краю стола.

Мама кричит ещё громче:

— Кому говорят — брысь!

Боря в ужасе закрывает уши, чтобы не слышать, как мама кричит на котёнка.

Приоткрывая уши и снова закрывая их ладонями, Боря слышит отдельные мамины выкрики:

— Чашка!.. Кошка!.. Кошка!.. Чашка!..

Борис Иванович пытается снять со стола котёнка. Тот не даёт, испуганно отпрыгивает назад. Звон... На полу черепки чашки.

— Он же нечаянно, нечаянно!.. — взмолился Боря.

— Он нечаянно, — поддерживает сына Борис Иванович.

— Если он каждый день будет по чашке бить, никакой посуды не хватит! — негодует мама.

— Мамочка!..

— Аннушка!

Пытаются упрашивать Боря и папа.

Нет, мама неумолима.

— Пошёл прочь! — восклицает она и неловко ударяет рукой по подносу с чайной посудой. Поднос подскакивает, и теперь вся посуда летит на пол, со звоном разбивается.

Понуро идут Борис Иванович и Боря. Следом за ними плетётся котёнок.

Они подходят к автомашине во дворе. Это такси. Борис Иванович открывает ключом дверь, достаёт с сиденья форменную фуражку, надевает её.

Боря берёт котёнка на руки, говорит с упрёком:

— Куда же его теперь? На улицу?

Борис Иванович привычно садится за руль.

— Лучше бы я его Алику, — продолжает расстраиваться Боря. — Я всё-таки думал, что мама...

Борис Иванович включает зажигание, поворачивается к сыну:

— Запомни, сынок, раз навсегда: мужчины должны иметь ангельское терпение... Возьмёт мама его, к вечеру остынет и возьмёт... Пока повожу его в машине... Давай-ка его сюда... А может, отдам кому-нибудь из пассажиров в хорошие руки...

Борис Иванович едет по городу. В окне мелькают плакаты, настойчиво кричащие: «Футбол! Футбол! Футбол!»

В такси, у заднего стекла, уютно устроился котёнок.

Такси подкатывает к стоянке, где дожидается пассажирка с пакетами. С ней нарядная девочка лет пяти.

— Нам в Загорск! Мы опаздываем на семейное торжество; у меня племянник родился, — влезая в такси, рассказывает словоохотливая пассажирка.

— Новый рожденный! — поясняет девочка. — Его ещё никак не зовут, просто мальчик. А меня Оля зовут, а тётю Олю тоже Олей зовут. Правда, тётя Оля?

— Правда, — улыбается тётя Оля, раскладывая свои многочисленные покупки.

Вдруг один из пакетов зашевелился, из-под него высунулась мордочка котёнка. Пассажирка глазам своим не верит:

— Что это у вас? Чёрная кошка?

— Котёнок... Возражаете? — спрашивает Борис Иванович.

— Конечно, возражаю... У меня племянник родился, а вы мне чёрную кошку в такси.

— Я его сейчас в багажник... Извините, не думал, что ко мне суеверные пассажиры сядут.

— Чем же я суеверная? Ничуть я не суеверная, но чёрная кошка — проверенная вещь. Против него лично я ничего не имею, — кивает тётя Оля на котёнка. Требуется неожиданно: — Остановитесь на углу у магазина, погремушку купить.

— Погремушку мы уже купили! — волнуется девочка.

Но тётя Оля протягивает шофёру деньги:

— Мы дальше не поедем.

— Почему? Почему? — чуть не плачет девочка.

Тётя Оля решительно вытягивает её из такси.

Борис Иванович едет в своей пустой машине. Качает головой.

— В багажник тебя запрятать, что ли?

Котёнок жалобно мяучит, словно протестуя. На углу какой-то усатый мужчина с огромным тяжёлым портфелем останавливает рукой машину.

— Сиди смирно, а то в багажник! — говорит Борис Иванович котёнку.

Такси останавливается. Усатый мужчина открывает дверцу, плюхается на заднее сиденье.

— Ух, жарко... На стадион...

— Если не ошибаюсь, я вас однажды возил? Вы администратор стадиона? — заинтересованно спрашивает Борис Иванович.

Усач удобнее устраивается на заднем сиденье.

— А что, билетик нужен? Так и быть, могу помочь...

— Тогда уж два билета... Мальчишка у меня, — объясняет Борис Иванович.

Но тут котёнок не вовремя поднимается, потягивается и мягко трогает лапой плечо пассажира.

В следующее мгновение дверь такси распаивается, из неё пулей вылетает усатый администратор со своим портфелем и торопливо плюёт три раза через левое плечо:

— Тьфу, тьфу, тьфу!..

Котёнок в машине трясёт головой, и кажется, что он тоже отплёвывается.

Борис Иванович озабоченно взглянул на котёнка:

— А ты впрямь несчастье приносишь: разогнал всех моих пассажиров.

Огорчённая мордочка котёнка...

Борис Иванович решает:

— Придётся Алику тебя, что ли...

И вот чёрный котёнок в доме у Алика. С розовым бантом на шее он сидит сытый, гладкий, блаженно мурлычет. Бабушка Алика, седая, стриженная под мальчика, в круглых очках, чешет у него за ушком;

— Посмотрите, какие мы хорошенькие, как нам идёт бантик...

— Ты молодец, бабушка, не как другие, — одобряет Алик.

Бабушка веско объясняет ему:

— Есть ещё на свете люди с предрассудками... Но теперь котёнок попал в культурную семью. Твоя бабушка культурный человек... Твой дедушка был физиком, профессором, твой папа — доктор наук, твой старший брат поступает в высшую школу.

Во время бабушкиной речи Алик покатил по полу шарик от пинг-понга.

— Мяч в игре! — кричит он.

Котёнок весело кидается за шариком.

Бабушка:

— Посмотрите, какие мы изящные!

Алик:

— Бросок! Пас!.. Отбил! Отбил! Хвостом отбил. Молодой перспективный игрок!

Котёнок носится за шариком, толкает его лапой, Алик громко хохочет.

Вдруг из соседней комнаты раздаётся раздражённый окрик:

— Алик! Бабушка! Что там у вас?

Алик испуганно замер на месте, а бабушка зашептала:

— Тише! Мы мешаем Шурику заниматься.

Небольшая комната вся завалена книгами и свёрнутыми в трубку чертежами. Они на столах, стульях, на диване.

Долговязый юноша, в одних трусиках, с мокрым полотенцем на лбу, изнемогая от жары и усталости, сидит, что-то зубрит.

...А бабушка и Алик растерянно смотрят друг на друга.

— Где же он? Только что здесь был! — шепчет бабушка.

— Кис-кис... — шепчет Алик.

В ответ откуда-то сверху слышится мяуканье.

Бабушка и Алик задирают головы и видят, что котёнок висит на оконной занавеске.

Бабушка. Ничего, ничего... Осторожно, не упади!

Алик. Куда ты забрался?

Неожиданный порыв ветра надувает занавеску и выносит её вместе с котёнком на середину комнаты.

Алик. Прыгай! Прыгай смелей!

Бабушка. Не бойся, голубчик...

Испуганный котёнок прыгает и попадает на открытое пианино, бежит по клавишам.

— Тише! Что там такое? Я с ума сойду! — раздаётся страдальческий вопль Шурика из соседней комнаты.

Мрачно обхватив голову руками, сидит Шурик.

В комнату заглядывает бабушка:

— Извини, голубчик, сейчас будет тихо, мы уходим гулять.

Она тихонько прикрывает за собой дверь. Но в комнату уже успел незаметно проскользнуть котёнок. Озирается, осматривается.

Шурик снова принялся заниматься, старательно зубрит, уткнувшись в книгу.

Вдруг увидел: один из его чертежей, свёрнутый трубкой, начинает шевелиться.

Шурик в изумлении отодвигается.

Свёрнутый чертёж катится по дивану, из него вылезает чёрный котёнок. На лице Шурика полная растерянность.

— Всё! Чёрная кошка — двойка обеспечена! — говорит он убитым голосом и как

подкошенный валится на диван. Сейчас же вскакивает, вопит: — Алик! Где Алик?! Это он приволок сюда этого типа! Чёрный кот перед экзаменом!

В комнату вбегают бабушка, говорит со сдержанным негодованием:

— Шурик! Ты вырос в культурной семье! Твой дедушка был профессором, твой отец доктор наук, ты поступаешь в высшую школу...

— Не поступлю я, не поступлю по вашей милости! — пронзительно вопит Шурик...

Бабушка, сконфуженная, отдаёт котёнка Алику:

— Понимаешь, придётся пойти навстречу твоему старшему брату... Всё это глупости, конечно... Но если человек нервничает перед экзаменом... Отнесём котёнка Боре.

— Бабушка! Ты же сказала, что он попал в культурную семью! — негодует Алик.

— В культурную. Но в очень нервную, — сокрушённо вздыхает бабушка.

Грустно стоят на улице Алик и Боря... Возле них играет котёнок.

Присев на корточки и поглаживая котёнка, мальчики обсуждают создавшееся положение.

Алик. Куда же его девать?

Боря. У нас нельзя, у нас чашки.

Алик. А у нас все культурные, но очень нервные.

Мальчики задумались.

А котёнок заинтересовался жуком и пошёл за ним.

Ребята перемигнулись и трусливо, на цыпочках, боясь, что котёнок услышит, пошли от него в сторону.

Котёнок смотрит им вслед, громко мяучит.

Мальчики ускорили шаги, побежали. Свернули за угол. Теперь они идут медленно, пряча друг от друга глаза.

Женщина моет окно в первом этаже, протирает стекло бумагой. Бумага скрипит по стеклу, а Боре кажется, что это пищит котёнок. Он прислушивается, ёжится...

Едут несколько малышей на детских велосипедах, нажимают на клаксоны.

В ушах у Алика клаксон звучит пронзительным мяуканьем.

Алик. Ты слышишь? Это он!

Ребята резко поворачиваются и бегут обратно.

Одиноко сидит чёрный котёнок.

Со всех ног мчатся к нему мальчики. Присев перед ним на корточки, заискивающе зовут:

— Кис... кис...

Котёнок отворачивается.

— Обиделся, — говорит Алик.

Возьмём его на стадион, а там видно будет! — решает Боря.

Теперь уже две таблички сообщают, что билетов нет, Но у кассы очередь. Несколько человек терпеливо ждут, надеются... На что — непонятно.

Подходит молодой отец с годовалым младенцем на руках:

— Пропустите с ребёнком...

Энергично колотит в закрытое окошко кассы. Окошко не открывается.

— Коленька, милый, помоги папе, — просит отец своего малыша.

Тот начинает оглушительно реветь.

Окошечко кассы мгновенно открывается, кассирша протягивает билет:

— Возьмите... Из брони.

Схватив билет, отец, на ходу прижимая к себе ребёнка:

— Спасибо, Коленька, выручил!

У окошка кассы неожиданно начинает реветь Боря. Притворяясь маленьким, вопит:

— А-а-а...

Алик, поняв его манёвр, подхватывает:

— Пропустите с ребёнком!

Но не тут-то было. Кассирша открывает окошко и сейчас же сердито его захлопывает.

У входа на стадион толпятся безбилетники.

Слышны аплодисменты.

— Конец первого тайма! Пропустите, товарищ главный! — взывает кто-то.

На контроле знакомый нам усатый мужчина.

Подходят Алик и Борька. Вдруг Борька почему-то начал хватать себя руками за шею, за грудь, делать какие-то странные движения, скачки... Рубашка ходит на нём ходуном.

— Что с тобой? Что с тобой? — испугался Алик.

— Что? Что? Он царапается — вот что! — сердится Боря, вытаскивая из-за пазухи котёнка.

Безбилетники смеются:

— Твоя кошка тоже на стадион желает?!

— Она за кого болеет?

— Кошка? За «Птицеферму», конечно!

— Чёрная кошка — это плохо для игроков!

И тут вмешивается в разговор усатый администратор:

— При чём здесь игроки? Это плохо для того, перед кем она пробежит.

Борька, что-то сообразив, хитро взглянул на Алика. Опускает котёнка на землю, прямо под ноги администратору. Тот невольно отступил в сторону...

В одно мгновение безбилетники, в том числе и Борька с Аликом, бросились на стадион...

— Прошились всё-таки! — радуется Борька, подхватывая на руки своего котёнка.

Табло: 0:0.

В воротах «Молнии» с показным спокойствием стоит Бычков.

Мяч — в воздухе.

Нападающие «Птицефермы» приближаются к воротам «Молнии».

Бычков приготовился к защите.

Болельщики «Птицефермы» медленно приподнимаются со своих мест.

Но вратарь отлично берёт мяч.

Болельщики «Птицефермы» опускаются на свои места, с досадой отворачиваются.

Неистовый восторг болельщиков «Молнии».

Ещё удар нападающего.

Бычков снова отбивает мяч.

Молодой отец радостно подскочил, невольно подкинул вверх своего спящего Коленьку.

— Осторожно! — пугаются на трибуне.

— Ничего, он у меня привык! — сообщает молодой отец.

И в самом деле, малыш продолжает спокойно спать, даже не шевельнулся.

Удары мяча сыплются один за другим.

Вратарь «Молнии» виртуозно отбивает их: головой, ногой, рукой, плечом.

Мальчишки, почитатели Бычкова, поднимают самодельный плакат: «„Птицеферму“ на жаркое!»

Анна Петровна смотрит футбольную встречу в телевизоре. Она полна внимания. В комнату входит соседка:

— Можно?

Она усаживается перед экраном.

— Что же вы одна? А Боря ваш где? Вот же он! Вот! Смотрите! — вдруг закричала она.

И мы видим на экране: Боря сидит на трибуне, рядом с ним Алик. У Бори на коленях кепка. Она шевелится, под ней — котёнок.

Оба мальчика, вытянув шеи, следят за игрой.

— Борька! Сидит степенно! — одобряет соседка.

Анна Петровна, довольная, любуется сыном, осторожно протирает его лицо на экране своим носовым платком. Говорит с гордостью:

— Да... Мой Борис умеет вести себя на людях.

И вдруг мы видим: у Бориса на коленях неподвижно лежит кепка. Потрогав её рукой, Боря обнаруживает, что котёнок исчез.

Крупным планом: на экране Боря ползёт на четвереньках по узкому проходу между скамьями. Болельщики сердито подбирают под себя ноги, ворчат.

— Да, он умеет себя вести, — посмеивается соседка.

Возмущённая мама не может произнести ни слова, она так и застыла на стуле...

Мы опять на стадионе. На табло по-прежнему 0:0.

Почитатели вратаря «Молнии» ликующе выкрикивают:

— Бычков! Бычков!

А по лестнице с трибуны вниз несётся перепуганный шумом чёрный котёнок.

Пригнувшись, бежит за ним Борька.

— Куда ты?! Туда нельзя! Нельзя!

Но котёнок уже мчится по краю поля.

Голос диктора. До конца игры осталось полторы минуты. Счёт по-прежнему 0: 0! Внимание! Нападающие «Птицефермы» снова атакуют ворота «Молнии»! — вдруг затараторил диктор.
— Напряжённый момент!.. Удар!

Но ещё раз Бычков отлично принимает мяч.

Болельщики «Молнии» топают ногами от восторга.

Вратарь хочет выбить мяч в игру, но в эту минуту раздаётся громкое, отчаянное «мя-у, мя-у»!

Бычков невольно оглядывается и застывает на месте. За его спиной, на сетке ворот, вцепившись в неё когтями, висит чёрный котёнок.

Опять чёрная кошка!

Бычков даже зажмурился:

— Вот проклятье! Сейчас нам забьют гол!

Так, с закрытыми глазами, он отбивает мяч, но не в игру, а в собственные ворота.

Раздаётся свисток. Матч закончен.

Диктор. Итак, ввиду оплошности вратаря Бычкова...

Свист и хохот болельщиков заглушают голос диктора.

Вверх летят шляпы, портфели.

Болельщики «Птицефермы» на радостях обнимаются, целуются, поздравляют друг друга.

— Котёнок спас «Птицеферму»!

— Где он? Его надо записать в историю футбола!

— Где этот исторический котёнок?

Десятки рук высоко поднимают котёнка.

Его гладят.

Его фотографируют.

Надевают ему на шею венок из ромашек.

— Ура котёнку!

Перед экраном телевизора Борис Иванович смеётся от души.

Анна Петровна кричит, волнуясь:

— Послушай, это мой котёнок! Он же мою чашку разбил! Скажи им, что это наш котёнок, — тормозит она Бориса Ивановича.

Будто услышав её слова, Боря начинает энергично проталкиваться к котёнку, стараясь до него дотянуться.

Котёнок тотчас же сам прыгает к нему на руки.

Со стадиона, в весёлой толпе болельщиков, Алик и Боря торжественно несут чёрного котёнка, увенчанного ромашками.

Площадь пустеет.

Последним со стадиона выходит одинокий мрачный Бычков.

Останавливается у афиши. Под словом «Молния» детской рукой приписано: «0!»

В глазах Бычкова круглый ноль превращается в улыбающуюся мордочку чёрного котёнка. Он насмешливо подмигнул Бычкову, весело кивает зрителям, прощаясь с ними. 1965

ПОЧЕМУ ТЕЛЕФОН ЗАНЯТ

Для тех, кто попрос

В ПУСТОЙ КВАРТИРЕ

Я дверь открыл своим ключом.

Стою в пустой квартире.

Нет, я ничуть не огорчён,

Что я в пустой квартире.

Спасибо этому ключу.

Могу я делать что хочу,

Ведь я один в квартире,

Один в пустой квартире.

Спасибо этому ключу.

Сейчас я радио включу,

Я всех певцов перекричу.

Могу свистеть, стучать дверьми,

Никто не скажет — не шуми!

Никто не скажет — не свисти!

Все на работе до пяти.

Спасибо этому ключу.

Но почему-то я молчу,

И ничего я не хочу

Один в пустой квартире.

1968

ПОЧЕМУ ТЕЛЕФОН ЗАНЯТ

По телефону день-деньской

Нельзя к нам дозвониться!

Живёт народ у нас такой —

Ответственные лица:

Живут у нас три школьника

Да первоклассник Коленька.

Придут домой ученики,

И начинаются звонки —

Звонки без передышки.

А кто звонит? Ученики,

Такие же мальчишки.

— Андрей, что задано, скажи?

Ах, повторяем падежи?

Всё снова, по порядку?

Ну ладно, трубку поддержи.

Я поищу тетрадку.

— Серёжа, вот какой вопрос:

Кто полушария унёс?

Я в парте шарил, шарил,

Нет карты полушарий!

Не замолкают голоса,

Взывает в трубке кто-то:

— А по ботанике леса,

Луга или болото?

Звонят, звонят ученики...

Зачем писать им в дневники,

Какой урок им задан?

Ведь телефон-то рядом!

Звони друг другу н

а дом!

Звонят, звонят ученики...

У них пустые дневники,

У нас звонки, звонки, звонки.

А первоклассник Колечка

Звонит Смирновой Галочке
Сказать, что пишет палочки
И не устал нисколечко.

1968

ЛЕТО НА ВЕСАХ

Есть в нашем лагере весы,
Не просто так, не для красоты,—
Мы выясняем по утрам,
Кто пополнил, на сколько грамм.

Нет, мы не ходим в дальний лес:
А вдруг в походе сбавим вес?!
Нам не до птичьих голосов,
Проводим утро у весов.

Нельзя бродить нам по лесам:
Всё по часам! Да по весам!
А в дождь — мы сразу под навес.
Ребята ценятся на вес!

И сколько здесь бывает драм:
Серёжа сбавил килограмм,
И долго охал и стонал
Весь медицинский персонал.

Вдруг изменился наш режим:

С утра на речку мы бежим,

Мы обнимаемся, визжим...

Ура! Не вешайте носы —

У нас испортились весы!

1969

ВОРОНЫ

Над городом,

Над парками

Вороны

Как закаркали!

А я кричу:

— Не каркайте!

Хотим мы с папой

В парк идти!

Как чёрные кляксы

Вороны

Уселись на ветке

Зелёной!

Я знаю их чёрные мысли:

Им нужно, чтоб тучи нависли,

Чтоб дождик
Запрыгал по лужам!
А мне он не нужен!
Не нужен!

Но вновь они закаркали,
Прикинулись знахарками:
Мол, будет дождь
Над парками,
Над парками,
Над парками!

Орут они на дереве.
Мы с папой не поверили,
Не взяли даже
Зонтика:
Светло
На горизонте-то!

И солнышко над парками
Сияет и горит.
— Нет, мы не верим карканью!—
Мой папа говорит.

Пусть каркают
Простуженно

Вороны,
Чуть не дюжина,
Мы в парк идём,
До ужина.

1968

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Каждый может догадаться —
Антонина влюблена!
Ну и что ж! Ей скоро двадцать,
А на улице весна!

Только звякнет телефон,
Тоня шепчет: — Это он!

Стала ласковой и кроткой,
Ходит лёгкою походкой,
По утрам поёт, как птица...

Вдруг и младшая сестрица
Просыпается чуть свет,
Говорит: — Пора влюбиться!
Мне почти тринадцать лет.

И Наташа на уроке

Оглядела всех ребят:

«Юрка? Слишком толстощёкий!

Петя ростом маловат!

Вот Алёша славный малый!

Я влюблюсь в него, пожалуй».

Повторяет класс по карте,

Где Иртыш, где Енисей,

А влюблённая на парте

Нежно шепчет: — Алексей!

Алик смотрит огорчённо:

«Что ей нужно от меня?»

Всем известно, что девчонок

Он боится как огня.

Он понять её не в силах!

То она глаза скосила,

То резинку попросила,

То она вздыхает тяжко,

То зачем-то промокашку

Подаёт ему любя.

Алик вышел из себя!

Поступил он с ней жестоко —

Отлупил после урока.

Так вот с первого свиданья

Начинаются страданья.

1956

НАЙДЕНО ИМЯ

Было отряду

Недаром присвоено

Имя героя,

Отважного воина.

Много дорог

Исходили ребята,

Были в деревне,

Где жил он когда-то.

Столько ребят —

Не пятнадцать,

Не двадцать,

Все пятьдесят —

Как взялись добиваться,

И наконец-то

Отряду присвоено
Имя героя,
Отважного воина.

Смелым считался он
С самого детства.
Звенья гордятся им:
— Вот молодец-то!—
Каждый мечтает:
— Я стану героем...

Чем же соседний отряд
Так расстроен?

— Нам почему
До сих пор
Не присвоено
Имя героя,
Отважного воина?

Мечутся звенья
В погоне за именем —
Имя найти бы,
Неважно, чьё именно.

Вдруг заявляет

Мальчишка один:

— Знаю героя —

Карпенко Вадим! —

Все закричали:

— Карпенко Вадим!

Чудное имя,

Его и дадим!

Звенья довольны

Предложенным

Именем.

Найдено имя!

Неважно, чьё именно.

А между прочим,

Карпенко Вадим —

Малый ребёнок,

Младенец один.

Ехал в коляске он

Летней порой.

В шутку соседка

Сказала: — Герой!

Только полгода,

А мы уж сидим!
Чем не герой он,
Карпенко Вадим!

Так услышал
Про Карпенко Вадима
Кто-то бежавший
Откуда-то мимо.

Звенья вздыхают:
— Зачем это имя нам?
Выбрали имя,
Не зная, чьё именно.

Звенья в печали:
— Куда теперь деться?
Смотрят с надеждой они
На младенца.

Может быть, вправду
Он станет героем?
Имя отряду
Тогда и присвоим.

1967

РАЗОЧАРОВАННЫЙ

Он вырос крепким и здоровым,
Но в жизни он разочарован.

Вот, увлекаясь Гончаровым,
Читают школьники «Обрыв».
А он, и книжки не открыв,
Уже разочарован.

Идёт работа в мастерской,
Народ увлёкся делом новым,
Он еле двигает рукой —
Уже разочарован.

Вы мчитесь с новостью к нему,
К нему идёте с добрым словом,
Он вас встречает: — Ну чего вам?—
Он другом не был никому,
Но в дружбе он разочарован.

Свершилось! Космос атакован!
Он заявляет: — Что ж такого?—
Как будто он-то на Венере
Полгода жил, по крайней мере!

Нет, он во всём разочарован...

— С какого возраста?

— С грудного!

Когда я был ещё грудным,

Не улыбался я родным...

Так и живёт: на всём готовом,

Всегда во всём разочарован!

1962

ПОЧТАЛЬОНУ ГРУСТНО

Отчего взгрустнулось

Тоне-письмоносцу?

Встала рано утром,

Ходит по морозцу,

Всем приносит нынче

Радостные вести,

Отчего ж у Тони

Сердце не на месте?

Ей от грустных мыслей

Никуда не деться,

Ждать от друга писем

Ей хотелось с детства,

Но никто не пишет

Тоне-комсомолке —

Все её подружки

Здесь живут, в посёлке.

Ей ни разу в жизни

Писем не вручали.

Грустно письмоносни...

Ходит по морозцу

Почтальон в печали.

1970

НА КОСОГОРЕ ГДЕ-ТО...

Пригорки да овраги

И заросли ольхи...

Приехал к детям в лагерь

Поэт. Читать стихи.

На косогоре где-то,

Устроившись в тени,

Все слушали поэта,

Устав от беготни.

И, словно на привале,
Задумались слегка,
А в небе проплывали
Высоко облака.

Но к концу
Подходит лето.
Вот письмо
В руках поэта:
«Просим выслать
Ваше фото,
Вы нужны нам
Для отчёта,
Чтоб от вас
Остался след».
— Очень рад!—
Сказал поэт.

Он сердито пишет что-то,
Чуть дрожит его рука:
«Не забудьте для отчёта
Взять на небе облака».

1967

СОБАКА

Она с утра лежит не лая,
Она собака пожилая.

Ей надоело лаять, злиться...
Большая, рыжая, как львица,
Она лежит не шевелится
И смотрит молча, не ворча,
На прилетевшего грача.

А этот грач
Совсем не глуп:
Из чашки пьёт
Собачий суп.

«Ты что молчишь?»—
Кричит ей кто-то.
Ей даже тявкнуть
Неохота,
Её с утра
Берёт дремота...

Собака спит.
Ей снится детство:
Она щенок,

И все кричат:
«Да замолчи ты
Наконец-то!
Опять ты лаешь
На грачат!»

1967

НА БУКВУ «Л»

Не удивляйтесь — я влюблён,
Хотя и сам я удивлён,
Понять не в состояньи,
В каком я состояньи.

Влюблённый, удивлённый,
Хожу я за Алёной,
За шапочкой зелёной.

Я с ней недавно во дворе
Случайно рядом сел,
И вот ищу я в словаре
Слова на букву «л»:
«Любовь».
«Любить».
«Любимым быть».

Словарь меня не подведёт.

Сижу, склонясь над ним,
И узнаю: «Любимый тот,
Кто кем-нибудь любим».

Я изучаю вновь и вновь:

«Любить — испытывать любовь».

Нет, я, по правде говоря,
И начитавшись словаря,
Понять не в состояньи,
В каком я состояньи.

Влюблённый, удивлённый,
Хожу я за Алёной,
За шапочкой зелёной.

1967.

ТРУДНАЯ НЕДЕЛЯ

Себя понять я не могу...

Мне показалось в понедельник,
Что перед всеми я в долгу,
Что я притворщик и бездельник.

Я не пошёл в кино во вторник,
Остался дома как затворник.
Мне показалось утром в среду —
Меня не ценят!.. Я уеду!

В четверг я понял: я умён.
У шахматистов я в почёте.
Среди известнейших имён
Моё когда-нибудь прочтёте.

Я понял в пятницу с утра:
Я эгоист! Капризный барин!
Спросил я маму: — Будь добра,
Скажи мне прямо — я бездарен?

Она в ответ:
— Болезни роста.
Для взрослых
Всё, конечно, просто.

1969

ВСЁ УШЛО В ПЕСОК

Вчера сказал вожатый:
— Ребятам нужен труд.
Пускай возьмут лопаты,

Усадьбу уберут.

Песка желтеет груды

У дома, на виду.

Убрать её отсюда,

Порядок наведу.

Убрать её отсюда,

Пускай лежит в саду...

Тут сразу вдохновенье

Нашло на весь отряд,

Песок таскают звенья,

Носилки тащат в сад.

Работают с подъёмом...

И вот, через часок,

Уже не перед домом,

В саду лежит песок.

Наутро вновь вожатый

Твердит: — Нам нужен труд!

Пускай опять ребята

Усадьбу уберут.

Но убран двор усадьбы.

Куда отряд послать бы?..

И вдруг решил вожатый:

Работу здесь найду.

Зачем идти куда-то?

Песок лежит в саду.

Песка желтеет груда,

Мешает на пути.

Убрать её отсюда,

Во двор перенести.

И вот, без вдохновенья,

То в сад, а то во двор

Песок таскают звенья.

Таскают до сих пор...

1970

Я БЫЛ КОГДА-ТО БОЛЕН

Меня прозвали «Вата»!

Как я страдал когда-то,

Переживал когда-то...

В походы шли ребята

И на вершины лезли,
А мне кричали: — Вата,
Тебе сидеть полезней!

Не бегал я в горелки
И в речке, самой мелкой,
Не мог со всеми вместе
Плыть в безопасном месте.

Подбадривала мама
(А в голосе тревога):
— Твоя кардиограмма
Улучшилась немного.

И словно извиненье
В словах её звучало:
— Ангина... Осложненье...
Поправишься сначала.

Меня прозвали «Вата».
Кричали мне ребята:
— Сиди, грызи орешки,
Тебе сидеть полезней!

Мне было от насмешки

Больней, чем от болезни.

1969

ТЕЛЕПАТИЯ

Спросил у тёти Кати я:

Что значит телепатия?

И понял я одно:

Вот раньше тёте Кате я

Твердил: «Пойдём в кино!»,

Теперь моё желание

С любого расстояния

Я должен ей внушить.

Я пробовал внушить —

Она уселась шить.

На стадионе в выходной

Я к игроку стою спиной,

Ему внушаю мысль мою:

«Дай на меня! А я пробью!»

И мяч — в мои объятия!

Вот это телепатия!

Но когда идут занятия,
Тут бессильна телепатия,
И понятно отчего:
Каждый хочет обязательно,
Чтоб не вызвали его.

Нас понять не в состоянии
Пётр Иванович — педагог:
Уловить на расстоянии
Столько мыслей кто бы мог!

Ещё признаюсь кстати я:
Девчонка есть одна,
Она моя симпатия,
Но не со мной дружна...
Теперь мне телепатия
Особенно нужна!

1969

ТРОПИНКА

В лесу, не в парке городском,
Шли по змеистой тропке
Четыре девочки гуськом.
Они народ не робкий.

Шагали вьющейся тропой.

Одна запела что-то,

Другая крикнула: — Не пой!

Попали мы в болото!

Тропинка в чащу завела,

Не продерёшься в чаще:

Деревьев мёртвые тела,

А рядом лес молчащий.

Дубов высокие ряды

Под самым небом синим...

Ушли подружки от беды:

— Тут пропадёшь в трясине!

Ушли подружки от беды,

Идут, твердят на все лады:

— Тропинка виновата!

— Ишь завела куда-то...

Тропинка, если бы могла,

Сказала бы, вздыхая:

«Сама себе я не мила,

Судьба моя такая:

Меня ругают все подряд,
Что я дурная тропка,
Что я кружусь вперёд, назад,
Что под ногами топко...

Но люди, в прошлые года,
Спасибо мне сказали.
Однажды в лес пришли сюда
Скрываться партизаны.

Гнались за ними по пятам,
Гнались всю ночь фашисты,
Я завела к глухим местам,
К зелёной топи мшистой.

Я партизан тогда спасла,
Они ушли с рассветом...»

Тропинка, если бы могла,
Сказала бы об этом.
Но ей, бедняге, не вздохнуть,
Ей не сказать ни слова.
И каждый, кто выходит в путь,
Её ругает снова.

1969

ВСПОМНИМ ИГРЫ ШКОЛЬНЫЕ

Вместе с другом до заката
Мы сидели у реки,
И сияли нам когда-то
Каждый вечер огоньки.
С другом мы не расставались,
Пели песни у костра,
А теперь, мой друг-товарищ,
Распрощаться нам пора...

Вспомним игры школьные,
Отметки в дневнике,
Площадки волейбольные,
И лодку на реке,
И школьные экзамены.
Ты помнишь эти дни?
И наставленья мамыны:
«Смотри не утони!»

Вместе с другом до заката
Мы сидели у реки,
И сияли нам когда-то
Каждый вечер огоньки.
У костра любили греться,
Бегать в дождик босиком,
Но промчалось наше детство

Тёплым летним ветерком.

Вспомним игры школьные,
Отметки в дневнике,
Площадки волейбольные,
И лодку на реке,
И школьные экзамены.
Ты помнишь эти дни?
И наставленья мамины:
«Смотри не утони!»

1948

НУЖНАЯ ПЕСНЯ

Мы учимся петь!
Мы теперь по субботам
Не просто поём —
Распеваем по нотам.

Мы много мелодий
Запомнить должны:
И в дальнем походе
Нам песни нужны,
И дома подруги
Поют на досуге...

Есть плавные песни
И есть плясовые.
Сегодня мы в классе
Поём их впервые.

На каждом уроке
Вот так распевать бы!
Есть даже особая песня —
Для свадьбы.

Вот лет через двадцать
Решу я жениться,
Тогда эта песня
И мне пригодится.

1960

Я ЛЮБЛЮ ХОДИТЬ ВДВОЁМ

Я люблю ходить вдвоём
В поле, в лес, на водоём,
Я люблю пускаться в путь
Не один, а с кем-нибудь.

Я люблю кричать: «Гляди!
Посмотри! Постой-ка!
Видишь, речка впереди!

Лодок, лодок сколько!..»

И с обрыва, с высоты

Я зову: «Ау! Где ты?

Погляди с обрыва,

Как вокруг красиво!»

Я один брожу в лесу...

(Так бывает редко.)

Задрожала на весу,

Закачалась ветка.

Белка в зелени густой

Скачет в перелеске.

Крикнуть некому: «Постой!»

Я один... Мне красотой

Поделиться не с кем.

1968

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

Детская дружба чиста и крепка.

Жили на свете два верных дружка,

Бегали вместе весной по полям,

Горе привыкли делить пополам.

Вместе учились и вместе росли,

В армию вместе пошли.

Светлая дружба, ты греешь сердца —
Сердце ребёнка и сердце бойца.
В школе за партией и в смертной борьбе
Верный товарищ поможет тебе.

Жили на свете два верных дружка,
Два пулемётчика, два смельчака.
Надо к реке пробираться вперёд:
Воду достать — охладить пулемёт.
Река под обстрелом, река вдалеке,
Друзья пробирались к реке.

Огненным ливнем бушует река.
Ранила пуля бойца-смельчака.
Гул несмолкаемый, грохот вокруг.
К другу на выручку бросился друг.
Верность товарищу в битве храня,
Вынес его из огня.

Светлая дружба, ты греешь сердца —
Сердце ребёнка и сердце бойца.
В школе за партией и в смертной борьбе
Верный товарищ поможет тебе.

10 000 МАЛЬЧИКОВ

Кинорассказ

Ярко-синее небо.

По песчаной дорожке катится жёлтый детский обруч.

Русоголовый мальчишка толкает обруч, напевает:

Катись, мой обруч жёлтый,

Помчусь я тоже вслед,

Хочу, чтоб обошёл ты

Все страны, целый свет,

По дорожке, по бульвару,

По всему земному шару.

Обруч выкатывается с бульвара на улицу, бежит через площадь, бежит по мосту над Москвой-рекой. Катится всё дальше и дальше... По зелёной полянке, по берёзовой рощице... Вот он покатился с пригорка вниз... Теперь он обегает высокую гору с острой вершиной и, быстро раскачиваясь, спускается к морю.

А над морем сияющее солнце, большое, жёлтое, круглое, такое, как обруч.

Вдруг солнце превращается в лицо японского мальчика, с его прямых, торчащих волос как лучи стекают струйки воды.

На берегу пустынно. Прислонён к камню одинокий обшарпанный велосипед, весь увешанный сумками, в них бутылки с молоком.

Мальчик плывёт к берегу, вылезает из воды. Ему лет одиннадцать. Тар

о, так зовут его, натягивает на мокрое тело рубашку, начинает скакать по берегу, чтобы согреться. Напевает, неправильно выговаривая русские слова:

По дорожке, по бурвару,

По всему земному шару.

Ещё рано. Утро в курортном городке ещё не началось: не раздвинуты стены японских домов, закрыты лавочки.

По узенькой улочке идёт старый рыбак, бронзовый от загара, с корзинкой в руке.

— Как дела, дядя Дзиро? — спрашивает Таро, проезжая на велосипеде.

— Хорошие дела, — усмехается рыбак, — моей рыбе совсем не тесно в корзинке.

Таро остановился у одного из домов, соскочил с велосипеда, поставил две бутылки с молоком в ящичек у двери, взамен взял пустые.

Снова едет по улице со своей поклажей, громяхая бутылками.

Открылась раздвижная стенка японского дома, на пороге показалась заспанная женщина, что-то сказала мужу. Элли и её муж Судзуки — необычная для Японии пара. Он — невысокий, с напوماженными волосами японец. Она — американка, бывшая танцовщица, с располневшей, крупной, как у борца, фигурой. Он — молчаливый, медлительный; она — подвижная, говорит без умолку. Сейчас она, как всегда, в чём-то упрекает мужа.

Из окна второго этажа выглянула их дочка — Кэтрин, миловидная, с копной рыжих волос на голове, с рыжей чёлкой.

К дому, посвистывая, подъезжает Таро. Вот он поставил в ящичек для продуктов бутылку молока, показал Кэтрин язык и покатил дальше.

На рекламном щите афиша, исписанная иероглифами. На ней большая фотография советского скрипача Андрея Борисова.

У афиши — Таро.

— Бо-ри-сов... Бо-ри-сов, — с удовольствием повторяет мальчик.

Подходит расклейщик с рулоном афиш, с кистью и ведёрком, замазывает афишу, наклеивает на неё новую — о гастрольях цирка.

Таро заволновался, что-то говорит по-японски расклейщику. Тот показывает на двери отеля, из которого выносят чемоданы и выходит группа советских артистов.

Таро подбежал к скрипачу Борисову; видно, что они знакомы.

— Москва? — огорчённо спрашивает Таро.

— Токио, потом Москва! Домой! — отвечает Борисов.

— «По дорожке, по бурвару...» — напевает Таро. Начинает выстукивать песенку палочками на бутылках с молоком, расставив их на земле.

— Подожди, вот так надо. — Взяв в руки палочки, Борисов выстукивает ритм, напевая:

По всему земному шару...

Та-та, та-та... —

... Слов-то я дальше не знаю, слышал, как моя дочка поёт, — пытается он знаками объяснить Таро. — Будем петь: та-та, та-та...

Таро понял, радостно кивнул. Оба вполголоса, но с большим увлечением расппевают:

Та-та, та-та...

Та-та, та-та...

На лице у Таро выражение такой доверчивости, что Борисов невольно заулыбался, приятельски похлопал мальчишку по спине.

— Андрей Петрович, опоздаем! — торопят артисты...

Борисов достаёт из своего бокового кармана бумажник и вынимает фотографическую карточку. На ней — он и девочка в школьной форме, с пионерским галстуком, с крылатым бантом в волосах.

— На память... Моя дочка Тася, — пытается Борисов объяснить знаками.

Таро решительно мотает головой, возвращает карточку.

— Помогите нам, пожалуйста! — подзывает Борисов переводчицу.

Та объясняет:

— Он благодарит за вашу фотографию, но девочка ему не нужна. Он её отрежет.

— Отрежет мою дочь? Вот те на! — шутливо протестует Борисов.

— Он хотел бы иметь карточку какого-нибудь советского мальчика, а не девочки. Он считает, что дружить надо с мальчиком, — смеётся переводчица.

— Ладно, пришлю тебе мальчика! Обещаю: будет у тебя советский мальчик!

Борисов по-русски, крепко потряс руку Таро. Мальчику понравилось непривычное рукопожатие, он снова тянет руку, Борисов ещё крепче жмёт ему руку.

— Сдаёшься? Смотри, закричишь, — шутит он.

Девушка переводит слова Борисова.

— Таро никогда не закричит, — с достоинством отвечает мальчик.

Пароход готовится к отплытию. Идёт погрузка. На пристани многолюдно. Пёстрая толпа: одни в кимоно, другие в европейских костюмах.

Возгласы, рукопожатия и поклоны, поклоны, низкие японские поклоны и улыбки. Кажется, что вся пристань колыхается от непрерывных поклонов.

Советских артистов провожают черноголовые юноши и девушки. Взявшись за руки и раскачиваясь, они поют по-японски русскую «Катюшу». Окончив песню, низко кланяются Борису и его товарищам.

И все русские кланяются, опустив руки, подражая японцам.

— Спасибо, дорогие «Поющие голоса», — говорит Борисов и крепко жмёт руку одной из японок. Во всём её облике что-то моложавое, но волосы тронуты сединой.

— Митик

о-сан... Участвует в походе мира, осенью будет в Москве, — подсказывает Борису переводчица.

Митико-сан шутливо ахает, показывая, что рукопожатие было слишком крепким.

— Весёлая Митико-сан, — улыбается Борисов.

— Весёлая... Это она так держится... У неё мальчик погиб в Хиросиме.

— Да что вы говорите! — громко воскликнул Андрей Петрович.

— Тише, вот идёт её муж, Мас

а о-сан, он понимает по-русски, был военнопленным...

— Вы понимаете по-русски, Масао-сан? — обрадовался Борисов.

Короткий пароходный гудок.

Все заволновались... Общее движение... Последние прощальные поклоны.

Андрей Петрович по сходам поднимается на пароход.

По японскому обычаю провожающие бросают с пристани на палубу разноцветные бумажные ленты.

Гирлянды лент протянулись, как бы связывая отплывающих с теми, кто остаётся.

Вдруг на пристани появился запыхавшийся Таро. Он быстро пробирается вперёд, ловко протискиваясь в толпе.

Андрей Петрович увидел его и бросил моток ленты с парохода на пристань.

Таро ловит летящую ленту.

Снова громкий короткий гудок. Пароход отчаливает от берега. Лента разматывается, разрывается. Один конец остался в руках у Андрея Петровича, другой — у Таро.

Бьёт волна в берег, пароход медленно уходит в море. Уходит всё дальше и дальше. Пристань пустеет...

На совсем пустой пристани стоит Таро с оборвавшейся лентой в руках.

Московский двор. На скамейке сидят рядом две девочки. В одной из них мы узнаём Тасю Борисову, дочку Андрея Петровича. Она точь-в-точь такая же, как на фотографии, которая осталась у Таро: в школьной форме, с пионерским галстуком, с крылатым бантом в волосах.

В руках у Таси полоска цветной бумажной ленты.

— Папа привёз из Японии. Хочешь, подарю кусочек? — предлагает она подружке.

Подружка Лариса, худенькая, с острым носиком, с острыми рогатыми бантиками, говорит, вздёрнув острым плечиком:

— Ну, знаешь, если бы меня хотели отрезать!..

— Вот ещё — обижаться! Мы ему докажем, что он должен с девочками дружить! Должен, и всё, — назидательно говорит Тася.

В доме кто-то включил радио. Из открытого окна полились звуки скрипки.

Тася ахнула:

— Детская передача! Папа выступает, сейчас расскажет про мальчика.

Девочки, стоя под окнами, слушают, как играет Борисов.

На соседней скамейке бабушка укачивает малыша в коляске, говорит заинтересованно:

— Я люблю детские передачи, там столько поучительного.

Малыш, словно протестуя, начинает громко, сердито кричать.

— Разве он даст послушать? — жалуется бабушка. — Что за ребёнок такой! Как детская передача — он вопить! Тихо, тихо... — уговаривает она малыша.

«Тихо!», «Тихо!», «Тихо!» — вспыхивают электрические надписи в радиостудии. У микрофона — Андрей Петрович.

— Эту мелодию, — говорит он, — мне довелось услышать в далёком японском городке, на южном острове, от одного паренька... Вышел я как-то утром на море посмотреть...

Отделённые стеклянной стеной две девушки — редактор и режиссёр — слушают, тревожно поглядывая на большие стенные часы.

— Время? У нас сегодня новая передача: «Лягушкина почта». Он не зарежет наших лягушек? — беспокоится одна из девушек. Через стекло знаками просит Борисова, чтобы он говорил быстрее.

Борисов продолжает:

— Мальчик пришёл ко мне в гостиницу, я записал мелодию с его голоса. У него прекрасный слух...

Слова Борисова заглушает громкий рёв. Это снова вопит малыш во дворе, мешая слушать Тасе и Ларисе.

— Какой-то некультурный ребёнок! — возмущается Лариса. — Бежим к вам!

Девочки вихрем влетают в комнату. Тася включает приёмник. Раздаётся скучный, размеренный женский голос:

«Точки четыре и три... Вычертим выкройку прямоугольника».

— Там чертежи?! — волнуется Лариса.

— Опять построение половинки трусиков, мама весь вечер их вычерчивала!

Тася всё быстрее крутит рычажки, нервничает. Наконец она поймала голос отца.

«...У Таро нет родных, никого нет...»

За стеклом две девушки ещё настойчивее торопят Борисова, показывая ему на часы.

Борисов говорит всё быстрее:

«Потому я и обращаюсь к вам, товарищи мальчики... Может быть, кто-нибудь из вас захочет послать ему свою фотографическую карточку... Тогда запишите адрес. Его нужно писать по-английски... Если сами не справитесь, попросите, чтобы вам помогли».

Тася выключает приёмник.

— Адрес я у папы уже взяла.

Лариса недовольно дёрнула плечиком:

— А ты тут при чём? Твой папа сказал «товарищи мальчики».

Какой-то мальчуган, навалившись на стол, кричит в телефонную трубку:

— Папа, когда ты придёшь домой? У тебя плёнка не кончилась? Мне нужна моя фотокарточка для дружбы с Японией.

Клетка с кроликами на школьной ферме.

Мальчик с крольчатами на руках торопит кого-то:

— Снимай скорей, а то они разбегутся!

Старший брат снимает младшего:

— Не напрягайся ты! Сделай естественное лицо!

— Сейчас сделаю естественное! — с готовностью соглашается младший. — Так?

Целая семья готовится к групповому снимку. Дедушка и бабушка заслонили спинами внука. Он протестует:

— Подвиньтесь! Меня не видно! Он ведь просил мальчика прислать, а не дедушку!

Мальчуган лет шести выдирает из толстого семейного альбома свою фотографию, говорит с досадой:

— Когда я был маленьким, чуть не каждый день снимали, а вырос — ни одной карточки! Придётся чуть не грудного посылать!

Недовольно рассматривает фотографию, потом кладёт её снова в альбом.

Вырвал листок из тетради, рисует мальчика. Подписал: «Это я».

Рисует рядом другого такого же мальчика. Подумал... Сделал ему глаза раскосыми. Подписал: «Это ты». Кладёт свой рисунок в конверт.

...Табличка «Фотокружок».

У дверей выстроилась очередь мальчиков. Подбегает ещё один.

— Ребята, я — пересняться! У меня два носа вышло! Не посылать же с двумя носами!

Где-то в горах, на лихом коне, снимается юный всадник в лохматой папахе.

Снимается у станка паренёк в школьной мастерской, беспокоится:

— А планшайба будет видна?

На шумном, красочном, осеннем базаре снимаются в картонном «спутнике». Из круглого окошка иллюминатора выглядывает круглая физиономия какого-то мальчугана.

Право, можно подумать, что мальчишки всей страны решили послать свои фотокарточки «для дружбы с Японией».

Комната Борисовых. Андрей Петрович настраивает скрипку, слышно, как звенит струна.

Тася, красная, растрёпанная, горячо доказывает отцу:

— Потому, что неправильно! И Лариса считает, что неправильно!

— Ну, если даже сама Лариса, тогда, конечно... — пробует отшутиться Андрей Петрович. Опять принимается натягивать струну, она звенит всё громче.

— Ты должен был сказать «товарищи мальчики и товарищи девочки», — доказывает Тася.

— Сколько же можно, в конце концов?! — взмолился Андрей Петрович. — Твердишь одно и то же...

— Значит, по-твоему, девочки не товарищи? — не унимается Тася.

Слышится звук лопнувшей струны.

— Струны и то не выдерживают! — рассердился Андрей Петрович.

Но Тася начинает с новой силой:

— Наши девочки всё равно ему напишут, всё равно!

Шумная компания девочек у почтового ящика. Они по очереди опускают письма.

— Тася замечательное письмо написала! Я всё, всё у неё списала, до последней буквы. Письмо ведь не диктант, можно списывать, — рассуждает одна из девочек.

— Я тоже у Таси списала, а Света — у меня, — говорит другая.

— А я у Светы! — радостно сообщает третья.

— Постойте, выходит, что мы все ему одинаковые письма написали? — растерялась Тася.

Девочки, опустившие письма, растерянно смотрят на почтовый ящик.

— Ой, что мы натворили!

— Ну и что ж такого! — пожимает плечиком востроглазая Лариса. — Подписи-то у всех разные...

К ящику мчится компания мальчишек. Увидели девочек.

— А вы кому пишете?

— Вам, конечно, — задорно отвечают те. Кричат наперебой: — Чур, наш ящик! Вы на углу опускайте!

— Ящик не ваш, а государственный, — доказывают мальчики.

— На углу государственный, а этот наш, — не сдаются девочки.

— На углу мы были, там уже пятьсот вторая школа опускает.

Почтовый ящик на углу школьники берут приступом. Крик такой, что невозможно разобрать ни слова. Кто-то уже дубасит кого-то... Все рвутся к ящику, в него летят письма, письма, письма...

Рыбацкий посёлок на окраине курортного городка. Лежат перевернутые лодки...

Дощатые домики рыбаков.

В какой-то хибарке, на земляном полу, поджав ноги, сидит Таро, вынимает из конвертов и

раскладывает вокруг себя фотографии советских мальчишек. Вот уже весь пол усеян фотокарточками: мальчики, мальчики, мальчики... Весёлые мальчишеские лица смотрят на Таро.

Небольшое почтовое отделение.

Молодая японка объясняет кому-то:

— У нас затор... Мы утонули в письмах.

Три девушки и знакомая нам Митико-сан (мы её видели на пристани) быстро штемпелюют конверты.

Два японца вносят и кладут на пол мешки с письмами, молча поклонившись, уходят.

Одна из девушек не выдерживает:

— Боже, что с нами будет!

— Погибнем! Я уже предупредила мужа, — с серьёзным видом говорит Митико.

— Вы ещё можете шутить, Митико-сан? — жалобно тянет одна из девушек.

И снова два японца вносят огромные мешки с письмами, молча поклонившись, уходят.

Девушки в изнеможении продолжают разбирать конверты. Суетливый человек с блокнотом торопливо подошёл к Митико. Быстро, напористо задаёт вопросы:

— Письма из разных городов?

— Из разных.

— И все этому мальчику?

— Все ему. Уже девять тысяч писем...

— Девять тысяч? И письма всё идут?

— Всё идут.

— Надеюсь, из других редакций у вас ещё никого не было?

— Вы всех опередили, — улыбается Митико.

— Как всегда, — уверенно говорит суетливый человек; на ходу помахав блокнотом, уходит.

Теперь уже четыре японца молча вносят мешки с письмами. И снова слышится:

— Боже! Мы утонули в письмах...

Пустой рестораник. Посетителей почти нет.

За стойкой грустно вздыхает Судзуки.

— Перестань вздыхать, — раздражённо шепчет Элли.

— Я не вздыхаю, — тяжело вздохнув, говорит Судзуки, — наши дела совсем не так плохи.

— Не плохи! Кругом в долгах. Надо было уезжать из Чикаго, чтобы оказаться в этой дыре!

Судзуки начинает сердиться, но внешне он невозмутим:

— Я тут родился... Во мне течёт японская кровь.

— Пятнадцать лет прожил в Чикаго, и вдруг в нём потекла японская кровь, — усмехается Элли.

— Замолчи, — резко сказал Судзуки.

Вбегает Кэтрин, торопится рассказать:

— Мамочка, что в городе делается! Какой-то господин получил десять тысяч писем!

— Какой господин? — заинтересовался Судзуки.

— Наверно, какой-нибудь миллионер, не нам чета, — замечает Элли.

Кэтрин тараторит, захлёбываясь:

— Ещё одна новость! Почта не работает, там кто-то утонул!

Взволнованная Кэтрин мчится дальше сообщать новости.

Две японки встретились у входа в лавочку, за плечами у каждой привязан спящий малыш.

— Слыхала? Какой-то миллионер утонул.

— Ну, с деньгами он и на дне морском не пропадёт.

— Говорят, он из писем узнал, что разорён, и утопился.

— Известно, богатство что облако...

— У нас с тобой денег нет, мы не утопимся.

Женщины смеются, а за их спинами у спящих малышей качаются ручки и ножки.

Таро, «миллионер», получивший десять тысяч писем, с удовольствием оглядывает свою хибару. Уже не только сколоченные из ящичков фанерные стены её сплошь увешаны фотографиями, карточки советских мальчишек нанизаны на верёвочки, как флажки, и протянуты крест-накрест посреди комнатёнки. На самом почётном месте красуется фотография Андрея Петровича с Тасей.

Таро покачал головой; он явно считает, что девчонка портит всю эту прекрасную мужскую компанию.

Придумал: отклеил марки с конвертов, старательно заклеивает марками Тасино лицо.

Входит Масао. Внимательно оглядывает хибарку, подняв свои широкие, выразительные брови.

— Ого, тут целая выставка!

— Вы ко мне по делу или просто так? — важно спрашивает Таро.

— Просто так... Зашёл посмотреть, кто задал такую работу почте. Ты знаешь, что происходит из-за твоей особы?

Таро польщён:

— Из-за моей особы? А что происходит?

— Катастрофа, — говорит Масао. — Сам подумай... Почта не может работать, её скоро затопит твоими письмами.

Таро засмеялся:

— Как вы смешно говорите!

Масао подошёл к ящику из-под консервов, который служит Таро столом, повертел в руках пустую чашку от риса.

— Значит, растёшь один понемножку?

— Я уже давно вырос, — усмехается Таро. — Второй год работаю у молочника, на его велосипеде.

— Да, тебя не под зонтиком растили... Скажи, а почему они все взялись писать именно тебе?

— Не знаю! Борисов обещал прислать одного мальчика, а прислал десять тысяч!

Масао берёт пачку писем.

— Читаете по-русски? — обрадовался Таро.

— Имею удовольствие читать, — с японской учтивостью отвечает Масао.

Проглядывая исписанные детским почерком листочки, он то удивлённо сводит, то распрямляет свои подвижные брови.

— Вот оно что: он сказал о тебе по радио... Но если все, кто слушает радио, тебе напишут, что же будет на почте с моей женой Митико-сан?

— Вы женаты? — Таро недовольно поморщился. — Я никогда не женюсь, даже когда дедушкой буду.

Масао, скрывая улыбку, протягивает Таро фотокарточку мальчика в папаше верхом на коне.

— Его зовут Гога... Он просит твою фотокарточку.

— Молодец Гога-тян... А его как зовут? — спрашивает Таро про мальчика в «спутнике».

— Коля... Тоже просит прислать твою карточку.

— Коля-тян? Пришлю обязательно, — обещает Таро.

— Лариса, — протягивает Масао фотографию Таенной подруги.

— Девочку — в мешок! — заявляет Таро. — Я всех девочек в мешок складываю, в море их брошу! Послушайте, может быть, у вас есть дочка? Тогда возьмите весь мешок для неё.

— У меня нет детей, — насупил брови Масао.

— Жалко! Если бы у вас был сын, я бы мог дать ему значки. Смотрите — сколько! — Таро высыпает из конвертов гору значков: — Берите!

Масао хочет переменить разговор:

— Послушай, надо что-то делать... Разгружать почту...

Теперь мешки с письмами занимают всё почтовое отделение, громоздятся до самого потолка.

— Это всё мне? — не верит своим глазам Таро.

— Мы тебя отсюда не выпустим, пока не заберёшь все письма, — говорит одна из девушек.

— Все заберу!

Таро подошёл к двери, свистнул. Вбегают мальчишки — его ровесники, пареньки из рыбацкого посёлка, громко стучат их деревянные сандалии — гета, одетые на босу ногу.

— Всех своих приятелей привёл, — говорят девушки.

— Давай поспевай! — покрикивают пареньки, перетаскивая, разбирая пачки и мешки с письмами.

Сидя за своим рабочим столом, Митико то и дело оглядывается на Таро.

— А с луны ты ещё не получил письма? — спрашивает она.

— Со «спутника» получил! — отвечает Таро.

— Как же ты будешь всем отвечать?

— Расшибусь, а отвечу!

Мальчишки смеются:

— Рука отвалится!

— Где тебе! Тут почтовых марок нужно на тысячу иен! А у тебя одна туфля на две ноги...

Неведомо откуда взявшись, около Таро появляется человек с фотоаппаратом, он похож на танцора или на фокусника. Вот он отбежал в одну сторону, потом в другую, присел на корточки, щёлкает камерой, приподнялся на цыпочки, опустил на колени.

— Меня снимаете? — обрадовался Таро. — Вы мне дадите фотокарточки? Я заплачу.

— Сколько тебе штук?

— Много... Десять тысяч штук, — сам даже растерялся Таро. — Ну можно поменьше... пять тысяч.

Все смеются. Рассмеялся и фотограф:

— Ого, дорого тебе придётся платить!

Митико снова смотрит на Таро, видимо, он чем-то взволновал её.

— Сколько тебе лет, Таро?

— Двенадцать будет... через годик, — отвечает Таро.

— Двенадцать будет, — задумчиво повторяет Митико.

Комната кажется игрушечной. Циновки на полу. Почти нет мебели. Лёгкие деревянные раздвижные стены. На одной из них фотография мальчика, увитая чёрной лентой.

Митико подаёт мужу на подносике свёрнутую мокрую салфетку. Масао, в домашнем кимоно, вытирает руки.

— Бобовый суп? Давно я не ел бобового супа...

— Что? — рассеянно спрашивает Митико, продолжая хозяйничать.

— Я говорю — мой любимый суп.

— Да-да, — снова безучастно повторяет Митико.

Масао хочет вывести её из задумчивости.

— Ну, как письма из России? Схлынули?

— Не совсем ещё, — отвечает Митико.

— Знаешь, я подумал... Парнишка так бедно живёт, стоит отдать ему что-нибудь из тех тёплых вещей... Может быть, зелёную курточку?

— Если ты хочешь... я достану её... Но я думаю, сейчас изменится его судьба...

Митико протягивает мужу газету с фотографией Таро. Отвернула лицо в сторону, чтобы он не видел её волнения.

— Неужели ты не замечаешь, до чего он похож?

Улыбается Таро в газете.

Улыбается мальчик на стене.

— Улыбка похожа, — говорит Масао.

— Мне было как-то тяжело его видеть, — сказала Митико и замолчала.

Масао пытается её успокоить:

— И не надо тебе его видеть... Он совсем и не похож... Наш сын сейчас был бы взрослым.

— Да, — горько говорит Митико, — взрослым... Ему бы уже не годилась зелёная курточка.

Подходит к фотографии на стене, незаметным движением провела рукой по лицу сына, словно погладила его.

Таро, увешанный сумками, соскочил с велосипеда возле одного из домов, хочет поставить бутылку молока в ящик. Но его тут же окружают любопытные:

— Вот он, этот мальчик!

— Сегодня сколько писем?

— Я читал в газете, что ты играешь на бутылках. А ну-ка покажи, — просит Судзуки; он разглядывает мальчика, сосредоточенно о чём-то думая.

Таро быстро расставил несколько бутылок на тротуаре, начинает выстукивать палочкой ритм, напевает:

По дорожке, по бурвару...

Та-та, та-та...

Та-та, та-та...

Так увлёкся, что не заметил — к нему приглядывается какой-то молодой человек.

— Ну, хватит, — сердито говорит он.

Таро почтительно кланяется.

— А что? Я слишком громко пел?

— Не притворяйся... Ты, кажется, вообразил, что если получаешь письма из России, значит, можешь нарушать постановление?

— Разве запрещено получать письма? — хитрит Таро.

— Не в письмах дело. Ты прекрасно знаешь, что закон запрещает несовершеннолетним зарабатывать. На это есть взрослые.

— Что вы, я только пою, смотрите... — пытается уверить Таро.

— Ещё раз тебя увижу — попадёшь в полицию.

Таро, мрачный, собирает бутылки.

Прохожие медленно расходятся. Но Судзуки не уходит, продолжает смотреть на Таро.

Цветная реклама: на щите письма, марки, иероглифы. Реклама ожила, задвигалась... Оказывается, это на Таро надето картонное облачение. Он весело, с гордостью выкрикивает:

— Приходите к Судзуки смотреть на замечательного мальчика, получившего десять тысяч писем!

...Шум голосов... Смех... Аплодисменты...

За стойкой — Судзуки, подтянутый, весёлый. Он словно стал выше ростом.

Таро, неумело наряженный в русский костюм, играет на бутылках свою песенку.

Многие молодые посетители ему подпевают. Элли ходит между столиками, стараясь вызвать интерес к выступлению Таро.

— Десять тысяч писем прислали ему! Он мой ученик, я учу его петь и танцевать. Талантливый мальчик!

— У нас никогда дети так не выступали, раньше этого не было, — качает головой кто-то за столиком.

— У вас многого не было, — улыбается Элли.

Японская комната обставлена европейской мебелью.

Солнечный луч на подушке...

Таро спит не на циновке, а в кровати.

Вот он проснулся, не сразу вспомнил, где он и что с ним.

С интересом рассматривает кровать. Вскочил, попрыгал на матрасе.

Подбежал к зеркалу, полюбовался на себя в новом ночном кимоно. Отвешивает себе низкие поклоны. Так развеселился, что хохочет вслух.

За дверьми Кэтрин, с котёнком на руках, сгорает от любопытства.

— Таро? Ты смеёшься? Почему ты смеёшься?

Таро, стоя посреди комнаты, громко храпит, желая обмануть Кэтрин.

— Ты спишь? Как же ты смеёшься, если ты спишь? — недоумевает она за дверью.

Решив, что девочка ушла, Таро достаёт из-под кровати ящик из-под консервов, который служил столом в его хибарке. Теперь он полон фотокарточек. Усевшись на пол, Таро вынимает из ящика фотографии мальчишек, здоровается с ними, кланяясь:

— Коля-тян... Вася-тян... Юра-тян...

Кэтрин тихонько приоткрыла дверь, пускает в комнату котёнка. Потом входит сама.

— Извините... Тут мой котёнок... Он без меня двух минут не может прожить...

Таро, не взглянув на девочку, почмокал губами, позвал котёнка.

— Он не пойдёт к тебе без моего разрешения, — уверяет девочка. Увидев, что котёнок прыгнул к Таро на руки, она говорит с достоинством: — Можно, я разрешаю.

Неслышно ступая, входит Судзуки.

— Ну как, отдохнул?

— Здорово отдохнул. Вы мне дайте денег вперёд, пожалуйста.

— Зачем тебе деньги?

— Как — зачем? Сниматься! Мне срочно.

Таро, счастливый, довольный, снимается в маленьком фотоателье.

— Так хорошо? Смотрите, я улыбаюсь изо всех сил!

— Шикарно улыбаешься, — хвалит фотограф.

— Вы меня отпечатайте поскорей, сто штук.

— Богатый заказчик! — удивился фотограф.

— Пока даю задаток.

Таро отсчитывает деньги, отдаёт всё до последней монетки.

На небольшой площадке детский праздник. Высокая эстрада украшена разноцветными бумажными фонариками. Три молодые девушки и Митико танцуют бон-одари — японский народный танец.

У эстрады толпятся дети, они в нарядных летних кимоно.

— Танцуйте с нами в честь мира! Танцуйте веселей! — обращается к детям Митико.

И несколько ребят начинают кружиться, взявшись за руки. В круг становится и Таро.

Чуть поодаль Кэтрин с котёнком на руках разговаривает с толстяком Кэнзо. Он одет по-взрослому: в рубашке с галстуком. Он не сводит глаз с хорошенькой Кэтрин, угощает её леденцами. Она спрашивает неожиданно:

— Скажи, Кэнзо, ты храпишь во сне?

Кэнзо хочет угодить девочке:

— Вот уж никогда!

— А я знаю мальчика, который очень громко храпит и смеётся во сне, — хвастается Кэтрин.

— Если я захочу, я громче тигра могу храпеть, — уверяет Кэнзо. Делает это так добросовестно, что котёнок на руках у Кэтрин шипит, выгибая спину.

А на эстраде танцует теперь одна Митико. Девушки, стоя в стороне, обмахиваются веерами.

— Мы с ног валимся, а она хоть бы что...

— Она собирается идти пешком по городам, в поход мира.

Возле эстрады, среди гуляющих, прохаживается Масао. Он увидел Таро, который пляшет в кругу ребят. Масао опасливо поглядывает на него: не хочет, чтобы Митико с эстрады заметила мальчика.

А Кэтрин смотрит на Таро с открытым восхищением.

— Кэнзо, ты умеешь так танцевать?

— Вот ещё! Так только в деревне пляшут, — отвечает Кэнзо. — Зато я сильный! А у Таро никакой мускулатуры.

Кэтрин задорно кричит:

— Таро! У тебя никакой мускулатуры?!

Таро усмехается, выбегает из круга.

— А ну, толстяк, выходи! — кричит он.

Сразу нашёлся судья и подал знак. Сначала идёт церемония как у взрослых бойцов, потом мальчишки сцепились, и пошла потасовка. Перевес на стороне Кэнзо: он тяжелее и гнёт Таро вниз. Дети бурно хлопают Кэнзо.

Кэтрин заставляет котёнка бить лапками.

Но Таро неожиданно ловко изворачивается, бросает противника на землю. Теперь все бурно аплодируют ему.

Кэтрин подпрыгивает, радуется.

Проходя мимо неё, Таро тихонько вытащил из кармана верёвочку с бумажкой на конце и тянет её за собой по земле.

Котёнок выпрыгнул из рук девочки, побежал за бумажкой. Таро подхватил его и пошёл дальше, не удостоив Кэтрин даже взглядом.

Вечер... Таро стоит перед домом Масао, напоминает ему:

— Вы мне обещали написать адреса. Не всем, конечно, я пошлю сто карточек. Мне сказали: шикарно получусь, — торопится объяснить Таро.

— Ну что ж, раз обещал — напишу, — понизив голос, говорит Масао.

— Я ваш адрес на почте узнал.

— На почте? Нет, ты туда, пожалуйста, зря не ходи.

— Хорошо, я сюда приду, к вам...

— Нет, — шепчет Масао, — и сюда тоже тебе нельзя.

— А почему? — недоумевает Таро.

— Кто здесь? — спрашивает Митико, неожиданно появившись на пороге.

Масао, быстро взяв Таро за плечи, отступает с ним вместе за выступ дома.

Дым папиросы... Масао медленно курит, сидя на камне.

Молчание.

На земле, поджав ноги, хмурый сидит Таро. То ли он не в силах понять сложные переживания взрослых, то ли уже не верит, что Масао напишет адреса, но он спрашивает сердито, даже с вызовом:

— А вы? Значит, вам тоже тяжело меня видеть, если я похож на вашего сына?

— Я — другое дело, — уклончиво говорит Масао, — я мужчина. И потом, у всех по-разному выражается горе... Ты не думай, мы с тобой найдём возможность встретиться.

Таро вскочил:

— Не бойтесь, я к вам не приду, сам напишу адреса...

Сунув руки в карманы, он решительно зашагал в сторону.

В комнате есть стол, но Таро расположился на полу. Удобно устроившись на циновке, он что-то старательно пишет, вооружившись кисточкой. Пыхтит от усердия, ладонью вытирает лоб.

Около него, на корточках, сидит Кэтрин, заинтересованно следит за его занятием.

— Ой, как плохо у тебя получается! Мазня!

Таро вспыхнул:

— «Мазня»! Я срисовываю русские иероглифы. Думаешь, легко?

Кэтрин, взглянув на разложенные на полу конверты, посочувствовала:

— Трудно.

— Справлюсь! Сквозь скалу пройду, а отвечу!

— Хочешь, новость скажу? — тараторит Кэтрин. — Я буду с тобой вместе выступать, когда мы приедем в другой город.

— Молчи, не мешай, — нахмурился Таро. — Почему в другой город? — вдруг поднял он голову.

— Маме и папе предложили вступить в новое дело. Мы и тебя вкладываем как талант.

— Никуда не собираюсь вкладываться. Получу деньги в четверг, и всё...

— Уйдёшь от нас?.. Останься, ну куда ты пойдёшь?.. Мы тебе будем хорошо платить.

Таро продолжает молча писать. У него ничего не получается, он с досадой отодвинул конверт, взял другой.

— Хочешь, я тебе денег дам? Много денег, — предлагает Кэтрин.

— Откуда у тебя?.. — недоверчиво взглянул на неё Таро.

Кэтрин срывается с места, раздвигает лёгкую бумажную стену и вбегает в другую комнату. На столике стоит шкатулка. Кэтрин снимает с шеи цепочку с ключиком, достаёт из шкатулки копилку и возвращается к Таро.

— Полная! Посмотри, какая тяжёлая!

— Откуда у тебя деньги?!

— Потому что я умею с мамой обращаться. Я ей говорю: «Ты самая, самая красивая». И раз — денежка! Если бы ты так попробовал!

Таро негодуяюще сплюнул в сторону.

Взял копилку, деловито взвешивает её на руке.

— И бейсбол можно купить, и всё-всё! — уговаривает Кэтрин.

— Если бы велосипед, хоть старый, как у молочника... — говорит Таро.

— Я и на велосипед накоплю, — уверяет девочка, преданно глядя на Таро.

Но он возвращает ей копилку:

— Не надо мне! Копи себе на куколок.

Кэтрин укоризненно взглянула на него.

— Невежа! Сапожная щётка! — говорит она, уходя.

Таро складывает в ящик письма и фотографии.

— Юра-тян, если бы ты по-японски понимал... — говорит он, разглядывая пионера с множеством нашивок на рукаве.

...Юра, пионер с нашивками на рукаве, проводит сбор октябрятской звёздочки. Он чувствует себя, по крайней мере, командиром полка.

— Внимание! Тряпочки и щётки все принесли?

— Все, — отвечают октябрята и поднимают вверх сапожные щётки.

— По команде «раз», — говорит Юра, — снимаем с левой ноги башмак.

Каждый из октябрят принимается расшнуровывать левый башмак.

— По команде «два» смазываем башмак мазью.

Он не успевает оглянуться, как октябрята все перемазались.

Юра возмущён:

— Измазюкались как маленькие! Вытирайтесь скорей!

Размазывая чёрную мазь на щеке, одна из девочек что-то шепнула соседке. Вся звёздочка в один миг прилипла к стёклам.

Командир в негодовании:

— Как я должен это понимать?

— В школу почтальон идёт. Может быть, письмо из Японии?

— Почтальон?!

Мгновенно потеряв свою солидность, Юра вихрем вылетел в коридор, забыв, что он в одном башмаке.

Площадка лестницы многоэтажного московского дома. Из лифта выходит женщина-почтальон с раздувшейся сумкой писем.

Дверь отворяется, оттуда выглядывает какой-то мальчик:

— Тётя Шура, ну как?

— Нету из Японии, — привычно отвечает она, спускаясь этажом ниже.

И здесь её уже поджидают ребята, встречают вопросительными взглядами.

— Объясняю — нету из Японии.

На площадке следующего этажа её встречают Тася и Лариса.

— Тётя Шура, научите, как нам узнать, получены наши письма в Японии?

Тётя Шура задумалась.

— Сложное дело: зарубеж. Попробуйте запросить ихнюю почту, доставлено письмо или нет.

Лёжа на полу, уткнувшись в циновку, плачет Кэтрин:

— Завтра четверг, четверг...

Подбегает Элли:

— Тебя обидели? Кто тебя обидел?

— Завтра четверг... — всхлипывает Кэтрин.

— Скажи, в чём дело? Хочешь, чтобы у тебя глаза были красные?

— Не нужны мне глаза... — плачет Кэтрин. — Ты обещала, что я буду с ним танцевать, а он не поедет с нами, выкупит завтра карточки и уйдёт...

Вечер над курортным городком. Всюду рекламы — красные, жёлтые, зелёные... Они вертятся, плывут, мигают, исчезают и вспыхивают вновь. В освещённой витрине магазина красивый велосипед. Мимо идут Элли, Судзуки, Кэтрин и Таро.

Элли, будто случайно, остановилась у витрины:

— Какая прелесть, смотрите... Красавец...

— Красавец, — соглашается Таро.

Хозяин магазина заметил, что покупатели залюбовались, и у велосипеда мгновенно начинают крутиться сверкающие педали.

Элли предлагает:

— Купи себе такой!

Таро поражён:

— Вы шутите?

В глазах у него и удивление и надежда.

Элли делает вид, что хлопочет за мальчика, говорит мужу:

— Ты же должен ему немного денег, купим ему в счёт будущего заработка. Он отработает.

— Ну что ж, отработаешь — и велосипед твой, а пока будешь кататься, — вторит жене Судзуки.

Таро задумался.

— В счёт заработка? Не могу... Я же только задаток дал. Когда же я карточки выкуплю?..

— Когда приедем. Мы скоро вернёмся, — уговаривает Кэтрин.

Таро колеблется. Он отошёл от витрины, потом вернулся, снова отошёл. А велосипед блестит, светится, сигналит, его колёса вертятся, как два сверкающих обруча.

Таро гордо едет на новом велосипеде. На раме устроилась нарядная Кэтрин. Они мчатся, обгоняя официантов, которые, чудом сохраняя равновесие, развозят обеды на велосипедах, подняв на вытянутой руке поднос.

Таро тоже хочет показать себя: едет не держась за руль, проделывая на ходу всякие фокусы.

— Боишься? — снисходительно спрашивает он.

— С тобой я ничего не боюсь, — смеётся Кэтрин.

Вдруг на лице Таро отразилось замешательство. Он увидел свою фотографию в витрине того фотоателье, где он снимался. Снимок действительно хорошо получился.

Велосипед подпрыгнул, и Кэтрин от толчка чуть не слетела с рамы.

— Тише, ты! — кричит она испуганно.

Таро круто тормозит, разворачивается и, мрачно взглянув на себя в витрине, едет в обратную сторону.

Митико у витрины фотоателье сосредоточенно рассматривает карточку Таро.

Видимо решив, что она тоже собирается сниматься, хозяин предупредительно вышел на улицу, приглашает:

— Удачный снимок... И вы тоже так получите, прошу...

— Нет, благодарю вас, мне надо увеличить карточку для похода мира.

Митико вошла в фотоателье, вынимает из узелка фотографию сына.

Фотограф удивлён:

— Пойдите... Они братья?

— Нет, случайное сходство, — качает головой Митико.

Фотограф рассказывает:

— Знаете, тот мальчик заказал сто карточек, а сам куда-то пропал. Сто карточек — это не шутка...

— Как — пропал? — недоумевает Митико.

В рыбацком посёлке приятели Таро, которые помогали ему разгружать почту, посмеиваясь, переговариваясь, тащат вдоль развалившегося забора мешки с письмами.

Навстречу им Масао:

— Куда это вы?

— Выбрасывать несём, — веселятся мальчишки.

— Таро оставил у меня два мешка. Мать сердится: место занимают.

Масао покачал головой:

— Выбрасывать? А я вам ещё одно письмо принёс.

— От кого?

— От московской девочки. Она спрашивает, получил ли Таро письма русских детей и почему он не отвечает. На первый вопрос Митико-сан могла ей ответить, а на второй — нет.

И Масао вопросительно смотрит на ребят.

— А мы откуда знаем? Он куда-то уехал...

— Давайте мы вместо него ответим хоть на несколько писем. Я вам помогу, а то неудобно получается, — предлагает Масао.

Один из мальчишек вытаскивает наугад письмо из мешка:

— А что они там пишут?

Масао читает:

— «Однажды жёлтый обруч прошёл по всей планете...» Тут какая-то сказка или легенда: как будто московские дети катили обруч и пустили его по всему свету. И будто дети всего мира — белые, жёлтые, чёрные — подталкивают его своими руками, посылают этот обруч дружбы по всей земле... «По дорожке, по бульвару, по всему земному шару».

— Это же песенка Таро! — удивились мальчишки.

— А он слов не знает, поёт — та-та...

Один из мальчиков фантазирует:

— Я тоже сам видел этот обруч, он катился мимо цветущего вишнёвого дерева.

Мальчики смеются, не верят.

Но Масао поддерживает фантазёра:

— А что ж, может быть, он и видел.

В Москве у входа в Дом Союзов дежурит толпа мальчишек.

Широкая лестница, ведущая в Колонный зал, тоже заполнена мальчишками. Они нетерпеливо ждут скрипача Борисова, то и дело посматривают на верхнюю площадку.

А он за кулисами, укладывая в футляр свою скрипку, спрашивает кого-то:

— Как бы мне выбраться отсюда другим ходом?

Крадучись, он выходит через запасной выход. Но не тут-то было! Ватага мальчишек мгновенно окружает его:

— Почему Таро не отвечает?

— Мы написали, а он не отвечает!..

— Вы же обещали, что он напишет, — перебивают они друг друга.

Андрей Петрович тщетно пытается их уговорить:

— Ну что вы за мной по пятам ходите?! Не знаю, почему он не отвечает!

Мальчики недовольно шумят.

Семья Судзуки уже в новом городе, где больше световых реклам, больше нарядных полотнищ с иероглифами на стенах домов...

Ресторан, который арендует Судзуки в этом городе, просторнее и обставлен лучше прежнего. Но настроение у Элли плохое.

— Смотри, как надо работать! — сердито говорит она Таро.

В тренировочном костюме, извиваясь и раскачиваясь, она вертит вокруг себя обруч, показывая движения хулахупа. Таро замечает беззлобно:

— Вы застрянете, вас оттуда и не вытащишь.

— Ты, кажется, и впрямь вообразил, что ты талант, — рассердилась Элли, — а здесь у тебя никакого успеха. Все давно забыли про твои письма. Одна надежда на новый номер. Повтори движение, будешь выступать со мной.

— С вами? Я с вами не брался.

— Возьми обруч и повтори движение! — повысила голос Элли.

— Не буду с вами!

Элли прикрикнула:

— Отниму велосипед!

— Тогда отдайте деньги, которые я заработал!

— Детям запрещено зарабатывать, — насмешливо говорит Элли и хочет дать ему подзатыльник.

Таро увёртывается.

— Если бы не моя доброта, я бы давно тебя прогнала. Вспомни, каким ты пришёл к нам.

Таро, уязвлённый её словами, на ходу скинул новую тренировочную курточку:

— Натё!

Снял брюки, швырнул их на пол:

— Натё!

Оставшись в одних трусиках, Таро сбрасывает туфли с ног.

— Натё!

Таро лихорадочно собирает свои вещи. Надел старый костюм, напялил картузик. Выдвинул из-под кровати ящик, где лежали фотокарточки. Видит, что ящик пуст. Не веря себе, Таро стоит ошеломлённый. Весело вбегает Кэтрин. Таро вне себя бросается к ней:

— Где мои карточки? Юра-тян, Гога-тян... Ты взяла?

Кэтрин опешила, на её лице растерянность.

— Я не брала...

— Ты взяла! Ты! Кто же ещё?! — наступает на неё Таро.

Таро спрашивает мусорщика:

— Пожалуйста, а мусор куда увозят?

— Выбросили что-нибудь?

— Наверно, выбросили, — кивает Таро.

— Кольцо? Часы?

— Письма.

— Ну, письма... Ещё напишут.

— Нет, больше не напишут.

Кэтрин, опечаленная, идёт по улице.

Черноголовая малышка-девочка спрашивает её:

— А почему ты одна, без него?

Кэтрин вздыхает:

— Он ушёл.

— А я знаю, где он, — говорит малышка.

— Ты его видела? Когда?

— Сейчас видела, он с мальчишками... Они в менко играют, — рассказывает девочка.

Глаза Кэтрин заблестели, огорчение словно смыло с её лица.

— Бежим скорей!

Малышка на ходу рассказывает:

— Слышу — его голос.

— Он пел? — спрашивает Кэтрин.

Малышка смеётся:

— Он не пел, а мяукал.

— Про кого ты говоришь? — растерялась Кэтрин.

— Про твоего котёнка.

— Про котёнка? — упавшим голосом переспрашивает Кэтрин и уже машинально идёт за малышкой.

На узкой улочке, сгрудившись в кружок, японские ребята азартно сражаются в менко (карты с картинками). Картинками служат на этот раз фотографии советских мальчишек.

— Мой ход! — кричит один из игроков и бросает карточку Юры на землю.

Удивлённые, обрадованные глаза Кэтрин. Она увидела карточки, всплеснула руками:

— Вася-тян! Юра-тян!

И вот уже Кэтрин, с копилкой в руках, полная решимости, уговаривает мальчиков:

— Продайте мне эти карточки.

— Сколько дашь? — заинтересовались игроки.

— Всю копилку! С восьми лет коплю.

Кэтрин разбивает копилку, сыплются монеты. Мальчишки, толкаясь, кидаются их собирать.

А Кэтрин, присев на корточки, торопливо собирает лежащие на земле фотографии.

Мальчишки смеются:

— Мать выбросила — дочка выкупила.

Зашумел, застучал по крышам ливень, вспугнул прохожих. Они торопливо перебегают кто куда.

Кэтрин прячется под навес, укрывая от дождя карточки.

На этой же самой улице, на другой стороне, прячется от дождя Таро. Дети не видят друг друга, их разделяет грохочущая стена ливня.

Рядом с Таро пристраивается молодая японка с мальчиком лет шести.

Ливень затихает.

Кэтрин уже совсем решила выйти из своего укрытия, но по улице, заняв её всю, движется демонстрация.

Зонтики, зонтики, раскрытые чёрные зонтики. Над ними колышутся плакаты.

Медленно идут женщины в чёрных кимоно. Они несут увеличенные фотографии детей, повитые чёрными лентами.

— Это их дети? — спрашивает у матери мальчик, стоящий рядом с Таро.

— Да... Они погибли от американской бомбы. Матери несут их портреты из города в город. Это поход мира.

— А зачем? — спрашивает мальчик.

— Чтобы больше не было войны. — Женщина тревожно прижимает к себе сына.

Вдруг Кэтрин увидела на другом тротуаре Таро. Пробираясь сквозь толпу, она окликает его. Он обернулся, увидел её, но бросился бежать...

Колонна задержалась, остановилась. Митико оказалась возле молодой женщины с мальчиком. Он показывает на фотографию сына Митико, которую она несёт.

— Мама, смотри!

— Он тоже погиб, — говорит женщина.

— Что ты, — возражает мальчик, — он рядом с нами стоял... Ваш сын тут сейчас стоял...

— Мой сын?

— Замолчи... — говорит молодая японка. — Не слушайте его, но тут правда был мальчик очень похожий...

— Да, я знаю, о ком вы говорите, они похожи как братья... Но разве он здесь? Где же он?

А Таро мчится стремглав, убегая от Кэтрин. И всё-таки где-то в садике перед деревянным

храмом она почти догнала его. Кричит, запыхавшись:

— Подожди!.. Я нашла карточки...

Таро остановился, обрадованный.

Запыхавшаяся Кэтрин опускается на скамейку.

— Мама их выбросила. Нечаянно... — добавляет она.

— Ты молодец, — говорит Таро, с трудом отдышавшись... — Я не думал... что девчонки... так быстро могут бегать.

Присев на край скамейки, он перебирает фотографии. Ему попадаетея карточка Борисова с заклеенной марками Тасей. Осторожно отклеивает марки с её лица.

— Кто её залепил? — спрашивает Кэтрин.

— Так, дурак один, — говорит Таро и встает со скамейки.

— Куда ты пойдёшь теперь? — спрашивает Кэтрин.

— Доберусь как-нибудь до своего города...

— А мне пришлешь письмо?

— Пришлю когда-нибудь.

— Скорей присылай, я буду ждать.

У храма — гадалщик. В руках у него медный сосуд и палочки с номерками. Кэтрин подходит к гадалщику, даёт монету, вытаскивает номер. Гадалщик подаёт ей бумажку.

— Прочтите, пожалуйста, — просит Кэтрин.

Гадалщик читает:

— «Будь трудолюбив, и к концу жизни исполнится твоё желание».

— А раньше нельзя? У меня очень важное желание. Мне нужно, чтобы оно раньше исполнилось... — объясняет Кэтрин.

Ранний рассвет... Шум моря.

В рыбацкой лодке, свернувшись калачиком, спит продрогший Таро. Мимо проходит дядя Дзиро, старый рыбак. Остановился, покачал головой:

— Как крепко спит.

На пристани толпятся пареньки из рыбацкого посёлка. Они в школьных матросках, надетых для торжественного случая. В руках у одних пачки писем, у других — трещотки, свистульки, барабаны.

Мальчики окружили Масао, уговариваются с ним:

— Вы нам подадите знак?

На пристани появляется делегация женщин, не спеша они идут к причалу.

Масао, увидев их, машет рукой. Зазвучала под аккомпанемент трещоток и свистулек песенка:

По дорожке, по бурвару,

По всему земному шару...

Окончив петь, мальчики подходят к Митико, кланяются, передают ей перевязанные пачки писем.

Масао тоже церемонно кланяется Митико:

— С моей помощью мальчики ответили почти на полмешка. Просят передать детям в Москве.

Митико торжественно принимает письма и тоже отвешивает традиционные поклоны. Раздаётся гудок парохода. Митико и её спутницы поднимаются на палубу.

А в толпе мальчишек какое-то движение, они показывают в сторону лодок, бегут туда.

— Что там происходит? — заинтересовались женщины на пароходе.

А происходит вот что: из рыбацкой лодки вылезает только что проснувшийся Таро.

Мальчики подбегают, зовут его:

— Идём скорей! Мы провожаем Митико-сан...

Побежавший было за ними Таро услышал имя Митико-сан и остановился.

— Не пойду.

А Митико с парохода увидела Таро, узнала его, кричит:

— Масао, Масао! Он там!..

На лице Митико такое беспокойство, что кто-то из пассажиров спросил:

— Это её сын?

— Может быть, и сын, — отвечает Митико.

— Ваш сын? — недоумевает одна из её спутниц. — Как?! Разве он... нашёлся?

— Мне его нашли, — уже спокойно говорит Митико.

— Кто нашёл?

— Десять тысяч мальчиков, — улыбается Митико.

Пароход медленно отчаливает от берега. Ветер шевелит, подхватывает разноцветные бумажные ленты, протянувшиеся с берега на палубу. Они начинают виться, превращаются в обруч.

Пароход, уходя к горизонту, становится всё меньше и меньше. А обруч становится всё больше, катится по воде, догоняя пароход.

То на одной волне, то на другой, взлетая, катится жёлтый обруч. 1963

ПРО БОЛЬШИХ И ПРО МАЛЕНЬКИХ

ПЕТЯ РОДИЛСЯ

Петя родился

В семье педагога.

Петю решили

Воспитывать строго.

Вечером Петя

Явился на свет,

Утром созвали

Семейный совет.

Выступил дедушка —

Доктор наук:

— Он будет спартанцем,

Мой маленький внук!

Мы жёсткий матрасик

Положим на доски,

Мы будем воспитывать Петю

Без соски!

Раз он лежит

На сухом и на чистом,

Он должен молчать

И не быть эгоистом.

Петина тётя,

Дошкольный работник,

Решила в квартире

Устроить субботник,

А возле кроватки

Повесить картинки:

Цветочки на грядке

И спелый арбуз —

Пусть мальчик любуется,

Лёжа на спинке,

И пусть у него

Развивается вкус.

Но вот проходит десять дней,

Во рту у Пети соска,

Не расстается Петя с ней,

И спать ему не жёстко.

Он в одеялах и в платках

Ревёт у мамы на руках.

Только Петенька заплачет

(Он в кровать не хочет лечь),

Вся семья поёт и скачет,

Чтобы Петеньку развлечь.

Обе бабушки-старушки

Вынимают погремушки.

Дед пищит из-под стола:

— Мяу, кошечка пришла!

Тётя снимает со стенки арбуз:

— А хочешь, посмотрим цветочки?

И, развивая с младенчества вкус,

Петя их рвёт на кусочки.

Вот ребёнку скоро год.

Петю кормят кашкой.

Вот сидит он и ревёт

Перед полной чашкой.

Все рассказывают Пете:

— К нам придут другие дети,
Мы им кашки не дадим,
Сами кашку поедим.

Кошке Машке

Не дадим,
Сами кашку
Поедим.

Потом удивляется

Доктор наук:
— Какой у меня
Избалованный внук!

Теперь я на опыте

Мог убедиться:
Ребёнок всегда
Эгоистом рождается.

1940

Я В КУКЛЫ НЕ ИГРАЮ

Мы сегодня в детском саду игрушки прорабатывали. Зайку мы уже совсем проработали, он теперь даже без ушей. А лошадку Вовка хотя один прорабатывал, но от неё всё равно только грива осталась. Этот Вовка раньше был трудный ребёнок. А теперь трудных детей отменили, и он теперь называется бывший трудный ребёнок.

А в куклы я не играю, потому что Анна Семёновна сказала, что кому больше пяти лет, тому уже нужно играть не в куклы, а с двигателями. И я взяла этот двигатель, на все колёсики ему туфельки надела и спать уложила.

Потом у нас было тематическое вырезывание на тему «Весна». А Вовка на эту тему плевался и два раза попал. 1937

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПЕРЕД СНОМ

Оказывается, наша бабушка тоже была маленькая! Что мама была маленькая, это я знал. Ну что бабушка, этого я не думал!

Наверное, тогда все люди были маленькие и ничего у них не было... Радио у них не было! А как же они тогда Первомайский парад передавали?

И метро у них тоже не было. Они приходят на площадь Маяковского, хотят сесть в метро, а его совсем нет!

А теперь все люди выросли и всё построили... И папа мой вырос, он ещё и сейчас растёт. Про него даже в газете писали, что он растёт прямо на работе. 1940

МАМА ИЛИ Я?

Непонятно, кто из нас

Поступает в первый класс,

Мама или я —

Новиков Илья?

Наш букет уже готов.

Кто не спит из-за цветов?

Кто глядит чуть свет:

— Не завял букет?

Мама, а не я —

Новиков Илья.

Рассказала всем чужим:

— Скоро в школу побежим!—

Мама, а не я —

Новиков Илья.

Перед первым сентябрём

Мама сбилась с ног:

— Ну-ка книжки соберём!..

Что на завтрак мы берём?..

Не проспй, сынок!

Непонятно, кто из нас

Поступает в первый класс,

Мама или я —

Новиков Илья?!

1970

ДАЧНЫЙ АДРЕС

Тётя сказала: — Такая удача —

Около станции чудная дача!

Там и сосны и дубы,

Земляника и грибы,

И всего до нашей дачи

Двадцать пять минут ходьбы.

Там прекрасная природа
И земля для огорода.

Пригласила тётя Оля
Папу, маму и меня.
Предложила тётя Оля:
— Приезжайте на два дня.

Я вам адрес объясню:
Вы выходите к плетню —
Там, от станции направо,
Начинается канава.

Вы дойдёте до сторожки
И пойдёте по дорожке.

Там высокая ограда,
Вам туда идти не надо.

Вы идите прямо-прямо,
На поляне будет яма.

Вы дойдёте до колодца,
Там дорога оборвётся.

Поднимитесь на пригорок —
Наш участок номер сорок.

Про меня сказала тётя:
— Вы с собой его возьмёте,
Он не будет нам мешать,
Будет воздухом дышать...

Мы дошли до поворота,
Оказалось — там болото.

Мы шагали по опушке,
Мы взбирались на пригорок.
Мы спросили у старушки:
— Где участок номер сорок?

А старушка нам сказала:
— Это где-то у вокзала.

Как нарочно, дождь закапал.
— Так! — сказал сердито папа.—

Говорил: возьмите зонтик,
Вон гроза на горизонте!

Мы решили: переждём.
Постояли под дождём.
Дальше я идти не мог —
Я до ниточки промок.

Перешли мы через мостик.
Там стояли поезда...
Больше я на дачу в гости
Не поеду никогда.

Тёте Оле напишу,
Что я дома подышу.

1940

ТАК НА ТАК

Решили два Ивана
Меняться без обмана.

А что менять,
Не в этом суть,
Хоть что-нибудь

На что-нибудь!

Игрушечного зайку

На гвоздики и гайку,

А гвоздики и гайку

Потом опять на зайку.

Друзья не ищут выгод,—

Им пошуметь, попрыгать,

Кричать: — Меняю кошку

На сломанную брошку,

А сломанную брошку

Потом опять на кошку!

Решили два Ивана

Меняться без обмана.

А что менять,

Не в этом суть,

Хоть что-нибудь

На что-нибудь!

Так целый день менялись

И при своём остались.

1970

МОЙ ПАПА РАССЕРДИЛСЯ

Я заработал двойку
Из-за трёхзначных чисел,
Мой папа рассердился,
Но голос не повысил.

Уж лучше бы мой папа
Кричал, ногами топал,
Швырял бы вещи на пол,
Разбил тарелку об пол.

Нет, он молчит часами...
Он слова не проронит,
Как будто я не Павлик,
А кто-то посторонний.

Он, мне не отвечая,
Меня не замечая,
Молчит и за обедом,
Молчит во время чая.

Он с безразличным видом
Меня оглянет мельком,

Как будто я не Павлик,

А стол или скамейка...

А мне молчанье в тягость,

Я с горя спать улягусь.

1969

ПЕРВАЯ ВЫСОТА

Уговариваем братца

Мы на лавочку взобраться.

Маловат Андрейка наш!

Для Андрейки все скамейки

Как для нас второй этаж.

Уговариваем братца,

Ну, а он давай брыкаться!

Тут, сказать на чистоту,

Как схватили мы Андрейку,

Как втащили на скамейку...

Взял он эту высоту!

1970

ЕЩЁ ОДНИ ШЕФЫ

На сцене выступать нетрудно. Мы на сцене выступали в академии, потому что наш детский сад над академиком шефствует. Мы для них всё делаем, мы для них поправились на двадцать кило.

Мы для них костюмы сделали из бумаги и танцевали. Младшая группа была — зайчики, а старшая — васильки. Я стихи не говорила. Я говорила приветствие, потому что Мария Алексеевна сказала, что у меня хорошее общее развитие.

Я всё хорошо сказала, я только про лицо забыла — что мы их от ихнего лица приветствуем или они нас от нашего? Потом я всё про лицо вспомнила, и про тепло, и про ремонт в столовой, что мы его не царапаем.

Я ещё только неправильно вот что сказала: оказывается, это не мы для них всё делаем, а они для нас. Значит, это не мы для них поправились, а они для нас. Я только не знаю, на сколько кило. 1953

КАК НА МАМИНЫ ИМЕНИНЫ...

Готова к празднику семья:

Подарки клеят сыновья

Для мамы, не жалея

Ни сил своих, ни клея.

— Я по-другому поступлю,—

Придумал старший самый.—

Подарок маме я куплю!

А деньги где? У мамы.

У мамы просит денег

Сынок лет десяти:

— Подарок в день рожденья

Тебе преподнести!

Хоть мама, скажем прямо,
Взглянула на сынка
Растерянно слегка,
Дала полтинник мама
Ему из кошелька.

— Теперь, — сказал сыночек,—
Ты, для такого дня,
Купи себе что хочешь
В подарок от меня!

Но этих денег мало,
Прибавь себе сама.—
Тут мама простонала:
— Нет, я сойду с ума!

1969

КОМУ ЧТО

Старички сидят в тени
Час, другой и третий.
Удивляются они:
— Как от вечной беготни
Не устанут дети?

А мальчишка впопыхах

Говорит о старичках,
Бегая по саду:
— Как они не устают?
Я устану в пять минут,
Если я присяду!

1970

ИСТИННАЯ ПРАВДА

Папа меня посадил на стул и сказал: «Имей в виду, ты должен расти честным, принципиальным и всегда находить в себе мужество всем говорить истинную правду. А не вилить, как, например, наш начальник товарищ Фёдоров». И мама тоже согласилась, что нельзя быть как Фёдоров, что если её сын будет как Фёдоров, то она лучше сразу утопится. И я обещал, что буду всегда всем говорить истинную правду. Тогда меня они отпустили гулять. А когда я пришёл со двора, мамы не было. Я хотел отковырнуть лёд на подоконнике и его немножко погрызть, а потом сказать маме прямо в глаза, что я лёд съел. Но тут зазвонил телефон. Я взял трубку и закричал: «Алло, никого нет дома, кто спрашивает?» А там был дядя, он ответил: «Ты меня не знаешь, я Фёдоров». А я сказал, что Фёдорова знаю, он папин начальник и всё время вилит. И что, если я на него буду похож, моя мама утопится.

Фёдоров сначала удивился, а потом так меня благодарил, он сказал: «Наконец-то я знаю всю правду, большое тебе спасибо, мальчик».

Я папе рассказал, как мы с Фёдоровым хорошо поговорили, как он был ужасно рад и меня благодарил за всю правду. Но мой папа вдруг схватился за голову и закричал на меня изо всех сил: «Как ты смел?! Ты же меня зарезал! Я теперь никогда не выйду из этого положения!» А мама заплакала и сказала, что она утопится! 1954

ВСЁ ИЗ-ЗА ЭТОЙ ЛЮБЫ

Вздыхал отец,
Вздыхала мать:
— Ну как на сына
Повлиять?
Всё утро мы влияли —
Храпит он в одеяле!

Наверно, слишком

Мы добры!

Он поздно

Спать ложится,

Он отрастил

Свои вихры,

Как будто он

Девушка!

Как он развязно

Входит в дверь,

Играя на гитаре.

Он не с товарищем

Теперь,

С девчонкой Любой

В паре.

Вздыхал отец,

Вздыхала мать:

— Наверно, из-за Любы

Ты перестал

Нас понимать,

Ты стал нечуткий,

Грубый...

И вдруг он

Без гитары
Идёт в причёске
Старой...
Ни дерзостей,
Ни крика,
Не мальчик —
Кот-мурлыка.

Удивлены
Отец и мать:
Кто мог
На парня
Повлиять?!

А повлиела
Люба.
Он понял:
Ей не любо,
Когда он дерзок
С ней.
Он раньше,
Без гитары,
В своей причёске
Старой,
Ей нравился
Сильней.

1969

ТРУДНЫЙ ПЕРЕУЛОК

К нам в воскресенье приехал дядя Миша, не в троллейбусе, а в своей машине. Он начальник цеха, он получил премию, и у него теперь есть «Москвич». Там четыре человека помещаются и ещё ребёнок, если он не очень крупный. Я не крупный, и меня дядя Миша взял с собой. Мы сели в машину и поехали к бабушке.

Водителем быть трудно, потому что везде висят знаки, что сюда ехать нельзя. К бабушке надо в переулок налево, но налево нельзя, и мы проехали мимо. А в соседнем переулке висел хороший знак, но дядя Миша растерялся и его проехал, а потом опять налево нельзя. Дядя Миша так расстроился, но мы сказали, чтобы он не нервничал, не обязательно ехать к бабушке, можно вообще ехать прямо, лишь бы только у нас не было нарушений. Мой папа дядю Мишу подбадривал, чтобы он не падал духом и верил в свои силы. А тётя Оля велела, когда мы к милиционеру подъезжали, чтобы дядя Миша сделал такое лицо, как будто он опытный водитель.

Мы всё время ехали прямо и никак не могли выбрать, где же нам правильно развернуться. Наконец, у самой заставы, мы развернулись и поехали опять мимо бабушки. Дядя Миша сказал, что с её переулком лучше не связываться, лучше он нас довезёт до музея, он туда уже утром ездил по этой дороге и уже выучился.

Мы доехали до музея и обратно и дядю Мишу очень благодарили, потому что он для первого раза хорошо себя проявил.

А бабушка сказала, что если у неё такой трудный переулок, то она лучше завтра сама к нам приедет в автобусе. 1951

МАМА ВОЗРАЖАЕТ

Сажали саженцы в саду.

Сынок сказал: — И я пойду!—

Но мама крикнула: — Нет, нет!

Нельзя, ни в коем случае!

Ребёнку только десять лет,

А саженцы колючие.

Не по дням, а по часам

Сын растёт, мужает.

Хочет гвоздь забить он сам,

Мама возражает:

— Нет, ты лучше, в добрый час,
Погуляй по саду,
Ты же слабенький у нас,
Родился в блокаду!

Стал сыночек привыкать
К маминым запретам,
Стал охотно отдыхать
И зимой и летом.

Мать признала наконец,
На сыночка глядя:
— Сын и вправду молодец,
Здоровенный дядя!

Краснощёк он и здоров.
Наколи, сыночек, дров!

Но в ответ раздался бас:
— Нет, я лучше сяду!
Я же слабенький у вас,
Родился в блокаду!

ЕСЛИ БУДУ Я УСАТ

Захотел иметь усы

Маленький Геннадий:

— Отращу себе усы,

Сразу стану дядей.

Если буду я усат,

Не пойду я в детский сад.

Отпущу себе усы,

Сделаюсь взрослее,

Буду целые часы

Прыгать по аллее.

Для чего мне детский сад,

Если я теперь усат?

Скажут люди про меня:

— Ну с какой же стати

Должен мальчик среди дня

Отдыхать в кровати?

Посудите сами —

Он уже с усами!

Мчится к маме он чуть свет,

Шепчет с важным видом:

— Я тебе один секрет

По секрету выдам.

Ничего я до сих пор

Не сказал ребятам:

Скоро выйду я во двор

Взрослым и усатым.—

Говорит она в ответ,

Соглашаясь с сыном:

— Что ж, пройдёт немного лет,

И пойдут усы нам!

1970

ЁЛКА

Купили мне матроску,

И папа мне сказал:

— Сегодня мы на ёлку

Пойдём в огромный зал.

Я был в матроске новой
Похож на моряка,
В огромном зале ёлка
Почти до потолка.

Серебряные рыбки,
Блестящи и легки,
Качаются на ветках,
Расправив плавники.

Внизу под этой ёлкой
Сидел большой медведь...
Мне всё на этой ёлке
Хотелось разглядеть.

Тётя незнакомая
Ко мне подходит вдруг,
Кричит весёлым голосом:
— Ребята, встаньте в круг!

Сейчас наденем маски!
Сейчас начнутся пляски!

Я плясал и прыгал

С ребятами в кругу,
Потом сказал ребятам:
— Я к ёлке побегу!

Пойду рукой потрогаю
Блестящего жука!—
А тётя незнакомая
Кричит издалека:

— Теперь снимайте маски,
Теперь кончайте пляски!
Сюда приехал сказочник,
Он нам расскажет сказки!

Сказка длинная была:
Про то, как жил козлёнок,
Как он по полю гулял,
По траве зелёной,

Как потом его в лесу
Забодали волки...
Я стоял так далеко,
Что не видел ёлки.

Я только на верхушке

Увидел полхлопушки.

— Теперь, — сказала тётя,—

Идём скорей к Петрушке.

А мне на эту ёлку

Хотелось поглядеть.

Внизу под этой ёлкой

Сидел большой медведь.

— Теперь, — сказала тётя,—

Мы будем песни петь.—

Мы пели «Волга, Волга...»,

Мы пели долго, долго...

Потом мне дали яблоко

И жёлтый леденец.

Потом сказала тётя,

Что празднику конец.

Я в большой передней

Долго одевался,

А потом обратно

В коридор пробрался.

И оттуда в щёлочку

Разглядел всю ёлочку.

1945

В ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Мама дали путёвку в дом отдыха, а детей туда не берут. Но потом меня всё-таки взяли в порядке исключения. Мама мне сказала, что в доме отдыха все отдыхающие, они целый год работают, а теперь им нужно укрепить здоровье, поэтому шуметь нельзя, прыгать нельзя и петь тоже нельзя, чтобы никому не мешать. И я не шумела, и никому не мешала, и играла с кошкой.

Вдруг ко мне подходит один дядя и спрашивает: «Девочка, почему ты всё время молчишь? Это неестественно в твоём возрасте!»

А я молчу, потому что он отдыхающий и ему нельзя мешать. И тётя спрашивает: «Девочка, ты умеешь читать стихи?» А я ничего не отвечаю. Вдруг один дядя с усами сказал, что этого дела так нельзя оставить, что ребёнок должен быть живым, бодрым и меня нужно развлечь. И тут все отдыхающие взялись за руки и стали вокруг меня бегать, прыгать и петь «В лесу родилась ёлочка». Я всё сдерживалась и не прыгала, только немножко, а не как тот дядя с усами.

Мама пришла и на меня рассердилась: «Я же тебя просила не мешать отдыхающим!» И тогда все сказали, что это они сами шумели, чтобы я была подвижная. А дядя с усами сказал, что он тут скучал, а сегодня прекрасно провёл время и что пускай всегда детей сюда берут в порядке исключения. 1951

ЗОЛОТАЯ МИШУРА

Нарушено, нарушено

Спокойствие Андрюшино!

До сих пор бывало так:

Нужно сделать красный мак

Или склеить рамочку —

Он попросит мамочку.

Расцелует ямочки
На щеках у мамочки,
И уже готова мать
И тетрадки линовать,
И закладки рисовать.

Жил за маминой спиной,
Как за каменной стеной.

Вдруг нагрянула беда,
Как всегда,
Негаданно —
К понедельнику, к утру,
К школьной ёлке мишуру
Сделать было задано.

— Сделай, мамочка, к утру
Золотую мишуру!

Вы подумайте — отказ
Получил он в этот раз!

Как же это понимать?
— Сделай сам, — сказала мать.—
На себя я не беру

Всех твоих забот.

— Сделай, мамочка, к утру

Золотую мишуру!—

Сын уже ревёт —

Золотую мишуру,

А иначе я умру!

Мать вздыхает: поздний час,

Сыну спать пора.

— Так и быть! В последний раз...

Будет мишура!

Вытер слёзы наш герой,

Он ложится спать.

И сидит над мишурой

Мамочка опять.

Дотемна сидит она,

За окном блестит луна,

Все огни потушены...

Скоро ёлка, Новый год!

Пусть он твёрдость принесёт

Мамочке Андрюшиной...

